

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

Макарычев Александр Сергеевич

**НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 Г. В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ:
ДЕМОКРАТИЯ И РЕАКЦИЯ НА ПЕРИФЕРИИ ГЕРМАНИИ**

Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история» (новая и новейшая история)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Кретинин Геннадий Викторович

Калининград

2022

Содержание

Введение	3
Глава 1. Нарастание революционного кризиса в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны	48
§ 1. Ухудшение социально-экономического положения.....	48
§ 2. Радикализация общественно-политической жизни.....	61
Глава 2. Развитие демократического потенциала революции в Восточной Пруссии	76
§ 1. Формирование и деятельность революционных органов власти.....	76
§ 2. Перестройка политических партий и формирование Веймарской коалиционной системы.....	109
Глава 3. Управляемая реакция в условиях революционного и постимперского конфликта	123
§ 1. Деятельность имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии Августа Виннига.....	124
§ 2. Роль организации «Восточнопрусская Отчественная служба» и народных Советов в стабилизации внутреннего положения провинции.....	143
Заключение	155
Список источников и литературы	159

Введение

Актуальность темы исследования. В любом обществе и государстве существует потребность (правда, в различной степени) в обновлении, регенерации своих сил и в прогрессе. Удовлетворение этой потребности достигается либо государственными реформами (государственной политикой), либо революцией. Изучение революции в диахронном (национальном и региональном) и синхронном (международном) срезе составляет важную актуальную задачу современной исторической науки.

Революции как переломные события человеческой истории, тем более революции новейшего времени, произошедшие в России и странах Европы, в частности в Германии на исходе Первой мировой войны, находятся в фокусе пристального внимания не только профессиональных историков и социологов, публицистов и журналистов, но и побудили в своё время взяться за перо профессиональных политиков и военных, принимавших непосредственное участие в описываемых событиях¹. Отмечавшийся в 2018 г. историческим сообществом столетний юбилей Ноябрьской революции в Германии представил удобный повод ретроспективно взглянуть на это важное событие с позиции достаточно длительной хронологической перспективы и подвести её значимые, а не только обусловленные политической конъюнктурой исторические итоги.

При этом вполне отчётливо проявился любопытный факт. Прошедшие конференции, симпозиумы и «круглые столы» историков обнаружили определённый сдвиг научного интереса к изучению Ноябрьской революции с её общегерманской проблематики на региональную², с центра на периферию. Конечно, это не следует понимать как утрату интереса к общереволюционной проблематике и событиям в Берлине в 1918–1919 гг., которые остаются в поле

¹ См., например: *Lüttwitz W. Im Kampf gegen die Revolution. Berlin, 1934; Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart, 1927; Müller R. Vom Kaiserreich zur Republik. Wien, 1924; Noske G. Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution. Berlin, 1920; Winnig A. 400 Tage Ostpreußen. Dresden, 1928.*

² *November 1918. Revolution an der Ostsee und im Reich. (Hg.) Thomas Stamm-Kuhlmann. Köln, 2020.*

зрения историков, однако речь идёт в основном о различных интерпретациях уже известных фактов. Определённую роль здесь сыграло и то, что в общественно-политическом дискурсе послевоенной Германии (ФРГ) Ноябрьская революция воспринималась в общем негативно, а её главные действующие лица зачастую характеризовались как «преступники» или «предатели»³.

Это смещение акцента на изучение периферийного уровня революции⁴ вполне согласуется с известным постулатом о том, что Ноябрьская революция 1918 г. не имела своего единого центра и развивалась большей частью стихийно, а Берлин выступал своего рода тормозящим и сдерживающим фактором, направлявшим её развитие в легальные рамки парламентской демократии. Поэтому в определённом смысле можно говорить (не упуская связь местных событий с общим положением в рейхе) о революциях в Баварии, Саксонии, Померании, Восточной Пруссии и других провинциях бывшей Германской империи, течение и результаты которых определялись не только внутренним соотношением противоборствующих сил, но и (в случае с Восточной Пруссией) внешними факторами. Обращение к «местным пластам» революции удачно сочетается с такими современными направлениями в исторической науке, как история повседневности и микроистория, а также с изучением этнических и социально-психологических аспектов рассматриваемого явления.

В этом плане Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии не повезло. В исторической науке отсутствует комплексное исследование этого сложного социально-экономического и общественно-политического явления на территории бывшей Восточной Пруссии. «Историки неоднократно обращались

³ *Haffner S.* Die deutsche Revolution 1918/19. München, 1979.

⁴ См., например: *Ватлин А. Ю.* Советская республика в Баварии: история политических мифов // Новая и новейшая история. 2013. № 4; *Дамье В. В.* Немецкие анархо-синдикалисты и рабочие Рура (1919–1920 годы): от Ноябрьской революции до Капповского путча // Новая и новейшая история. 2020. № 5.

к общегерманской проблематике этого периода, в то время как региональные (восточнопруссские) аспекты находились на периферии научного внимания»⁵.

Объект исследования – Ноябрьская революция 1918 г. в Германии.

Предмет исследования – восточнопруссские аспекты Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1914 по 1919 гг. Исходным пунктом данного периода служит начало Первой мировой войны, в ходе которой к осени 1918 г. сформировались предпосылки Революции в Германии (Восточной Пруссии). Определение начального момента революции сомнений не вызывает. Германская революция началась 3 ноября 1918 г. восстанием моряков в Киле, к которому один за другим присоединялись города морского побережья. К 9 ноября почти во всех городах на севере, западе и юге Германии революция победила и повсеместно были созданы рабочие и солдатские Советы.

До Восточной Пруссии и Кёнигсберга революционная волна докатилась 8 ноября, когда начались массовые демонстрации и митинги, закончившиеся созданием (избранием) новых революционных органов власти 9 и 10 ноября. Окончанием революции в данном диссертационном исследовании считается август 1919 г., когда после подписания президентом Фридрихом Эбертом (11 августа) была опубликована и вступила в силу (14 августа) конституция, завершившая процесс создания Веймарской республики, начавшийся в революционные дни ноября 1918 г.⁶.

Географические рамки диссертационного исследования ограничены территорией провинции Восточная Пруссия (Германская империя) по административному делению 1878 г. Её границы на западе проходили по линии Хайлигенбайль, Прейсиш-Голланд, Морунген, Остероде; на юге – Найденбург,

⁵ Гальцов В. И., Сергеев В. В. От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917–1918 гг. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени СПГУ. 2018. № 18-1. С. 134.

⁶ Следует отметить, что в исторической литературе имеются различные точки зрения на то, что считать окончанием революции.

Ортельсбург, Иоханнисбург, Лик; на востоке – Олецко, Гольдап, Шталлупёнен, Пилькаллен. На севере крайней точкой являлся город Мемель.

В работе используются **термины**, содержание которых полисемантично или ограничено определённым географическим ареалом и историческим периодом: *коммунальная политика Советов* – политика направленная на удовлетворение потребностей населения уезда и (или) района (обеспечение продовольственного снабжения и работы коммунальных служб, общественной безопасности, занятости и демобилизации), реализуемая на уровне местного самоуправления; *ландрат* – правительственный (до революции королевский) чиновник, осуществлявший государственные функции на территории района и назначавшийся министром внутренних дел (до революции прусским королём) по предложению районного представительного собрания (крейстага);

регирунгс-президент – глава гражданской администрации одного из трёх правительственных округов Восточной Пруссии; *обер-президент* – глава администрации (правительства) Восточной Пруссии, являвшийся представителем центральной власти в провинции и обладавший надзорными и контрольными функциями над всеми её административными органами.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В основу исследования положен принцип историзма, способствующий рассмотрению революции в её динамике от перерастания революционного кризиса в революционный взрыв, затем спада и узаконивания достигнутых результатов в новой конституции. Помимо общенаучных методов (анализа, синтеза, обобщения) основой исследования стали специальные исторические методы.

При рассмотрении социально-политических аспектов революции в Восточной Пруссии в исследуемый период был использован историко-описательный метод, который дал возможность проанализировать историю Ноябрьской революции 1918 г. в контексте её многообразных проявлений в социально-политической жизни провинции. Акцент в нарративе революции сделан прежде всего на коммунальной политике рабочих, солдатских и крестьянских Советов провинции, где главной формой конфликта было стремление некоторых Советов выйти за рамки своих компетенций и проводить леворадикальную политику, направленную на углубление демократического содержания революции.

Историко-системный метод позволил целостно рассмотреть объект исследования, проанализировать многообразные механизмы взаимодействия новых революционных органов власти и сохранившихся административных учреждений монархии, что обусловило собой определенную деформацию развития революционного процесса.

Проблематика диссертации, помимо прочего, связана с такими факторами развития революции, как международное положение, преобразование партийно-политического ландшафта и формирование национальной

идентичности, что ставит перед исследователем задачу комплексного изучения региональных аспектов феномена революции.

Цель работы – раскрыть причины, содержание и итоги Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии как социально-политического явления.

Для достижения цели необходимо было решить ряд исследовательских **задач**:

1) изучить предпосылки и условия складывания революционной ситуации в Восточной Пруссии к ноябрю 1918 г.;

2) проанализировать деятельность рабочих, солдатских и крестьянских Советов как революционных органов власти;

3) охарактеризовать перестройку партийной системы и формирование Веймарской коалиционной системы;

4) оценить результаты деятельности имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии А. Виннига в революции 1918–1919 гг.;

5) охарактеризовать значение «Восточнопрусской Отчужденной службы» и народных Советов в контексте революции 1918–1919 гг.

Источники по теме исследования подразделяются на несколько групп. Первая группа источников включает в себя разнообразный документальный материал, сосредоточенный в фондах Тайного государственного архива Прусского культурного наследия (Берлин, Далем)⁷. Первоначально эти документы относились к фондам Прусского государственного архива в Кёнигсберге, который с 1901 г. территориально стал депозитарием для материалов, отложенных в органах государственной власти и различных учреждениях Восточной Пруссии⁸. В 1930 г. он переехал из Кёнигсбергского замка в новое современное здание на ул. Ганзаринг⁹.

История перемещения фондов Прусского государственного архива на исходе Второй мировой войны достаточно запутана. Известно, что по приказу

⁷ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (далее – GStA PK).

⁸ *Йениг Б.* Прусские фонды в Государственном архиве Калининградской области // Калининградские архивы. Вып. 3. 2001. С. 47.

⁹ В настоящее время здание Калининградской областной научной библиотеки.

Прусского управления архивами (Берлин) зимой 1944–1945 гг. наиболее важные фонды были вывезены в рудник у Хельмштедта (Нижняя Саксония), а оставшаяся часть была перевезена на юг провинции и после войны оказалась в Государственном архиве г. Ольштына в Польше¹⁰. Уже после войны оказавшиеся в оккупационной зоне союзников документы Прусского государственного архива были перемещены в архивохранилище в г. Гёттинген, а позднее, уже после объединения Германии в 1990 г., в вышеупомянутый Тайный государственный архив Прусского культурного наследия. Конечно, всё это негативно отразилось на сохранности архивных документов, многие из которых, видимо, безвозвратно утеряны. Невосполнимой утратой для исторических исследований является также гибель городского архива Кёнигсберга¹¹ в результате двух бомбардировок города английской авиацией в конце августа 1944 г.

Сохранившийся массив документов бывшего Прусского государственного архива, относящийся к революционным событиям в Восточной Пруссии, состоит из четырёх фондов. Наиболее важным и информативным из них является фонд оберпрезидиума Кёнигсберга, насчитывающий порядка семидесяти дел¹². В хронологическом плане эти документы относятся к 1917–1923 гг. В них характеризуются различные аспекты революционных событий, а именно деятельность Советов рабочих и солдат и их финансовое обеспечение, жалобы на деятельность революционных органов власти, стачки и забастовки (забастовка в июле 1919 г. в Кёнигсберге выделена в отдельное дело), выборы в Прусское провинциальное собрание в 1918–1919 гг., деятельность рейхскомиссара и оберпрезидента А. Виннига и его полномочных представителей на местах. Несколько дел относятся к деятельности и реформированию органов государственной власти на местах (прежде всего учреждений пограничной службы и полиции), в них содержатся

¹⁰ Йениг Б. Указ. соч. С. 47.

¹¹ Находился в здании старого университета на острове Кнайпхоф.

¹² Klatt R. Ostpreußen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg, 1958. S. 251–252.

отчёты правительственных президентов, ландратов и комиссаров полиции о текущей обстановке, включая так называемые отчёты «о настроениях населения» (Stimmungsberichte), в которых приводятся данные о недовольстве трудящихся голодом, дороговизной, спекуляцией и рыночных волнениях. В донесениях полицей-президентов содержатся также данные о деятельности низовых социал-демократических организаций ряда провинциальных городов Восточной Пруссии, таких как Тильзит, Инстербург, Гумбиннен, Даркемен, Алленштайн, Маргграбова, Хайдекруг и др.

Большой интерес представляет фонд администрации правительственного округа Гумбиннен¹³, содержащий сведения о деятельности рабочих и солдатских Советов отдельных районов, крестьянских Советов, гражданских отрядов ополчения (как правило, контрреволюционных), а также фрагменты секретной служебной переписки между правительственными учреждениями провинциями и Берлином относительно противодействия проникновению на территорию рейха коммунистических (большевистских идей) и эмиссаров Советского государства.

Фонд администрации правительственного округа Кёнигсберг¹⁴, к сожалению, состоит всего лишь из четырёх разрозненных дел, характеризующих деятельность восточнопрусской организации «Отечественный союз» (Heimatbund), районных отрядов ополчения (Kreiswehren), а также националистической польской и литовской пропаганды.

Фонд администрации правительственного округа Алленштайн¹⁵ включает в себя документы рейхскомиссариата по подготовке к проведению плебисцита на спорных территориях, а также служебную переписку правительственных учреждений относительно условий мирного урегулирования, предложенного союзниками.

¹³ Ibid. S. 253

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

Ценность данных документов для исторических исследований весьма различна. Большею частью они относятся к служебной переписке правительственных учреждений (а также новоявленных органов революционной власти в виде Советов) Восточной Пруссии, которая в силу своей фрагментарности или незначительности не всегда представляет интерес для историка-исследователя. Напротив, сохранившиеся распоряжения центральных учреждений и ведомств, докладные записки и меморандумы восточнопруссских чиновников высшего и среднего звена являются весьма ценным источником для понимания механики взаимодействия (и борьбы) старых (кайзеровских) и новых (революционных) органов власти.

Большой фактический материал о боевых действиях добровольческих отрядов и немецких войск в Прибалтике и германских землях после Первой мировой войны, охваченных революционным брожением, содержит многотомное издание военно-исторического отдела вермахта, вышедшее в начале Второй мировой войны¹⁶. Несмотря на политическую ангажированность издания, оно служит убедительным доказательством того, что добровольческие отряды являлись главной ударной силой политической реакции в Германии, разгромившей леворадикальное движение.

В Государственном архиве Калининградской области имеется фонд документов писателя и общественного деятеля Ю. Н. Иванова, насчитывающий несколько сотен единиц хранения. Дело № 282 содержит его переписку в качестве председателя Калининградского отделения Советского фонда культуры с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (ГДР) и материалы по истории восточнопруссского отделения Коммунистической партии Германии (КПГ), среди которых находится мемуарная заметка Вальтера Клавса о Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии.¹⁷ Остальные

¹⁶ Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps im Auftrage des Oberkommandos des Heeres, bearbeitet und Herausgegeben von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt. Berlin, 1936–1940. Bd. I–VIII.

¹⁷ Государственный архив Калининградской области. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 43–63 (далее – ГАКО).

документы дела, хотя и представляют несомненный исторический интерес, относятся к более позднему периоду, а именно к 1920-м гг.

Вторая группа источников представлена разнообразным газетным материалом, который отражает весь спектр различных общественно-политических сил (партий), действовавших в Восточной Пруссии в 1918–1919 гг. Взгляды и интересы консервативной партии традиционно выражала «Востоchnопрусская газета» (*Ostpreußische Zeitung*). Накануне и во время революционных событий в ней регулярно освещались мероприятия центральной власти, а также печатались воззвания и программные документы различных сельскохозяйственных союзов и организаций, выражавших прежде всего интересы крупных помещиков (юнкеров) и крупных аграриев.

Широкий спектр либеральных установок выражала «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» (*Königsberger Hartungsche Zeitung*)¹⁸. Эта старейшая (и самая популярная) газета Восточной Пруссии, являвшаяся рупором Народной демократической партии, нередко печатала статьи своих оппонентов, как правых, так и левых, разумеется, с соответствующими комментариями. Следует отметить, что «Кёнигсбергская Гартунгская газета» на протяжении длительного времени определённое внимание уделяла дискуссиям и конфликтам двух течений внутри германской социал-демократии (правым социал-демократам и независимцам), поэтому является важным источником по изучению революционных событий 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии. Немаловажное значение имеет и то, что её выпуски, по сравнению с другими периодическими изданиями, лучше всего сохранились применительно к рассматриваемому времени¹⁹.

Широкое освещение революционные события находили, разумеется, и в социал-демократической прессе Восточной Пруссии. Востоchnопрусское

¹⁸ См., например: *Шепель Я. Г.* Внешнеполитические темы на страницах «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» в первой половине 1919 года // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2020. № 11.

¹⁹ Имеющееся в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия собрание выпусков «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» охватывает период с января по июнь 1919 г.

отделение социал-демократической партии Германии (СДПГ) традиционно выражало свои партийно-политические установки через «Кёнигсбергскую народную газету» (Königsberger Volkszeitung) и после раскола партии в 1917 г., а провинциальная организация Независимой социал-демократической Германии (НСДПГ) получила свой официальный печатный орган – газету «Фрайхайд» (Freiheit) – только в начале 1919 г. До этого времени её сторонники распространяли листовки и брошюры, а попытки создания собственных газет на местах – «Фольксштимме» (Volksstimme) в Кёнигсберге или «Дас фрайе ворт» (Das freie Wort) в Данциге быстро пресекались военной цензурой²⁰.

Необходимо отметить, что социал-демократы Восточной Пруссии имели возможность выражать свои взгляды и в центральной прессе Германии соответствующего направления²¹, которая также может рассматриваться как соответствующий источник по изучению Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии.

Интересным источником по изучению социально-политической истории Восточной Пруссии (в том числе революционных событий 1918 г.) рассматриваемого периода является сборник в нескольких частях, посвящённый различным аспектам истории восточнопрусской социал-демократии последней четверти XIX – первой трети XX в.²². Автор – германский историк-архивист Вольфганг Реске – скрупулёзно собрал и систематизировал обширный газетный материал, имеющий отношение к данной теме. Важно отметить, что в сборнике представлены не только ведущие социал-демократические газеты провинции, но и малоизвестные издания, такие

²⁰ Matull W. Ostpreussens Arbeiterbewegung. Würzburg, 1970. S. 70

²¹ Правые социал-демократы печатались в берлинской «Vorwärts», а независимые социал-демократы в «Leipziger Volkszeitung».

²² Auf Spurensuche zur Geschichte der Sozialdemokratie in Ostpreußen. Die Presse der Königsberger Sozialdemokratie. 1884-1933. Teil 3. Zusammengestellt von Dr. W. Reske. Dresden 2015; Ostpreußische und preußische sozialdemokratische Parteitage in Dokumenten ihrer Zeit. Teil 4; Der 1. Mai in Königsberg und in der Provinz Ostpreußen im Spiegel der Presse. Teil 5; Gerichtsprozesse gegen ostpreußische Sozialdemokraten. 1890-1923. Teil 6; Berichte zur Sozialdemokratie in Königsberg Pr. vom Beginn des 1. Weltkrieges 1914 bis 1924 in Dokumenten ihrer Zeit. Teil 8; Die Sozialdemokratie in der Provinz Ostpreußen von 1890 bis 1920 in Dokumenten ihrer Zeit. Teil 9. (далее – Auf Spurensuche).

как «Восточнопруссский сельский курьер» (Ostpreußischer Landbote) и «Народная трибуна» (Volks-Tribüne), которые дают возможность более подробно представить настроения в провинции. Следует всё же отметить определённую тематическую узость этого издания, которое применительно к революционному периоду ограничено преимущественно изложением борьбы двух течений внутри германской социал-демократии.

Газеты революционного содержания, прежде всего коммунистическая «Роте Фане» (Rote Fahne), стали распространяться в Восточной Пруссии уже после Ноябрьской революции 1918 г. и основания Коммунистической партии Германии / Союз «Спартак» 31 декабря того же года. Они почти не содержат каких-либо значимых восточнопруссских реалий, поскольку ориентировались прежде всего на общегерманскую аудиторию, а их содержание отражало преимущественно события в Берлине, преподнесённые, конечно, в спартакистском духе. До революции 1918 г. группа «Спартак» (ядро будущей КПГ) не имела своего постоянного печатного издания, а доносила до населения Восточной Пруссии свои идеи и лозунги в форме брошюр и листовок, главным образом антивоенного содержания, которые распространялись на предприятиях и в казармах специальными доверенными людьми (Vertrauensleute).

Интересным и важным историческим источником для изучения революционных событий 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии является **мемуаристика**.

Любопытно, что никто из бывших подданных Российской империи или новоявленных граждан Советской России не оставил воспоминаний или хотя бы свидетельств о своём пребывании в Восточной Пруссии во время революционных событий 1918–1919 гг. Однако этому есть объяснение. В конце Первой мировой войны такие потенциальные очевидцы из России, как правило, могли находиться на территории провинции лишь в статусе интернированных лиц или военнопленных, других вариантов не было, а в последующие годы (после возвращения в Россию) писать о своём пребывании в Восточной Пруссии могло оказаться небезопасным.

С другой стороны, в 1918–1919 гг. советско-германские официальные контакты вследствие антисоветского курса правительства Эберта-Шейдемана были сведены Берлином к минимуму, что также не способствовало исправлению ситуации в смысле оставления каких-либо письменных свидетельств россиян о пребывании в Германии, тем более в её восточной пограничной прифронтной провинции.

Однако один очевидец всё же есть. Им оказался известный прозаик, сценарист и издатель Роман Борисович Гуль, который после захвата Киева Петлюрой в 1918 г. оказался на положении военнопленного и был вывезен немецким военным командованием в Германию в лагерь для перемещённых лиц. В начале января 1919 г. он побывал в южной части Восточной Пруссии и о своих впечатлениях рассказал позднее в очерке воспоминаний «Киевская эпопея». И хотя его свидетельство весьма кратко, любопытно отметить, что ему «после пережитой российской бескрайней анархии Германия (т. е. Восточная Пруссия – *А. М.*) показалась страной буржуазного отдохновения»²³.

Это замечание правдоподобно и вполне согласуется с донесениями ландратов небольших провинциальных городков Восточной Пруссии (Р. Б. Гуль имел возможность выйти из вагона на станции Просткен, а далее он излагает свои визуальные впечатления о станциях по пути следования: Кёршене, Алленштайне, Дейч-Эйлау, Грауденце и Шнайдемюле), имевших железнодорожные станции, что население спокойно и что созданные Советы, как правило, обеспечивают общественный порядок.

Из немецких мемуарных источников следует прежде всего упомянуть воспоминания имперского комиссара и обер-президента провинции Августа Виннига²⁴, которые охватывают период с 25 января 1919 г. до середины марта 1920 г. Следовательно, начальный период революции (ноябрь – декабрь 1918 г.) просто выпал из поля его зрения. Самые ранние воспоминания Виннига «400 дней Восточной Пруссии» были напечатаны в 1927 г. в социал-

²³ Гуль Р. Б. Киевская эпопея // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1–2. С. 84–85.

²⁴ Winnig A. 400 Tage Ostpreußen. Dresden, 1928; Winnig A. Heimkehr. Hamburg, 1935.

демократическом журнале «Volksstaat», а в 1928 г. вышли отдельной брошюрой.

Его более поздние воспоминания, опубликованные уже во времена Третьего рейха в 1935 г., были дополнены изложением его деятельности в Прибалтике и основ немецкой восточной политики. Несмотря на то, что мемуары Виннига характеризуют относительно длительный временной промежуток (они завершаются Капповским путчем и проведением Варминско-Мазурского плебисцита 11 июля 1920 г.), наиболее существенным представляется его повествование об отношениях с революционными органами власти – Провинциальным Советом рабочих и солдат и Комитетом семи, руководившим Народной морской дивизией, а также о событиях 3 марта 1919 г. в Кёнигсберге.

Такое тематическое сужение воспоминаний Виннига вполне обоснованно, поскольку одной из главных задач имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии было устранение препятствий для переброски регулярных войск из рейха для сдерживания частей Красной армии в Прибалтике, поскольку солдатские Советы провинции останавливали военные транспорты и отправляли их обратно. Решение этого вопроса, по Виннигу, было непосредственно связано с устранением влияния Народной морской дивизии, которая де-факто правила в Кёнигсберге и без которой не мог быть решён ни один вопрос. Любопытно отметить, что операцию по подавлению отрядов народной обороны Винниг называет «акцией по разоружению».

Характерно, что на этом имперский комиссар считал свою главную задачу выполненной и собирался покинуть Восточную Пруссию, однако берлинские власти сочли его пребывание там необходимым, поручив ему решение ряда других вопросов. Подытоживая разгром радикальных революционных сил, Винниг с удовлетворением отметил, что «Циркулярная телеграмма всем Советам провинции, в которой им предлагалось в установленный срок дать ответ, признают ли они распоряжение Совета Народных Уполномоченных от 19 января (1919 г., которое ограничивало их

юрисдикцию – А. М.), возымела желанный успех. Теперь они все подчинились законной власти»²⁵.

К сожалению, переводов теоретических работ и воспоминаний А. Виннига на русский язык практически нет, если не считать «Прибалтийского излома» в переводе Л. В. Ланника, который содержит обширные и весьма информативные комментарии²⁶. По сути, это перевод немецкого издания мемуаров А. Виннига «На исходе германской политики на Востоке: личные впечатления и воспоминания», опубликованных в Берлине в 1921 г. Эти воспоминания легли в основу первой части его «Возвращения» (Heimkehr) и излагали события до его назначения имперским комиссаром Восточной Пруссии.

Важным источником по данной теме, близким к мемуарам, являются так называемые свидетельства очевидцев. Их особенность состоит в том, что они повествуют о каком-либо локальном событии (или нескольких взаимосвязанных событиях), ограниченным достаточно коротким временным промежутком. Есть у них и другая общая черта – они все были составлены спустя несколько десятилетий и не предназначались для публикации, однако история распорядилась иначе.

Первым среди них следует отметить мемуарную заметку Вальтера Клавса²⁷, хотя её жанр определить непросто, поскольку автор прибегает к изложению собственных впечатлений (речь идёт о событиях 9–10 ноября 1918 г. и уличных боях в Кёнисберге 3 марта 1919 г.), чередуя его с историческим (марксистским) анализом описываемых событий.

Любопытна история появления этого свидетельства. В середине 1980-х гг. калининградской общественностью обсуждался вопрос о создании в областном центре музея истории Коммунистической партии Германии (КПГ) и антифашистской борьбы в Восточной Пруссии. Эту идею поддерживало

²⁵ Winnig A. 400 Tage Ostpreussen. Dresden, 1928. S. 26.

²⁶ Прибалтийский излом (1918–1919). Август Винниг у колыбели латышской и эстонской государственности /пер., предисл. и комм. Л. В. Ланника [и др.]. М., 2019.

²⁷ ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 43–63.

Калининградское отделение Советского фонда культуры, которое тогда возглавлял известный писатель Ю. Н. Иванов. Именно он подготовил письмо в Союз писателей ГДР с просьбой предоставить соответствующие материалы для экспозиции будущего музея. Письмо Иванова было перенаправлено в Институт марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Среди присланных материалов оказалась и мемуарная заметка В. Клавса, который был непосредственным свидетелем событий Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии.

После окончания Второй мировой войны и образования института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ²⁸ он долгое время работал сотрудником отдела истории германского рабочего и коммунистического движения и написал ряд интересных работ и статей, в том числе и по истории отделения Коммунистической партии Германии в бывшей Восточной Пруссии²⁹. Однако к заметке Клавса следует подходить критически и сопоставлять её с другими источниками, поскольку, как отмечает сам автор, он не использовал при её написании архивных документов, материалов прессы, воспоминаний и исторических монографий, да и временной отрыв от описываемых событий был весьма большой – примерно полвека. Необходимо также с определёнными оговорками принимать некоторые ортодоксально-марксистские тезисы Клавса, а также его терминологию и периодизацию революции, тем более что изложение событий он доводит только до 3–4 марта 1919 г. Тем не менее, несмотря на некоторый схематизм и определённую фрагментарность, мемуарная заметка В. Клавса представляет собой весьма информативный источник по изучению революционных событий 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии³⁰. Автор был хорошо знаком со многими действующими лицами,

²⁸ Эйнике Л. Деятельность института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ // Вопросы истории. 1960. № 10. С. 205–210.

²⁹ Neues Deutschland. URL: <https://www.nd-archiv.de/ausgabe.1975-09-27>.

³⁰ Кретицин Г. В., Макарычев А. С. Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: свидетельство очевидца // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 199–209.

главным образом из среды местной группы КПП/Союз «Спартак» и левого крыла НСДПГ.

Очевидцами и участниками революционных событий ноября-декабря 1918 г. в Кёнигсберге, оставивших письменные свидетельства о них, были Вольфганг Шмидт и Эрих Волленберг.

В. Шмидт участвовал в Первой мировой войне, однако после тяжёлого ранения был комиссован. В 1918 г. он был снова принят на военную службу и, будучи в звании унтер-офицера, занимался составлением отчётов о политических событиях для военного окружного командования. В 1920-е гг. он занимал должность ландрата в Гердауэне. Э. Волленберг на момент революции был лейтенантом резерва и сторонником коммунистов. В первые дни и недели революции он занимался созданием республиканских охранных отрядов и частей Народной морской дивизии. В январе 1919 г. он покинул Кёнигсберг и уехал в Мюнхен, а в 1924 г. эмигрировал в Россию. Его последующая жизнь была сродни авантюрно-приключенческому роману.

В своих деталях их свидетельства отличаются друг от друга, а некоторая путаница в фактах вполне объяснима всё тем же большим временным отрывом от описываемых событий. Однако они ценны прежде всего подтверждением того, что революция началась стихийно после получения первых известий о восстании революционных матросов в Киле и Вильгельмсхафене, и что местное руководство СДПГ и НСДПГ вмешалось в эти события только тогда, когда ситуация стала выходить из-под контроля и оно рисковало остаться на обочине революционного кризиса, потеряв всякую связь с народными массами.

Э. Волленбергу принадлежит также любопытное упоминание о том, что уже в конце декабря 1918 г. в одном из фортов Кёнигсберга, а именно в Кведнау, началась подготовка добровольческих отрядов «балтийцев» под руководством английской военной миссии³¹. Прямых доказательств этому нет, однако есть факты, косвенно подтверждающие это свидетельство Волленберга. В начале декабря в Берлине и других городах Германии стали появляться

³¹ *Matull W. Op. cit. S. 77.*

военные миссии западных держав, решавших специфические задачи. 23 декабря 1918 г. на борту английского корабля «Принсес Маргрет» состоялись переговоры А. Виннига с английским представителем о создании добровольческих соединений.

Достаточно подробно внутривосточное положение в Восточной Пруссии накануне выборов в Учредительное национальное собрание 19 января 1919 г. характеризует адъютант генерала инженерных войск Кана при расформированном штабе 10-й армии в Лётцене Винценц Мюллер. Любопытно, что действующий кадровый офицер определился с политическим выбором только в самый последний момент, отдав свой голос Немецкой народной партии и отвернувшись от демократов только потому, что импонирующая ему «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» напечатала пацифистскую передовицу. В феврале он был переведён по службе в подразделение сухопутных сил «Управление пограничной охраны Север» в Бартенштайн, командующим которым был генерал от инфантерии фон Кваст, а начальником штаба генерал-майор фон Сект. Именно здесь были сформированы на добровольной основе части правительственных войск, направленных в начале марта 1919 г. на подавление Народной морской дивизии в Кёнигсберге.

Характерно, что войсковая часть В. Мюллера входила в город через дачное предместье Марауненгоф³², не встречая серьёзного сопротивления, в то время как войскам, которые входили в город с юга и юго-востока, где находились так называемые «красные» (рабочие) кварталы, пришлось вести короткие, но кровопролитные бои³³.

Интересное свидетельство о событиях 3 марта 1919 г. оставил также Эрвин Шарфенорт³⁴. Накануне уличных боёв в Кёнигсберге он находился на излечении в лазарете, оборудованном в одной из школ на Йоркштрассе. Он вернулся в Кёнигсберг после побывки у родителей в Хайлигенбайле утром 3

³² В настоящее время район улицы Э. Тельмана в Калининграде.

³³ Мюллер В. Я нашёл подлинную родину. Записки немецкого генерала. М., 1974. С. 69–70.

³⁴ Цит. по: Matull W. Op. cit. S. 80–81.

марта через старый Восточный вокзал. И хотя его дальнейший рассказ изобилует деталями пешего пути к лазарету и новом ранении от рук спартакистов (это он выставляет главной причиной своей записи в один из добровольческих отрядов), он приводит интересные факты о военном положении в городе и оцеплении правительственными войсками городских транспортных узлов и прилегающих улиц³⁵.

Вышеперечисленные свидетельства при сопоставлении их с документами оберпрезидиума Кёнигсберга и материалами прессы того времени дают возможность более полно представить начало революции и её узловые моменты, поскольку авторы не испытывали на себе ограничений партийной дисциплины или государственной службы.

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии привлекала внимание **советских историков** уже в 1930-е гг.³⁶, однако революционным событиям в Восточной Пруссии уделялось, в лучшем случае, только поверхностное и эпизодическое внимание. Это объяснялось не только крайне ограниченным доступом к архивным документам и мемуарному наследию (советские историки могли получить представление о революционных событиях в провинции, основываясь только на материалах немецкой прессы), но и высоким градусом политизации самой темы. Революционные бои немецкого пролетариата ещё были свежи в памяти, да и сама внутривнутриполитическая обстановка в Германии в начале 1930-х гг. не исключала возможности прихода КПГ к власти, вследствие чего научная разработка истории Ноябрьской революции 1918 г. имела своеобразный прикладной характер и ограничивалась теми регионами, где коммунисты традиционно имели сильные позиции:

³⁵ Шарфенорт сообщает также любопытную деталь, что члены отрядов народной морской обороны и спартакистских групп в Кёнигсберге называли реакционных офицеров и участников добровольческих формирований 'Носке' (по имени военного министра Г. Носке, активного организатора подавления революционных выступлений народных масс в Германии в январе–мае 1919 г.).

³⁶ См., например: *Шелавин К.* Авангардные бои западноевропейского пролетариата. Очерки германской революции 1918–1919 гг. Ч. I и II. Л., 1930; *Застенкер Н.* Баварская Советская республика. М., 1934.

Берлином, Баварией, Рейнско-Вестфальским промышленным районом, Саксонией и северным побережьем.

Следует отметить, что в последующие годы (вплоть до начала 1990-х гг.) «советские ученые в своём анализе Ноябрьской революции, её характера, основных политических сил не могли выходить за границы суждений Ленина. Возможные дискуссии сводились к различным трактовкам ленинских положений. При этом не подвергался никаким сомнениям или альтернативным интерпретациям основной тезис всей советской историографии – о буржуазно-демократическом характере германской революции, осуществлявшейся частично пролетарскими методами, при ведущей роли в ней рабочего класса во главе со спартаковцами, позднее – коммунистами, и её незавершённости и конечного краха, прежде всего из-за предательства социал-демократов»³⁷. Этот тезис, который активно и успешно защищал патриарх советской германистики Я. С. Драбкин³⁸, стал доминирующим не только в советской историографии, но и в историографии ГДР.

В поле зрения советских историков изредка попадал Кёнигсберг как столица самой восточной провинции Германии в общем контексте описания голодных стачек и уличных выступлений, которые широкой волной захлестнули страну в 1917–1918 гг. Относительно же деятельности столичного (Кёнигсбергского) Совета сообщалось только, что им был смещен обер-бургомистр.

Несколько лучше обстояло дело с персонификацией революции: двум её видным деятелям – Гуго Гаазе и Августу Виннигу – как правило, давались негативные характеристики. Гаазе, выходец из Кёнигсберга, который в 1911 г. стал председателем СДПГ, как считалось, не обладал «ни качествами пролетарского трибуна, ни твердыми убеждениями закаленного марксиста», но зато искусно владел даром «примирять и замазывать противоречия, все более

³⁷ Цимбаев К. Н. Историография Ноябрьской революции 1918 года в Германии // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 126.

³⁸ См. например: Драбкин Я. С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. М., 1958; Драбкин Я. С. Германская революция 1918 г. М., 1967.

резко проявлявшиеся в партии»³⁹. Понятно, что такой человек, став во главе Независимой социал-демократической партии Германии, должен был лавировать между правыми социал-демократами и сторонниками «Спартака», оттягивая голоса последних в свою пользу и тем самым играя на руку СДПГ.

Любопытно, что деятельность другого деятеля революции, Виннига, оценивается только в плане его литературного наследия как профсоюзного теоретика и подведения итогов его пребывания в Прибалтике в качестве уполномоченного рейха. Как теоретик он «отравлял» сознание рабочего класса и широких слоев трудового народа ядом социал-шовинизма, национализма и русофобства, а как политик он проявил себя «душителем революционного движения» в Прибалтике и создателем добровольческих отрядов (Freikorps), прежде всего «Железной дивизии»⁴⁰.

О его деятельности на посту имперского и государственного комиссара Восточной и Западной Пруссии, а также обер-президента Восточной Пруссии упоминается только вскользь. Интересно, что политические биографии Гаазе и Виннига представляют собой два как бы разноректорных движения: первый вышел из провинции и стал влиятельным лидером социал-демократии национального уровня, а второй «пришёл» в провинцию с репутацией одного из руководителей профсоюзного движения и политика, проявившего себя искусным дипломатом в защите интересов рейха в Прибалтике.

Такое отсутствие интереса у советской историографии к революционным событиям в Восточной Пруссии нельзя объяснить какой-то одной причиной. Помимо уже упоминавшегося ограниченного доступа к архивным источникам, играли свою роль и определённые идеологические факторы. Ноябрьская революция в целом оценивалась с точки зрения решения ею идеальной сверхзадачи – стать этапом мировой пролетарской революции. Однако она, как известно, не только потерпела поражение, но и быстро сменилась своего рода

³⁹ Драбкин Я. С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. М., 1958. С. 18.

⁴⁰ Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы Первой мировой войны. М., 1960.

контрреволюцией и реакцией, что наиболее наглядно проявилось как раз в Восточной Пруссии – этом «осином гнезде» империализма, где делами заправляли военщина, чиновничество и добровольческие отряды. В этом смысле революция в Восточной Пруссии как бы не заслуживала пристального интереса историков.

Наконец, следует учитывать и то, что после 1945 г. теперь уже бывшая Восточная Пруссия являлась военным трофеем, и изучение её прошлого (кроме, пожалуй, древнейшего периода и военной истории, связанной с победами русского оружия) не запрещалось, но и не приветствовалось.

Определённые сдвиги в методологических установках в изучении германской революции 1918 г. в российской историографии произошли в 1990-е гг. Период гласности и либерализации в области гуманитарных наук побудил историков по-новому взглянуть на борьбу двух тенденций – либерально-демократической в лице СДПГ и НСДПГ и тоталитарной, которая ассоциировалась со сторонниками Союза «Спартак» и КПП. «И если раньше советские историки безоговорочно становились на сторону спартаковцев, то теперь авторы новых работ именно в них видели самую серьёзную опасность – утверждение тоталитарной диктатуры»⁴¹.

Важный вывод в контексте влияния Советской России на Ноябрьскую революцию 1918 г. делает российский историк А. Ю. Ватлин, говоря о том, что немецкие левые социалисты с недоверием относились к «русскому пути» спасения революции. «Полоса идейных конфликтов и организационных расколов на рубеже 1918–1919 гг. не только парализовала революционный лагерь в момент, когда силы “старого порядка” перешли в контрнаступление, но и предопределила печальную судьбу первой немецкой демократии»⁴².

Однако в отношении изучения революционных событий в Восточной Пруссии ситуация практически не изменилась – бывшая самая восточная

⁴¹ Цимбаев К. Н. Указ. соч. С. 127.

⁴² Ватлин А. Ю. Советская Россия и германская революция 1918 года // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 78–79.

провинция Германии по-прежнему была обделена вниманием историков-профессионалов.

Несколько иначе обстояло положение дел в калининградской региональной историографии, однако здесь были свои особенности. Нельзя сказать, что в калининградском краеведении не уделялось внимание этим вопросам, однако они рассматривались в контексте связей с русским революционным движением конца XIX – начала XX в. Определённое внимание уделялось Восточной Пруссии (в частности, г. Тильзиту) как транзитной территории в переправке из Германии в Россию нелегальной революционной литературы, в частности газеты «Искра», проезду лидеров российской социал-демократии, в частности, В. И. Ленина через провинцию, знаменитому Кёнигсбергскому процессу 1904 г., а также некоторым биографическим аспектам восточнопруссских социал-демократов (например, Ф. Мертинса), так или иначе связанных с революционными событиями в Восточной Пруссии 1918–1919 гг. Ноябрьская революция 1918 г. в провинции в лучшем случае удостоивалась простого упоминания⁴³.

Определённый прорыв в освещении предшествовавших революции событий и самой революции 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии произошёл в начале 1990-х гг. В популярной форме известные краеведы Калининградской области А. Б. Губин и В. Н. Строкин впервые попытались в форме очерков дать связное изложение этих событий⁴⁴. Несмотря на ряд существенных недостатков – очерки не снабжены научно-справочным аппаратом и содержат несколько серьёзных фактологических ошибок – они всё же давали читателю возможность понять общую канву происходивших в столице и провинции процессов: в ноябре 1918 г. в Кёнигсберге возник Совет рабочих и солдатских депутатов, а сама революция и организованное революционерами восстание потерпели

⁴³ См., например: *Колганова Э. М., Строкин В. Н.* Страницы памяти. Калининград, 1985. С. 20–21; *Бирковский В. Г., Исупов В. С., Фарутин И. А.* История нашего края: Пособие для учащихся. Калининград, 1990. С. 30–31.

⁴⁴ *Губин А. Б., Строкин В. Н.* Очерки истории Кёнигсберга. Калининград, 1991. С. 130–134.

поражение в результате уличных боёв с правительственными войсками в начале марта 1919 г.

Конечно, не следует от популярной краеведческой литературы требовать детального анализа причин, хода и итогов революции. Для массового читателя начала 1990-х гг. своего рода «откровением» было простое упоминание немецких деятелей той эпохи, – Кёрте, Батоцки и Виннига и некоторых малоизвестных фактов. Однако всё же один момент заслуживает того, чтобы остановиться на нём подробнее. Авторы очерков почему-то считают, не приводя никаких аргументов, события начала марта 1919 г. восстанием (надо полагать, спартакистов). Это клише, как мы увидим позднее, перекочевало и в труды профессиональных историков, которые воспринимали его как нечто само собой разумеющееся.

Эта тенденция популярного (и некритического) изложения рассматриваемых событий была продолжена в книге известного калининградского писателя О. П. Павловского, хотя они удостоились всего одного абзаца, который достоин того, чтобы привести его полностью: «В революционные годы (1918–1919) власть в Кенигсберге, как и в Петербурге, перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, но продержалась недолго. В конце октября 1919 года в Кенигсберг вошли правительственные войска генерала Виннинга (характерная для ряда изданий 1990-х гг. ошибка в написании фамилии имперского комиссара и обер-президента провинции А. Виннига – А. М.), и Советская власть была ликвидирована. Восточная Пруссия вновь вернулась к мирному развитию»⁴⁵.

Конечно, и в этом случае можно снисходительно отнестись к содержательной стороне популярного издания, однако оно было приурочено к 50-летию образования Калининградской области и априори было рассчитано на массового читателя, который всё же должен опираться на научно выверенные положения. А здесь перед нами в концентрированном виде стереотипы и клише, прочно вошедшие в массовое сознание, а именно: рабочие и солдатские

⁴⁵ Павловский О. П. Земля моя, Калининградская. Калининград, 1996. С. 18.

Советы в Кёнигсберге обладали реальной властью; Советы в Кёнигсберге сродни Советам в Петербурге; Советская власть в Восточной Пруссии была ликвидирована вступлением в Кёнигсберг правительственных войск Виннига; ликвидация Советской власти в провинции означала возврат к мирному развитию. Конечно, все эти утверждения весьма спорны и требуют, мягко выражаясь, серьёзной корректировки.

Первое, по-настоящему серьёзное внимание историки Калининградской области обратили на революционные события 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии лишь в середине 1990-х гг. В главе IX коллективной монографии Г. В. Кретинин и В. В. Сергеев дали общее освещение революции: от вызревания предпосылок революции в годы Первой мировой войны и изложения её основных событий до анализа места восточной провинции в Германии в период ранней Веймарской республики. Был сделан важный вывод, что после выборов в январе–марте 1919 г. в Национальное собрание Германии, в прусский ландтаг и в Кёнигсбергский городское собрание политическая инициатива перешла к правым социалистам, взявшим курс на ограничение революции буржуазными рамками⁴⁶. Уличные бои в начале марта оцениваются как неудачное восстание, в результате которого были ликвидированы отряды народной обороны, а революционный процесс вошел в русло обычных экономических требований⁴⁷. Однако всё же следует признать, что изложение революционных событий в провинции носило несколько односторонний характер, поскольку авторы почти не привлекали немецкие архивные документы и мемуары восточнопрусских политических деятелей.

В принципе, те же достоинства и недостатки в освещении германской революции сохранило расширенное переиздание вышеупомянутого исследования, хотя события, связанные с Первой мировой войной на

⁴⁶ Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Исторические очерки, документы, материалы. Калининград, 1996. С. 371–395.

⁴⁷ Там же.

территории провинции и обзор социально-экономического положения выделены в отдельную главу и существенно переработаны⁴⁸.

В первые два десятилетия двадцать первого века региональная историография по-прежнему уделяла недостаточное внимание восточнопрусским аспектам германской революции 1918 г., в лучшем случае анализируя их в контексте изучения других специфических проблем⁴⁹. Вообще, в отношении изучения революции 1918 г. в Восточной Пруссии в региональной историографии сложилась довольно любопытная ситуация: она (революция) в плане изучения как бы затерялась между событиями Первой мировой войны на территории провинции (интерес к которым активизировался в 2014 г. в связи со 100-летней годовщиной её начала) и восточнопрусскими аспектами истории Веймарской республики. Сама революция продолжала оставаться своеобразной «серой зоной» для историков, которые практически не подвигались вперёд в деле её научного изучения. К 100-летию юбилею революции в 2018 г. вышла только одна статья, авторы которой хотя и приводили малоизвестные факты из её предыстории и сделали ряд важных выводов, однако в фактологическом плане ограничились только её обзором⁵⁰.

Интересные сведения из военной истории Кёнигсберга, относящиеся к революционным событиям 1918–1919 гг. в столице Восточной Пруссии, содержатся в научно-популярном издании, посвящённом гарнизону города⁵¹. Издание ценно прежде всего редкими фотографиями видового и сюжетного характера периода революции.

Интерес к Ноябрьской революции 1918 г. проявляет и новейшая региональная политическая наука. Так, авторы одной из последних монографий

⁴⁸ Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. – Калининград, 2002. С. 346–375.

⁴⁹ *Виноградов М. В.* Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918–1939 гг.). СПб., 2003; *Строганова Н. А.* Проблема польского национального меньшинства в Восточной Пруссии в германо-польских отношениях межвоенного периода // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время: Материалы междунар. науч. конф. Калининград, 2004. С. 147–155.

⁵⁰ *Гальцов В. И., Сергеев В. В.* Указ. соч.

⁵¹ *Дунаевский Д. В.* Гарнизон Кёнигсберга в Пруссии. 1255–1945. Калининград, 2017.

по этой теме рассматривают революцию в свете нестандартной концепции территориальных социально-экономических систем (ТСЭС) как фазовый переход от Германской империи к Веймарской республике⁵². Эта системная трансформация осложнялась преодолением последствий поражения Германской империи в Первой мировой войне, а также сохранением прусского милитаризма и некоторых пережитков сословной системы. Вместе с тем авторы не всегда четко выделяют региональные восточнопрусские характеристики феномена революции (или, по терминологии авторов, кризисного периода) вследствие смешения понятий *провинция* (Восточная Пруссия) и *земля* (Пруссия).

Зарубежная историография. Первые исторические исследования по истории германской революции 1918 г. появились уже 1920-е гг.⁵³. В них (хотя и с разных идеологических позиций) рассматривались различные аспекты революционных событий, такие как возникновение и деятельность Советов, государственное переустройство, взаимосвязь войны и революции и др. Историк Фолькман, например, первым попытался на документальном материале обосновать легенду об «ударе кинжалом в спину», которая красной нитью проходила через работу следственной комиссии рейхстага и Национального собрания, изучавшей в 1925–1927 гг. вопрос о причинах краха Германии в 1918 г.

Тезисы Фолькмана применительно к стачечному движению горняков Рура развил историк Шпетман, который рассматривал рабочее движение и социал-демократическую пропаганду составной частью «удара кинжалом в спину» и одной из причин военного поражения Германии и революции.

⁵² Егоров В. Г., Жданов В. П., Плюхин М. Ю. Калининградская область Российской Федерации: геополитический этюд. М., 2021. С. 74–76.

⁵³ См., например: *Preuss H.* Deutschlands Staatsumwälzung. Berlin, 1920; *Römer W.* Die Entwicklung des Rätegedanken in Deutschland. Berlin, 1921; *Volkmann E.* Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkriege. Berlin, 1925. *Pappert F.* Die deutsche Revolution im Kulturspiegel der Presse. Hannover, 1928; *Spethmann H.* Zwölf Jahre Ruhrbergbau. Aus einer Geschichte von Kriegsanfang bis zum Franzosenabmarsch. 1914–1925. Bd. I–V. Berlin, 1928.

Нельзя обойти стороной также коллективную работу немецких историков-коммунистов, изданную к десятилетию революции, в которой впервые была представлена картина революционного движения в годы Первой мировой войны, а также борьба революционной молодёжи Германии и нелегальная деятельность спартаковцев⁵⁴.

В послевоенной Германии (ФРГ) события 1918–1919 гг. длительное время рассматривались сквозь призму краха республики в 1933 г. Ноябрьская революция воспринималась не как исходный пункт демократического развития Германии, а как первый шаг к созданию будущего Третьего рейха⁵⁵. Именно поэтому большинство определений Ноябрьской революции 1918 г. даже спустя столетие носит в основном негативный характер – её именуют «забытой», «парадоксальной», «половинчатой», «преданной» и т. д. В фокусе внимания западногерманской историографии Ноябрьской революции 1918 г. главным образом находились вопросы парламентской борьбы и изменения партийной конфигурации ранней Веймарской коалиционной системы. Как правило, образованию новых революционных органов власти и их политике уделялось недостаточное внимание.

В целом принципиальные установки западногерманской историографии (которые не утратили своего значения и в настоящее время) по вопросу о Советах были выражены в известном исследовании В. Тормина «Между диктатурой Советов и социальной демократией. К истории советского движения в германской революции 1918–1919 гг.»⁵⁶. Автор полагал, что в условиях политического преобладания рабочего класса парламентская борьба представлялась социалистам более важной, чем революция. Особенностью Ноябрьской революции, согласно Тормину, было то, что её творцами являлись

⁵⁴ *Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution*. Berlin, 1929.

⁵⁵ См., например: *Allemann F. R. Bonn ist nicht Weimar*. Köln, 1965; *Nipperdey Th. Nachdenken über die deutsche Geschichte. Essays*. München, 1986; *Ullrich S. Der Weimar-Komplex. Das Scheitern der ersten deutschen Demokratie und die politischen Kultur der frühen Bundesrepublik 1945–1959*. Göttingen, 2009.

⁵⁶ *Tormin W. Zwischen Räterediktatur und sozialer Demokratie. Die Geschichte der Rätebewegung in der deutschen Revolution 1918–1919*. Düsseldorf, 1954.

рабочие и солдаты, в большинстве своём выступавшие за парламентскую республику. Однако поскольку социал-демократы не имели программы социально-политического обновления Германии, то Советы постепенно превратились в органы коммунального самоуправления, чему способствовало также достижение двух важнейших целей революции на её начальном этапе – мира (Компъенское перемирие) и провозглашения республики⁵⁷.

Своеобразие германской революции 1918 г. историк Г. Винклер видит в одновременной демократизации Германии – раннем введении демократического избирательного права и поздней парламентаризации, а её умеренный характер объясняет международными обстоятельствами, социальным развитием и политическими традициями страны. В таких условиях, полагает Винклер, не мог состояться радикальный разрыв с прошлым, как того требовали левые радикалы⁵⁸.

Немецкий исследователь О. Лубан, изучавший вопросы финансово-организационной помощи большевиков германским леворадикальным социалистам, приходит к выводу, что она не смогла привести их к власти, но способствовала распространению революционных настроений среди немецких рабочих и стала одним из факторов, приведших к краху империю Гогенцоллернов⁵⁹.

В многочисленных общих работах по истории Восточной Пруссии Ноябрьская революция 1918 г. упоминается лишь в контексте политического кризиса, приведшего к падению монархии, и послевоенного Версальского мирного урегулирования. Деятельности рабочих, солдатских и крестьянских Советов в них уделяется незначительное внимание, однако более подробно

⁵⁷ Ibid. S. 30, 55, 89.

⁵⁸ Винклер Г. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013.

⁵⁹ Luban O. Russische Bolschewiki und deutsche Linkssozialisten am Vorabend der deutschen Novemberrevolution. Beziehungen und Einflussnahme // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin, 2009. S. 283–298.

рассматриваются различные аспекты образования в провинции парламентской демократии и Веймарской партийной коалиционной системы⁶⁰.

Первым серьёзным немецким исследователем революционных событий в Восточной Пруссии был Рудольф Клатт⁶¹. Его заслуга состоит в том, что он ввёл в научный оборот документы оберпрезидиума Кёнигсберга и правительства Гумбиннена и дал им соответствующую оценку. Другое дело, что Клатт достаточно выборочно подходил к ним и привлекал прежде всего те из них, которые вписывались в его общую концепцию революции. Он подходил к изучению революции только с точки зрения функционирования рейхскомиссариата, следовательно, с января 1919 г., причем своё исследование он завершает подавлением Капповского путча в марте 1920 г. и плебисцитом 11 июля.

Конечно, такие временные рамки исследования представляются достаточно спорными, поскольку оставляют за скобками революционные события в ноябре-декабре 1918 г. и социально-экономические предпосылки революции. Саму же революцию Клатт ограничивает только ноябрём 1918 г. свержением монархии в Германии и провозглашением республики. Более того, Клатт подчёркивает определённую преемственность политической трансформации указанием на то, что рейхсканцлер Макс Баденский сам передал власть в руки социалиста Ф. Эберта.

Клатт рассматривает возникновение рабочих и солдатских Советов, деятельность Провинциального Совета, финансовое обеспечение новых революционных органов власти, но, как правило, только под углом их взаимодействия со старыми административными учреждениями. По сути, Клатт излагает историю того, как были побеждены Советы и революция в Восточной Пруссии, но совершенно игнорирует элементы левой и отчасти революционной

⁶⁰ См., например: *Hauf R.* Die Preußische Verwaltung des Reg. Bez. Königsbergs 1871–1920. Bonn, 1980; *Lindeblatt B.* Preußenland. Die Geschichte Ost- und Westpreußens 1701–1945. Kiel, 2001; *Schumacher B.* Geschichte Ost- und Westpreußens. Würzburg, 1937; *Schumacher R.* Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Köln, 1985.

⁶¹ *Klatt R.* Op. cit.

политики (разумеется, только в тех рамках, в какие Советы поставили себя сами) некоторых Советов. Одной из важных причин поражения Советов он считает самоограничение их контрольными и надзорными функциями.

Много усилий Клатт приложил к тому, чтобы определённым образом обелить деятельность имперского комиссара и обер-президента провинции А. Виннига, а также определить его отношение к германской социал-демократии и место в ней. Его исключение из СДПГ и увольнение со всех правительственных должностей в провинции было лишь внешним проявлением давно произошедшего разрыва⁶².

Важными вехами этого разрыва послужила его деятельность в качестве уполномоченного рейха в Прибалтике на исходе Первой мировой войны и в должности имперского комиссара в Восточной Пруссии. Вместе с тем Клатт отметил и доктринально-идеологические причины охлаждения и разрыва Виннига с руководством СДПГ. Он отчётливо видел догматизацию программных установок партии и напряжённо искал свой рецепт обновления идеалов пролетариата, что привело его к конфликту с партией, в котором также просматривались давние нотки отчуждения между партийным руководством и лидерами профсоюзных организаций рабочего класса.

События 3-4 марта 1919 г. в Кёнигсберге Клатт рассматривает исключительно с точки зрения Виннига и оценки общего положения в рейхе, когда начало свою работу Веймарское Национальное собрание, а идея укоренения Советов в будущей конституции страны или хотя бы их сочетания с исполнительными органами власти постепенно теряла свою актуальность и значение. Однако объяснение Клаттом исходного пункта конфликта разоружением отрядов морской обороны выглядит несколько искусственным. Якобы несмотря на острые противоречия СДПГ с коммунистами, социал-демократы не могли простить Виннигу использование инструмента власти старого государства, – рейхсвера – в борьбе с внутренним противником⁶³.

⁶² Ibid. S. 217.

⁶³ Ibid. S. 221.

Важное место в интерпретации Клаттом событий этого периода занимает анализ реорганизации старых полицейско-административных органов власти и создания новых охранительных служб и структур (например, пограничной полиции), которые эффективно подавляли любые попытки развивать революцию в левом, радикальном ключе. Можно согласиться с Клаттом, что определяющую роль в этом процессе играл внешний фактор, а именно присутствие Советской России и необходимость противостоять территориальным притязаниям Польши на Позен, Западную Пруссию и Мазуры. Большое внимание Клатт также уделяет борьбе правительственных структур и неформальных организаций Восточной Пруссии за смягчение условий плана послевоенного урегулирования и консолидации различных общественно-политических сил провинции.

В определённой степени тезисы Клатта были развиты известным кёнигсбергским историком Фрицем Гаузе⁶⁴. Пожалуй, он первый описал весь ход революционных событий, доведя его до апреля 1920 г. Несмотря на то что его рассказ носит в целом компилятивный характер и автор не привлекал каких-либо новых источников, ограничившись уже введёнными в научный оборот, Гаузе выдвинул ряд положений, которые до настоящего времени имеют широкое хождение как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

По мнению Гаузе, события в Кёнигсберге следовали за событиями в Берлине и повторяли их, но в более слабой форме. Однако, как следует из свидетельств очевидцев, это не совсем так. Гаузе явно недооценил фактор стихийности революционных выступлений первых дней, когда было ещё неясно, по какому пути пойдёт революция.

Указывая на многочисленные демонстрации, забастовки, стачки и другие проявления разложения старого порядка, он отмечает, что революция пошла по двум рельсам, т. е. что рядом со старыми учреждениями, которые постепенно перестраивались и заполнялись новыми людьми, возникли по русскому образцу

⁶⁴ *Gause F.* Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Bd. III. Köln, 1996. S. 18–37. Первое издание в 1965–1971 гг.

Советы⁶⁵. Оставляя за скобками их программу и деятельность, Гаузе акцентирует внимание лишь на спорах о полномочиях, которые стали следствием создавшегося положения.

Крайне скептически Гаузе относится и к революционному потенциалу, который представляли собой демобилизованные революционные солдаты и матросы. Он характеризует их как неустойчивую и вышедшую из повиновения массу, подверженную любой агитации. Подобным образом он оценивал также новых руководителей Советов как людей, не имевших политических или организационных талантов, но часто привлекавших к себе внимание из-за различных криминальных скандалов⁶⁶. Народная морская дивизия оценивается им как радикальное меньшинство, которое держало в страхе весь город, а деятельность Виннига по её роспуску, соответственно, заслужила положительную оценку.

Определённое внимание уделяет Гаузе подведению итогов партийно-политической борьбы и выборов в Веймарское Национальное собрание, прусский ландтаг и Кёнигсбергский городской парламент. По сути, полагает он, они зафиксировали сложившееся соотношение сил и преобладание двух социал-демократических партий, в то же время свидетельствуя об упадке буржуазных партий и самоустранении КППГ от участия в них. Следствием этого стало то, что большинство населения ясно высказалось в пользу демократических государственных форм против Системы Советов. Снятием осадного положения 14 апреля 1919 г., организацией городской полиции общественной безопасности и роспуском речной флотилии внутреннее положение в провинции, согласно Гаузе, стабилизировалось и революционное движение пошло на спад.

Значительный интерес представляет работа Вильгельма Матулла, посвящённая истории рабочего движения Восточной Пруссии⁶⁷. Автор

⁶⁵ Ibid. S. 20–21.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ *Matull W.* Op. cit. S. 67–86.

анализирует различные течения в рабочем и профсоюзном движении Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны и в период революционного кризиса 1918–1919 гг., а также программные установки и политику СДПГ и НСДПГ этого периода применительно к Восточной Пруссии. Однако книга ценна прежде всего тем, что в ней приводятся материалы из личного архива автора, а именно свидетельства, письма и дневники участников революции, которые В. Матулл собирал в течение многих лет, и которые ранее не были опубликованы.

Изменениям в структуре и компетенции органов государственного управления и чиновничьего аппарата в Восточной Пруссии в 1918–1945 гг. посвящена диссертация Георга Биттера⁶⁸. Характеризуя возникшую в ноябре 1918 г. систему Советов, Биттер отмечает, что она ориентировалась преимущественно на русский образец, не имела определённой идеологии и программы действий, а члены Советов, как правило, были уставшими от войны мятежными солдатами, которые не желали и не умели вести переговоры со своими политическими оппонентами. Система Советов, по Биттеру, оказалась не в состоянии справиться с разнообразными задачами государственного управления и заложить основы государственного строя.

Характерно, что Биттер достаточно подробно останавливается на различных жалобах местных властей в связи с деятельностью рабочих и солдатских Советов и почти не упоминает об их позитивной повестке⁶⁹. В целом такой перекоп в оценке деятельности Советов свойственен зарубежным историкам, которые видят в них только переходную форму государственного строя в процессе политической трансформации и почти полностью игнорируют их работу по углублению демократического содержания революции.

⁶⁸ *Bitter G. Preußische Regierung zu Königsberg 1918–1945. Leer, 1988. S. 25–28.*

⁶⁹ Например, приводятся жалобы главы общины района Лабиау на самовольный захват местным Советом помещений для проведения собраний, несанкционированное заселение в гостиничные номера и реквизиции грузовых автомобилей и подвод; Биттер даже приводит жалобу всё той же общинной администрации Лабиау на требования неким солдатом Кёнигсбергского солдатского Совета бензина для его поездки в Зуссемилькен!

Интересное диссертационное исследование Р. Шиндо посвящено изучению отношений Восточной Пруссии с Литвой и Советским Союзом в период Веймарской республики⁷⁰. И хотя Ноябрьская революция 1918 г. не является предметом исследования автора и фигурирует как исходный пункт дальнейшего развития событий, автор всё же делает ряд интересных выводов о ней и подробно останавливается на деятельности А. Виннига в качестве имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии.

Восточная Пруссия, по мысли автора, столкнулась в конце 1918 г. со своего рода экзистенциальным кризисом: его двумя гранями являлись захват власти рабочими и солдатскими Советами и угроза передачи восточных районов Германии Польше. Соответственно, необходимость устранения власти матросов и находящихся под их контролем рабочих и солдатских Советов, с одной стороны, и сохранение за Германией её восточных земель с другой, обусловили собой необходимость учреждения имперского комиссариата во главе с Виннигом.

Шиндо приходит к выводу, что задачи имперского комиссара, которые заключались в защите германской границы от вторжения советских войск и лишения власти Советов, делали неизбежным тесное сотрудничество не только с военными инстанциями, но и с ведущими политиками (в частности, с А. Батоцки), поэтому социал-демократ Винниг всё больше сближался с консервативными кругами Восточной Пруссии и особенно со сторонниками плана создания так называемого Восточного государства⁷¹.

⁷⁰ *Shindo R. Ostpreußen, Litauen und die Sowjetunion in der Zeit der Weimarer Republik. Berlin, 2013.*

⁷¹ План создания Восточного государства, предусматривавший отделение Восточной Пруссии от рейха для противостояния территориальным притязаниям Польши, никогда не был чем-то единым и цельным. А. Батоцки, например, предлагал создать новую имперскую землю *Altpreußen*, включавшую в себя Восточную Пруссию, Западную Пруссию и правительственный округ Бромберг. А. Винниг полагал, что в новую имперскую землю Альтпроецен необходимо также включить Лифляндию, Курляндию и Литву. В итоге центральное правительство в Берлине и верховное командование армии, понимая, что создание Восточного государства может привести к войне с Польшей и не желая портить отношения с Антантой, отказались от поддержки этого плана. Более подробно см. *Shindo R. Op. cit. S. 56–59.*

Вместе с тем тезис автора, что главной целью Виннига было лишение власти рабочих и солдатских Советов, не имеет под собой достаточных оснований. Разгромив отряды Народной морской дивизии и лишив Советы их революционного острия, Винниг всё же сохранил их и оставил за ними определённые полномочия, однако теперь их (Советов) деятельность проходила в строго очерченных рамках управляемой коммунальной демократии.

Первая глава диссертации А. Борма о становлении Кёнигсберга как современного большого города в Веймарской республике посвящена Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии⁷², которую автор рассматривает как исходный пункт перезагрузки политических и социально-экономических отношений в провинции, причем акцент ставится именно на политических аспектах революции. Её характерную особенность для Восточной Пруссии А. Борм видит в различии между столичным городом и провинцией, которое наложило отпечаток на весь дальнейший ход событий, а сама революция выступает как своего рода новое начало при тяжёлых исходных условиях, которые обусловили заключение своеобразного прагматического соглашения между старыми монархическими административными учреждениями и новыми органами власти в виде Советов.

Главная цель этого соглашения, по Борму, состояла в обеспечении продовольственного снабжения и недопущении грабежей в условиях нестабильной социально-политической обстановки. Возникший в ряде районов провинции вакуум власти, подчёркивает Борм, приводил к самовольным действиям Советов, которые вызывали жалобы на местах. Однако дальше констатации таких автор не идёт, хотя изучение подобных попыток Советов проводить собственную политику на коммунальном уровне представляет несомненный научный интерес. В этом же ключе Борм рассматривает и деятельность радикальных движений и формирований в столице и провинции, которые находились в явном меньшинстве и поэтому были обречены на

⁷² *Borm A. Die Entwicklung Königsberg i. Pr. zu einer modernen Großstadt in der Weimarer Republik. Greifswald, 2016.*

маргинализацию и вытеснение из политического процесса после стабилизации внутреннего и внешнего положения провинции.

Нельзя обойти стороной солидное научное издание в двух томах, посвящённое истории Кёнигсбергского замка⁷³. Историк архитектуры В. Вагнер и археолог Г. Ланге (Германия), по сути, нарисовали широкое полотно истории Восточной Пруссии в целом, в центре которого находится сам замок. Авторы приводят интересные отчёты должностных лиц замкового комплекса (консерваторы, хранители и др.) о размещении в помещениях замка в период революции различных комитетов и служб рабочих и солдатских Советов и соответствующем перемещении музейных фондов и коллекций, а также сведения о разрушениях, вызванных уличными боями в Кёнигсберге 3–4 марта 1919 г.

Конечно, эта информация имеет весьма опосредованное отношение к реальному содержанию революционных событий и может представлять лишь прикладной интерес. Однако что действительно важно, так это приводимое авторами территориальное размещение Советов (их комитетов и служб) в Кёнигсберге. Пожалуй, они первыми обратили на это внимание. В Кёнигсбергском замке располагалась часть служб Советов и Комитет Семи (руководящий орган Народной морской дивизии), остальные обосновались в интендантском ведомстве, у губернатора крепости и в высшем реальном училище Гинденбурга. Учитывая тесноту помещений, общие собрания Советов проходили в оберпрезидиуме, бирже и в Общественном доме в зоопарке (Gesellschaftshaus Tiergarten).

Определённый интерес представляет также поставленный авторами вопрос о персональном составе Кёнигсбергского рабочего и солдатского Совета и кадровых перемещениях в Исполнительном Совете I-го армейского корпуса и гарнизона, списки которых не подвергались скрупулезному анализу. Любопытно, что до сих пор историки не имеют точных данных о руководящем

⁷³ *Wulf D. Wagner, Lange H. Das Königsberger Schloss. Eine Bau- und Kulturgeschichte. Bd. 2. Von Friedrich dem Großen bis zur Sprengung (1740–1967/68). Regensburg, 2011. S. 368–377.*

составе (Комитет Семи) Народной морской дивизии (Republikanische Armee- und Marine Volkswehr).

Ноябрьская революция 1918 г. и ранние годы Веймарской республики продолжают привлекать внимание не только историков-профессионалов. Характерной в этом отношении является книга Юргена Манти с претенциозным названием «Кёнигсберг. История мировой гражданской республики»⁷⁴. Автор, журналист и преподаватель сравнительного литературоведения в Эссенском университете (Германия), дал ряд блестящих зарисовок германских политиков описываемого времени, которые, укладываясь в общую концепцию автора, служат наглядной иллюстрацией духовного наследия метрополии Восточной Пруссии не только в области философии и литературы, но и политической (в том числе социал-демократической) мысли.

Революции делают люди, и читатель получает возможность ближе познакомиться с некоторыми её влиятельными персонажами: Отто Брауном, Гуго Гаазе, Августом Виннигом и Вольфгангом Каппом. Однако, умело подбирая соответствующие документы и мемуарные свидетельства, автор, по сути, обходит стороной ответы на главные вопросы революции. Каковы причины и характер этих событий? Чем руководствовались главные действующие лица? Наконец, какое место занимает это политическое событие в современном общественно-политическом дискурсе страны (Ноябрьская революция 1918 г. в Германии – *А. М.*)? Приспосабливая исторические события под заранее заданную сюжетную канву, автор иногда прибегает к весьма спорным формулировкам, характеризуя А. Виннига, например, как продолжателя революции.

Определённое внимание новейшая германская историография Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии уделяет её социально-психологическим и национально-культурным аспектам, так или иначе связанным с понятием восточнопрусской идентичности. Так, историк С. Тирфельдер полагает, что германская Ноябрьская революция оставила глубоко

⁷⁴ *Manthey J.* Geschichte einer Weltbürgerrepublik. München, 2005. S. 542–562.

укоренившееся чувство неуверенности (*Verunsicherung*), а активистов «Восточнопрусской Отчественной службы» объединяла неопределённость государственного будущего и чувство беспомощности относительно развития событий внутри Германии и за её пределами⁷⁵.

Тирфельдер подчёркивает, что главная задача этой организации состояла в борьбе с внутренним и внешним большевизмом, польской и литовской пропагандой, а конечная цель – в воспитании у жителей провинции чувства сопричастности к её исторической судьбе (*Heimatgefühl*)⁷⁶. Однако акцентируя внимание на мероприятиях Отчественной службы, которые были направлены на укрепление национальной самобытной немецкой культуры и чувства сопричастности судьбам германизма на восточных землях рейха, прежде всего в районах плебисцита 1920 г., Тирфельдер обходит молчанием социальные функции Восточнопрусской Отчественной службы, которые она заимствовала у рабочих, солдатских и крестьянских Советов. А ведь именно это «заимствование» сыграло важную роль в выхолащивании леворадикальной политики некоторых Советов и переходу революции в легальные рамки экономических требований.

Тирфельдер отметил также факторы, которые обусловили успех такой деятельности Восточнопрусской Отчественной службы. Она не только пользовалась поддержкой административных и военных инстанций провинции, но и имела в своём распоряжении государственные финансовые ресурсы. Наконец, эта организация имела весьма гибкую структуру, деятельность которой разворачивалась в публичном пространстве между государственными учреждениями и гражданским обществом, что позволяло ей эффективно учитывать разнообразные местные интересы⁷⁷.

Важную роль в послевоенном социально-политическом развитии Германии и прибалтийских стран играли военизированные добровольческие

⁷⁵ *Thierfelder S. Der Ostdeutsche Heimatdienst und die Volksabstimmungszeit in Ostpreussen // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Vol. XXX. 2015. S. 87.*

⁷⁶ *Ibid. S. 88.*

⁷⁷ *Ibidem.*

формирования. Историк Т. Балкелис отмечает, что демобилизация рейхсвера проходила параллельно с процессом создания (ремобилизации) таких формирований⁷⁸. Для Восточной Пруссии эти процессы имели особое значение, поскольку провинция являлась не только перевалочной базой для возвращавшихся домой с Восточного фронта демобилизованных солдат, но и театром активных действий добровольческих формирований (фрайкоров), которые сыграли важную роль в разгроме частей Народной морской дивизии и спартакистов. По сути гражданскую войну в Германии в январе–марте 1919 г. Балкелис рассматривает через призму постимперского конфликта, в рамках которого происходила борьба между двумя тенденциями, – националистической и большевистской⁷⁹.

Вместе с тем Балкелис подчёркивает, что германские добровольческие формирования возникли в результате поражения рейха в Первой мировой войне, что обусловило их неприятие большевизма и страх перед ним. Однако мотивы вступления в такие формирования были весьма различными: они варьировались от идеалистических представлений о патриотизме, гражданском долге и военной доблести до карьеристских и материальных соображений⁸⁰.

Для советских историков опыт революционных событий в Восточной Пруссии в 1918–1919 гг. представлял своего рода наглядный негативный пример воплощения на практике марксистско-ленинской теории революции: здесь не сложились в полном объёме предпосылки революции, а последующая реакция полностью перечеркнула планы использовать провинцию в качестве транзитного коридора распространения мировой революции из России в Германию и далее в Европу.

Недостаточная разработка данной темы калининградскими историками определялась также ограниченностью доступа к архивным материалам по истории революции в Восточной Пруссии и негласной установкой «не

⁷⁸ *Balkelis T.* Demobilization and remobilization of German and Lithuanian paramilitaries after the First World War // *Journal of Contemporary History*. 2015. Vol. 50 (I). P. 38.

⁷⁹ *Ibid.* P. 39.

⁸⁰ *Ibid.* P. 40.

ворошить» довоенную историю военного трофея, каковым некоторое время воспринималась самая западная область России. Начиная с 1990-х гг., смена методологических установок российской историографии также не способствовала актуализации внимания к изучению революционной проблематики.

Германская историография Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии достаточно длительное время определялась как общим негативным отношением к истокам Веймарской республики, которая воспринималась в контексте её краха и смены тоталитарным нацистским режимом, так и неприятием факта утраты этой земли Германией по итогам Второй мировой войны. Немецкие историки если и уделяли внимание революции, то лишь в плане объяснения причин её поражения и влияния внешних факторов, развитие её демократического потенциала и тем более возможность использования её политического опыта, как правило, игнорировались ими. Новейшая германская историография, в свою очередь, преимущественное внимание уделяет не самой революции, а различным национальным, культурным, военно-политическим и международным факторам, которые оказывали влияние на её ход и результаты.

Внешний фактор (Советская Россия и «большевизация» российско-германских отношений, территориальные притязания Польши и Литвы на ряд территорий Восточной Пруссии, тяжёлые условия Версальского мирного договора), как правило, находится в центре внимания российских и немецких историков при изучении революционных событий 1918–1919 гг. Однако этот фактор рассматривается главным образом в плане вытеснения им революционной повестки.

Вместе с тем в истории Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии до сих пор остаются недостаточно изученные вопросы и лакуны, а именно: агитационно-разъяснительная работа представителей восточнопруссского отделения КПГ/Союз «Спартак» на промышленных предприятиях и в сельской местности, роль «русского» фактора в деятельности руководства Народной морской дивизии, формирование и изменение кадрового

состава Кёнигсбергского рабочего и солдатского Совета, влияние внешних (военно-политических) факторов на ход и итоги революционного процесса, роль и место революции в формировании восточнопрусской национальной идентичности. Определённый интерес представляет эпистолярный материал (письма, дневники) 1918–1919 гг. для изучения восприятия революционных событий в массовом сознании. Разработка этих вопросов имеет важное научное значение и является перспективным направлением в изучении региональных аспектов Ноябрьской революции 1918 г.

Научная новизна диссертации обусловлена несколькими факторами:

1. Впервые в российской историографии проводится исследование восточнопрусских аспектов Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

2. Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии изучается с привлечением источников, которые практически не были использованы в работах предшественников по данной теме, в частности в диссертации значительное внимание уделяется документам Тайного государственного архива и материалам восточнопрусской периодики 1918–1919 гг.

3. В диссертации подробно исследованы сюжеты, которые ранее не получали специального освещения в историографии, в частности деятельность местных рабочих и солдатских Советов и организации «Восточнопрусская Отечественная служба».

Структура диссертации обусловлена поставленными задачами. Главы выделены на основе комбинированного принципа: материал первой главы организован хронологически, во второй и третьей главах в основу изложения положен тематический принцип. В первой главе рассмотрено нарастание революционного кризиса в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны. Вторая глава посвящена формированию и деятельности революционных органов власти – рабочих, солдатских и крестьянских Советов, а также генезису партийно-политической системы Веймарской республики. В третьей главе проанализирована деятельность имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии А. Виннига и деятельность организации

«Восточнопрусская Отечественная служба», которые являлись консервативным вариантом ответа на внутренние и внешние вызовы в условиях революции и постимперского конфликта.

Положения, выносимые на защиту:

- В Восточной Пруссии во время Первой мировой войны массовое антивоенное движение и революционное брожение не привели к образованию единого фронта левых сил накануне революции. Этому в значительной степени способствовали три фактора: приверженность восточнопрусского отделения Социал-демократической партии Германии (правых социал-демократов) и «свободных профсоюзов» политике «гражданского мира»; раскол социал-демократического движения и образование Независимой социал-демократической партии Германии, один из лидеров которой, адвокат из Кёнигсберга Гуго Гаазе, несмотря на радикальную риторику, вовсе не намерен был использовать «русский опыт» политической борьбы; слабость леворадикального крыла социал-демократического движения в Восточной Пруссии, представленного Союзом «Спартак», и отсутствие у него социальной базы среди сельского населения провинции.

- Рабочие и солдатские Советы Восточной Пруссии комплектовались на паритетной основе представительства СДПГ и НСДПГ при минимальном участии в них представителей Союза «Спартак». Новые революционные органы власти не ставили перед собой задачу завоевания политического господства и активно сотрудничали со старым административным аппаратом монархии (обер- и правительственными президентами, ландратами и бургомистрами), ограничившись только функциями контроля за их деятельностью и поддержанием общественного порядка. Попытки некоторых местных Советов проводить самостоятельную левую политику на коммунальном уровне либо пресекались Кёнигсбергским Советом, либо приводили к переизбранию их состава.

- Формирование ранней коалиционной Веймарской системы в Восточной Пруссии имело свою специфику по сравнению с ситуацией в рейхе.

Тройные выборы (в Учредительное собрание, в прусский ландтаг и городской парламент Кёнигсберга в начале 1919 г.) дали очевидный перевес левым партиям и депутатам солдатских списков. Однако острое противоборство между СДПГ и НСДПГ (например, по вопросу «социализации» предприятий) привело к блоку социал-демократов большинства с партиями буржуазно-либерального лагеря и вхождению революции в рамки легальных экономических требований. Внесистемная (внепарламентская) деятельность левого крыла НСДПГ, выражавшаяся в призывах к всеобщей забастовке, «социализации» предприятий и союзу с Советской Россией приводила к хаотизации политического процесса.

- Внутренняя политика имперского комиссара (с 25 января 1919 г.) и обер-президента Восточной Пруссии (с 24 июня 1919 г.) А. Виннига представляла собой консервативный ответ на революционное брожение в обществе. Этот ответ достиг своей кульминации в уличных боях 3–4 марта в Кёнигсберге, которые привели к разоружению и ликвидации (упразднению) отрядов Народной морской дивизии. Революция лишилась главного инструмента, который при определённых обстоятельствах мог обеспечить её развитие по леворадикальному пути.

- Внешний фактор (Советская Россия и «большевизация» российско-германских отношений, тяжёлые условия Версальского мирного договора) в качестве вызова для властей провинции способствовал созданию «Восточнопрусской Отечественной службы» и народных Советов. Деятельность этих организаций привела к постепенному свёртыванию деятельности Советов как органов революционной власти и выдвижению на первый план факторов защиты национально-культурной идентичности восточных территорий Германии (Восточной Пруссии).

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что на материале истории Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии рассматриваются компетенции новых органов власти (рабочих, солдатских и крестьянских Советов), возникших в результате

революции, и механизм их взаимодействия с прежним административно-бюрократическим аппаратом монархии (оберпрезидиумом, правительственными президентами, ландратами и бургомистрами) в условиях постимперского конфликта. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в изучении истории Восточной Пруссии после Первой мировой войны, а также при подготовке специальных учебных курсов по истории стран Балтийского региона.

Апробация результатов исследования. Основные результаты и выводы данного диссертационного исследования были представлены и обсуждены на ряде конференций и семинаров, в том числе:

– международной научной конференции «Ноябрь 1918. Революция на Балтике и в германском рейхе» (организаторы: историческая комиссия Померании и университет Грайфсвальда, 9 ноября 2018 года);

– лектории «Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии» (Калининградская областная научная библиотека, 20 декабря 2018 года);

– историографическом семинаре Института гуманитарных наук (Калининград, БФУ им. И. Канта, 29 сентября 2021 года).

За время подготовки диссертации автору удалось поработать с документальными материалами Тайного государственного архива Прусского культурного наследия (Берлин-Далем), а также с фондами Государственной библиотеки (Берлин) и Немецкой Национальной библиотеки (Лейпциг).

Глава 1. Нарастание революционного кризиса в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны

§ 1. Ухудшение социально-экономического положения

Начало войны. Выступая 3 августа 1914 г. на внеочередном заседании городского совета в Юнкерхофе, созванного в связи с предстоявшей мобилизацией, обербургомистр Кёнигсберга Зигфрид Кёрте, перефразируя известные слова кайзера Вильгельма II, обращённые к германской нации, сказал: «Отныне в Кёнигсберге больше не существует гражданских партий, а есть лишь одна партия – партия кёнигсбержцев, готовых защищать своё отечество»⁸¹. На этом же заседании городские парламентарии единогласно одобрили кредит магистрату в размере пяти миллионов марок на неотложные нужды, связанные с войной⁸².

События в Кёнигсберге и Восточной Пруссии следовали общей тенденции, которая складывалась в германском рейхе в августе-сентябре 1914 г. и которая характеризовалась двумя разнополярными чертами – взрывом патриотизма, национализма и милитаризма⁸³, с одной стороны, и потоком манифестаций, митингов и собраний, на которых звучали заверения в приверженности делу мира и предыдущим решениям конгрессов II Интернационала и партийтагов СДПГ, осуждавших войну, с другой. В эти первые дни августа Кёнигсберг напоминал растревоженный улей: патриотические демонстрации, переполненные казармы⁸⁴ и щедрые пожертвования в пользу Красного Креста удивительным образом сочетались с очередями в сберегательные кассы и призывами не допустить спекуляцию продуктами питания.

⁸¹ *Auf Spurensuche*. Teil 8. S. 5.

⁸² В январе 1915 г. эти денежные средства были израсходованы и потребовалось новое согласие городского парламента на очередной кредит в два миллиона марок.

⁸³ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 3.

⁸⁴ Из Хуфенской гимназии на военную службу записались 60 учеников, из Бургшуле – 80, из коллегии Фридриха – 141.

Однако если антифранцузские настроения в столице провинции проявили себя только в кампании по переименованию популярных кафе и ресторанов⁸⁵, то антирусские настроения намеренно подогревались властями и распространялись газетами, заранее обвинявшими Русскую Императорскую армию в использовании варварских методов ведения войны⁸⁶. В Кёнигсберге царила настоящая шпиономания, жертвами которой нередко становились простые немцы, а русским агентам слухи приписывали самые нелепые действия вроде отравления воды в Прегеле⁸⁷.

Боевые действия на территории Восточной Пруссии, с различной интенсивностью длившиеся с августа 1914 по март 1915 г., а также деятельность русской военной администрации на территории провинции в это время достаточно подробно описаны как российскими, так и немецкими историками⁸⁸. Следует, однако, отметить, что деятельности русской военной администрации даются противоречивые оценки как в немецких источниках, так и в целом зарубежной историографией⁸⁹.

Кёнигсберг быстро стал прифронтовым городом, в котором располагались различные штабы, лазареты и службы снабжения, а многие здания реквизировались военными для своих нужд. В медицинских клиниках университета, зданиях масонских лож, в городском театре и Штадтхалле, в Доме профсоюзов спешно оборудовались военные госпитали, а выставочный зал в башне Врангеля был отведён под полевую почту⁹⁰.

⁸⁵ Так, Café Riche, Bellevue и Imperial стали называться соответственно Münzcafé, Schloßgarten и Schloßcafé.

⁸⁶ *Auf Spurensuche*. Teil 8. S. 4.

⁸⁷ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 3.

⁸⁸ См., например: *Кретинин Г. В.* Август четырнадцатого // Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002; *Пахалюк К. А.* Бои в Восточной Пруссии в Первую мировую войну. М., 2007; *Пахалюк К. А.* Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914-15 гг. // Военно-исторический архив. 2012. № 6 (150); *Grosse W.* Die Schlacht bei Gumbinnen. Tilsit, 1939; *Schlachten des Weltkrieges*. Bd. 19: Tannenberg /Bearb. von T. von Schaefer. Oldenburg–Berlin, 1926.

⁸⁹ *Дементьев И. О.* Смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Калининградские архивы. Вып. 11. Калининград, 2014.

⁹⁰ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 8.

Беженцы. Наиболее зримым последствием военных действий стало прибытие многочисленных беженцев из восточных районов провинции в города, прежде всего в Кёнигсберг, которые находились на относительно безопасном удалении от фронта. Немецкое командование предписывало населению приграничных районов незамедлительно покинуть населённые пункты, оставляя всё имущество⁹¹. Начальник штаба 8-й немецкой армии генерал Э. Людендорф вспоминал о тысячах беженцев, которые создавали заторы на дорогах и мешали движению военного транспорта⁹². Яркую картину происходящего оставил в своих воспоминаниях русский офицер В. Н. Звегинцов: «Все дороги из Фридланда были запружены подводами с беженцами. Большие, пароконные фурманки до верху нагруженные всяким скарбом, скот, ручные тачки, женщины, старики и дети, все это перепуталось и перемешалось в одном желании поскорей уйти от русских. Их было такое множество, что всякое движение по дороге стало совершенно невозможным [...]»⁹³.

Основную массу потерь в целом составляли не убитые и раненые, а беженцы. Следует также иметь в виду, что во время русского наступления в ноябре-декабре 1914 г. население Восточной Пруссии выселялось русскими корпусными командирами через тыловые армейские этапы в Россию, нередко – в массовом порядке⁹⁴. Общее число депортированных для всей провинции составляло около 13680 человек⁹⁵.

Беженцы из восточных районов провинции представляли серьёзную проблему для центральных и местных властей, тем более что их исход из мест проживания не был разовой акцией, а пришёлся на август и ноябрь 1914 г. Их приходилось не только где-то размещать, обеспечивать питанием и снабжать

⁹¹ Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009. С. 273.

⁹² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1915 гг. М., 2014. С. 46.

⁹³ Звегинцов В. Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914–1920 год. Таллин, 1936. С. 63

⁹⁴ Нелипович С. Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 63.

⁹⁵ Lindeblatt B. Preußenland. Die Geschichte Ost- und Westpreußen 1701–1945. Kiel, 2001. S. 171.

тёплой одеждой, важно было также создавать условия для их возвращения на прежние места, т. е. восстанавливать разрушенную войной инфраструктуру⁹⁶.

Источники приводят различные данные об общем числе беженцев в Восточной Пруссии за первый месяц войны, которое могло достигать до полумиллиона человек при общей численности жителей провинции в начале XX в. свыше 1 900 000 человек⁹⁷. Видимо, наиболее точной следует считать цифру в 400 тысяч человек, озвученную докладчиком бюджетного комитета на заседании прусской палаты депутатов⁹⁸.

На Восточном фронте из германских земель только Восточная Пруссия стала ареной ожесточённых боевых действий. В связи с этим бытовые лишения и неустроенность значительной части населения провинции (потеря жилища, кормильца или привычных источников существования) стали отправным пунктом формирования антивоенных настроений в массах и усталости от войны, являвшихся важным звеном нарастания революционного кризиса.

Экономический ущерб. К началу XX в. Германия стала главным экономическим партнёром Российской империи, а интенсивное двустороннее сотрудничество было выгодно прежде всего Восточной Пруссии. «Кёнигсберг был важнейшим пунктом очистки, сортировки и отчасти переработки русского сырья: зерна, прежде всего овса, бобовых культур, а также льна, пеньки, жмыха, шкур, мяса и т. п.»⁹⁹. Восточнопруская лесная промышленность работала почти исключительно на русском сырье, а его переработкой были заняты более 30 лесопильных заводов на севере провинции между Мемелем и

⁹⁶ *Aus der Rede des Ministers des Innern von Loebell im Abgeordnetenhaus am 23. Februar 1915 // Ostpreußische Kriegshefte. Berlin, 1916. N. 4. S. 18-19.*

⁹⁷ *Пахалюк К. А. Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг. // Военно-исторический архив. 2012. № 6 (150). С. 160.*

⁹⁸ *Aus der Rede des Berichterstatters des Haushaltsausschusses im Preußischen Abgeordnetenhaus, Freiherrn von Zedlitz und Neukirch, den 24. Juni 1915 // Ostpreußische Kriegshefte. Berlin, 1916. N. 4. S. 26.*

⁹⁹ *Костяшов Ю. В. Экономические связи Восточной Пруссии с Российской империей и СССР до и после Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. Калининград, 2013. С. 124.*

Тильзитом¹⁰⁰. Причиной особого положения Кёнигсберга в торговле Германии с Россией была не только географическая близость, но прежде всего строительство и расширение железнодорожной инфраструктуры со второй половины XIX в. и германо-русский торговый договор 1894 г. Для Восточной Пруссии был важен прежде всего § 19 заключительного протокола, согласно которому Россия гарантировала, что перевозки будут оплачиваться по выгодному внутреннему российскому тарифу¹⁰¹.

По подсчётам обер-президента провинции А. Батоцки непосредственный ущерб провинции от военных действий и нахождения на её территории русской оккупационной администрации составил более 1 миллиарда марок¹⁰². Разрушению подверглись 40 000 тысяч различных строений и ещё 60 000 получили повреждения. 138 000 лошадей и 350 000 голов крупного рогатого скота погибли или были увезены¹⁰³.

После отступления русских войск из Восточной Пруссии и налаживания мирной жизни властям приходилось выделять значительные суммы для приобретения испорченного сельскохозяйственного инвентаря, особенно сельскохозяйственных машин, предметов одежды и мебели для возвращавшихся беженцев и возведения нового жилья. Последняя проблема отчасти решалась за счёт использования труда русских военнопленных, из которых составлялись рабочие отряды каменщиков, плотников и кровельщиков (16–20 человек), занятых на работах по восстановлению жилья. Не имевшие строительных специальностей русские военнопленные занимались санитарной очисткой территории и работали на заготовке строительного леса¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Краткий обзор донесений императорских российских консульских представителей за границей за 1914 год. Пг., 1915. С. 68.

¹⁰¹ *Kallweit E.* Die wirtschaftsgeographische Entwicklung Ostpreußens. Königsberg, 1933. S. 86.

¹⁰² *Aus dem Vortrag* des Oberpräsidenten von Batocki «Gegenwartsarbeit und Zukunftshoffnungen für Ostpreußen», gehalten am 4. Februar 1916 in der Börse zu Königsberg i. Pr. // *Ostpreußische Kriegshefte*. Berlin, 1916. H. 4. S. 34.

¹⁰³ *Майор Диккерт, генерал Гроссман.* Бои в Восточной Пруссии: Обширный документальный репортаж о военных событиях происходивших в Восточной Пруссии. Калининград, 1999. С. 13.

¹⁰⁴ *Kruchen.* Die russischen Kriegsgefangenen beim Wiederaufbau der Provinz // *Ostpreußische Kriegshefte*. Berlin, 1916. H. 4. S. 123–125.

Однако преодоление последствий войны было невозможно без программы государственной помощи, получившей название «Помощь для Восточной Пруссии». В центральных областях Германии создавались союзы военной помощи по принципу «город для города»¹⁰⁵. В марте 1915 г. был создан «Союз военной помощи Берлина для города и округа Гумбиннен». Округам Инстербург и Нидерунг помогал правительственный округ Лигниц, округу Пилькален правительственный округ Бреслау, Ширвиндту Бремен, Даркемену Дрезден, Шталлупёнену Кассель, Тильзиту провинция Шлезвиг-Гольштейн.

Боевые действия на территории провинции в 1914–1915 гг. и отток населения из её восточных районов привели к дефициту рабочей силы в сельском хозяйстве. Вместе с тем следует отметить, что «восстановительные работы стали не только важной частью хозяйственной деятельности регионального руководства, но и пропагандистским ресурсом по сплочению немецкого населения на националистической и патриотической основе»¹⁰⁶.

Продолжавшаяся кровопролитная война, неоднократные призывы в армию трудоспособного мужского населения и английская политика торговой блокады побережья Германии провоцировали проблемы в экономике Восточной Пруссии и болезненно сказывались на условиях жизни населения, что в свою очередь влекло усиление его антивоенных настроений.

«Первая мировая война и революция в России нанесли удар по экономическому благополучию Восточной Пруссии, привели к разрыву складывавшихся десятилетиями связей»¹⁰⁷. Морская торговля вследствие разрыва дипломатических отношений, торговой блокады и переключения на военную экономику сократилась на 90 %. Печальное положение, сложившееся в экономической жизни провинции, подытожила Кёнигсбергская Гартунгская

¹⁰⁵ Новиков А. С. Гумбинненский правительственный округ провинции Восточная Пруссия в 1914–1915 годах // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. Калининград, 2013. С. 137.

¹⁰⁶ Гальцов В. И., Сергеев В. В. Указ. соч. С. 139.

¹⁰⁷ Костяшов Ю. В. Указ. соч. С. 125.

газета: «Движение в гавани почти совершенно остановилось. [...] Лишь несколько небольших буксиров продолжают свою службу, которая заключается в доставке питьевой воды на борт морских судов. [...] У Гольштейнской дамбы между мостами бездеятельно стоят пришвартованными около 100 барж с Эльбы и Одера»¹⁰⁸.

Продовольственное снабжение. Признаки неблагополучного положения в обеспечении населения провинции продуктами питания стали появляться уже в первый месяц войны. 17 августа вследствие нехватки корма для животных был закрыт зоопарк, а 5 сентября были впервые введены максимальные фиксированные цены на 48 видов продуктов питания. 15 марта 1915 г. были введены хлебные карточки¹⁰⁹. В первый год войны власти провинции действовали в духе общей коммунальной политики, занимаясь обеспечением решения насущных вопросов, вызванных войной, а именно регулированием ценовой политики на важнейшие продукты питания и борьбой со спекуляцией, обеспечением бесплатного питания детей в школах, погашением задолженности по арендной плате за муниципальное жильё и социальной поддержкой воинов-инвалидов и военных вдов.

Характерно, что одна из инициатив социал-демократической фракции Кёнигсбергского городского собрания получила освещение в столичном рупоре СДПГ, берлинской газете «Форвертс». Магистрату Кёнигсберга для содействия обеспечению народного питания было предложено в короткие сроки организовать передачу городских полевых угодий (Ackerland) по приемлемой цене малообеспеченным слоям населения для выращивания овощей и картофеля. В принципе, такая практика получила довольно широкое распространение в крупных городах Германии во время войны, однако восточнопрусские социал-демократы пошли дальше, предложив оказывать помощь новоявленным арендаторам в приобретении удобрений и семенного материала. Однако городское собрание отклонило эту инициативу под тем

¹⁰⁸ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1919. 18. Oktober.

¹⁰⁹ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 9.

предлогом, что магистрат уже решил передать эту землю под застройку, вызвав сожаление «Форвертс», что был упущен хороший момент для успеха на ниве обеспечения народа продовольствием¹¹⁰.

С 1915 г. по всей стране резко ухудшилось снабжение мясом, поскольку снижение мясных норм произошло вследствие специального решения правительства произвести массовый убой свиней из-за нехватки кормов. Особенно трудной была для рабочих Германии «брюквенная зима» (Steckrübenwinter) 1916–1917 г., когда население и прежде всего рабочие питались главным образом корнеплодами. Норма рабочего составляла два фунта брюквы в день. Всё это привело к тому, что калорийность карточного продовольственного пайка рабочей семьи (хлеб, мясо, жиры, картофель) составила зимой 1916–1917 г. 1/3 довоенной нормы¹¹¹.

Тревожное положение, которое сложилось в сфере продовольственного обеспечения Кёнигсберга в конце 1915 г., хорошо иллюстрирует выступление обербургомистра Кёрте в городском собрании депутатов, перепечатанное без купюр в Кёнигсбергской Гартунгской газете¹¹². Однако несмотря на заверения в оптимистическом сценарии развития событий и неоднократно срывааемые аплодисменты городских парламентариев, приведённые факты и цифры заставляли усомниться в этом трезво мыслящего наблюдателя.

Прежде всего Кёрте отметил, что одобренный депутатами кредит в пять миллионов марок был большей частью израсходован на обеспечение питания населения во время войны. Вытеснение русских войск из провинции и введение хлебных карточек позволили сохранить обеспечение Кёнигсберга зерновыми (и мукой) на удовлетворительном уровне, однако в отношении других статей продовольственного снабжения ситуация становилась всё более напряжённой.

Вынужденный массовый убой скота привёл к полной загрузке холодильных складов мороженым и копченым мясом, причем городские власти

¹¹⁰ *Auf Spurensuche*. Teil 8. S. 11–12.

¹¹¹ Кучинский Ю. История условий труда в Германии. М., 1949. С. 233.

¹¹² *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Morgenausgabe. 1915. 9. Dezember.

придерживали эти запасы и не спешили пускать их в продажу, мотивируя это необходимостью быть готовыми к экстренным случаям. Однако одновременное введение имперским правительством максимальных фиксированных цен на мясо привёл к его дефициту, поскольку количество пригоняемого на рынок скота для его продажи резко сократилось. Цехам мясников стало выгоднее продавать уже переработанное мясо, разумеется, с наценкой. Население, которое было далеко от того, чтобы вдаваться в экономические тонкости, винило во всём торговцев мясом. Кёрте встал на защиту фермеров и санкционировал поставку на рынок городских запасов мяса, однако этой меры было явно недостаточно для нормализации ситуации и удовлетворения спроса. На городской рынок еженедельно поставлялось 400 голов свиней, что составляло лишь 2/3 обычной потребности. В то же время имевшиеся городские запасы исчислялись цифрой в 4700 свиных туш, которых было достаточно для стабилизации ситуации на мясном рынке только на 2-3 месяца. Следует отметить, что население постоянно жаловалось на качество такого мяса, которое было сухим и быстропортящимся. Обербургомистр был вынужден признать, что полное удовлетворение потребности в мясе невозможно, а ведь заканчивался только второй год войны!

Ещё более напряжённой оказалась ситуация с картофелем, который в силу сложившихся обстоятельств стал важнейшей статьёй питания населения всей Германии. В результате нескольких совещаний и конференций была образована централизованная служба (Reichskartoffelstelle), которая занималась регулированием цен на картофель и его поставками, исключив из этого процесса городские розничные сети. Однако перебои с поставками по железной дороге и ненадлежащее хранение зачастую делали картофель непригодным для потребления. Так, местному отделению этой централизованной службы в Остероде было возвращено 55 000 центнеров картофеля, что, естественно, привело к новым затруднениям.

Восточная Пруссия, которая являлась традиционным поставщиком картофеля в западные области Германии, сама стала испытывать нехватку этого

сельскохозяйственного продукта, а введение на него максимальной фиксированной цены только усугубляло ситуацию на рынке картофеля и способствовало полному упадку торговли им. Магистрат Кёнигсберга пытался оперативно решать эти вопросы путём прямых закупок картофеля и оборудования дополнительных мест его продажи, однако отсутствие должного опыта в этом вопросе нередко приводило к обратному результату. Город ежедневно поставлял для продажи на рынках примерно 100 центнеров картофеля, однако население было недоволено его качеством.

Сложное положение сложилось и в сфере обеспечения населения города молоком¹¹³. Негативное воздействие на его производство оказывала нехватка кормов и фуража. Городские власти не решались регулировать здесь цены, опасаясь снижения объёмов молочного производства, а пошли по пути введения молочных карточек для детей, кормящих матерей и больных.

Таковы были неутешительные факты, характеризовавшие продовольственное положение, сложившееся в столичном городе провинции. Социально-экономическая обстановка в деревне также быстро ухудшалась вследствие уменьшения количества мужской рабочей силы, реквизиций лошадей и сокращения посевных площадей. В провинции, как и в стране, всё острее чувствовался недостаток продовольствия¹¹⁴.

Какой же вывод делал Кёрте из этих мрачных социальных реалий войны? «Её (т. е. войны – А. М.) самым прекрасным результатом стало то, что мы единодушно держимся вместе [...] Нет ничего более худшего для счастливого исхода этой войны, как если бы у врага создалось впечатление, что у нас дела идут из рук вон плохо»¹¹⁵. Похоже, именно гражданские власти Восточной Пруссии (в лице обербургомистра Кёнигсберга З. Кёрте) впервые связали в

¹¹³ Ежедневное потребление молока Кёнигсбергом составляло 80 000 литров, а его завоз колебался от 44 000 до 36 000 литров. Даже крупные молочные хозяйства провинции испытывали серьёзные трудности с фуражом для скота, что не позволяло им обеспечивать и половины обычных поставок молока.

¹¹⁴ В конце 1916 г. нормы хлеба составляли немногим более 200 г муки в день, мяса – 250 г в неделю. – См. *Dix A. Wirtschaftskrieg und Kriegswirtschaft*. Berlin, 1920. S. 293.

¹¹⁵ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Morgenausgabe. 1915. 9. Dezember.

один два девиза фронта и тыла, который с тех пор стал привычным для каждого немца: «Выстоять и держаться вместе!» (*durchhalten und zusammenhalten*). Однако уже в 1916 г. это единение дало первые серьёзные трещины. Следует отметить, что почти все выпуски даже либеральной «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» в 1917–1918 гг. были заполнены сообщениями о вспышках эпидемии «испанской болезни» (гриппа) и голодных бунтах¹¹⁶.

По мере ухудшения продовольственной ситуации в Германии даже в письмах офицерского состава кайзеровской армии стали звучать мотивы тревоги о снабжении семьи. В качестве курьёзного, но характерного примера служит случай, когда глава военного кабинета кайзера должен был получать особое разрешение брать со стола императора Вильгельма II два яблока для их отправки своей семье в Берлин и отчитываться о своих попытках раздобыть шоколад¹¹⁷.

В 1917 г. голодные стачки и демонстрации солдатских жён стали обычным явлением для Кёнигсберга и других городов Германии, вызывая неоправданно жёсткие меры властей (приговоры военных судов, как правило, назначали наказание в виде каторжной тюрьмы или арестантской роты). Даже один из лидеров правых социал-демократов Ф. Шейдеман с тревогой спрашивал канцлера на заседании рейхстага 19 июля 1917 г.: «Что будут думать наши солдаты на фронте, узнав, что их жёны, матери и дети посажены в тюрьмы за требование хлеба?»¹¹⁸.

Социальная политика. Первая мировая война явилась удобным поводом для упразднения основ рабочего законодательства: была отменена охрана женского и детского труда, снято ограничение продолжительности рабочего дня, узаконены воскресные и ночные работы, запрещены стачки, а профсоюзные денежные фонды (стачечные, первомайские и др.) были

¹¹⁶ *Matull W.* Op. cit. S. 71.

¹¹⁷ *Ланник Л. В.* Семья, долг, честь в Великой войне: проблемы повседневности германской военной элиты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 97.

¹¹⁸ Цит. по: *Головачев Ф. Ф.* С. 224.

фактически конфискованы путём принудительной подписки на военные займы¹¹⁹.

Накануне 1 мая 1917 г. «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» вышла с передовицей «1 мая – непраздничный день»¹²⁰. Отказ от его празднования стал обычной практикой СДПГ и «свободных» профсоюзов в годы войны, которые, ссылаясь на опыт других стран, в том числе и России, стремились тем самым укрепить связь фронта и тыла. Однако временный отказ от этого популярного международного рабочего праздника вовсе не означал спада антивоенной активности рабочих. Напротив, среди рабочих, как вынужден был признать автор статьи, спартакистами распространялись листовки с призывом «отметить 1 мая революционной всеобщей забастовкой»¹²¹. Следует отметить, что популярность этой идеи, как бы её ни старались опорочить правые и независимые социал-демократы, свидетельствовала о том, что с 1917 г. в рабочем движении Восточной Пруссии всё большую значимость начинают получать, помимо антивоенных, политические требования.

Как правило, в своей агитации против идеи «всеобщей забастовки» правительственные социалисты использовали не только обычный аргумент, что она (забастовка) привела бы к разрушению «гражданского мира», но и экономические доводы. Так, Союз рабочих металлургических заводов Восточной Пруссии в своём обращении к пролетариям указывал, что всеобщая забастовка не только не принесла бы желаемый всеми мир, но и усугубила бы имеющиеся трудности в продовольственном снабжении и неизмеримо усилила бы страдания народа¹²².

Большое недовольство рабочих вызывал так называемый закон о «вспомогательной службе» Гинденбурга–Людендорфа, который, как указывала резолюция социал-демократического собрания в Кёнигсберге, был принят

¹¹⁹ Там же. С. 80.

¹²⁰ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Abendausgabe. 1917. 28. April.

¹²¹ Ibidem.

¹²² Ibid.. Abendausgabe. 1917. 30. April.

только в интересах предпринимателей¹²³. Социальная политика властей в годы войны являлась серьёзным катализатором недовольства рабочих крупных промышленных предприятий Кёнигсберга, Тильзита, Эльбинга и Данцига.

В годы Первой мировой войны территория Восточной Пруссии стала единственной провинцией Германской империи, на которой шли активные боевые действия. Постепенное ухудшение социально-экономического положения, обусловленное войной и русским вторжением 1914 г., являлось важнейшим фактором нарастания революционного кризиса, который достиг своей кульминации осенью 1918 г. Перебои с поставками продовольствия и рост цен на продукты питания, приведшие к введению карточной системы и расцвету спекулятивного «черного рынка», явились причиной многочисленных голодных бунтов и погромов продовольственных магазинов, которые охватили провинцию начиная с 1916 г.

Обеспечение продовольственного снабжения крупных городов Восточной Пруссии осложнялось также тем, что развитая железнодорожная сеть провинции обслуживала главным образом интересы армии и флота, а не гражданского населения. Ухудшение питания, болезни и эпидемии, свирепствовавшие в тылу, были причиной высокой смертности среди населения. Вместе с тем следует отметить, что аграрный характер провинции и относительно небольшое число крупных городов позволили в определённой степени смягчить негативные последствия ухудшения продовольственного снабжения и голода.

Экономический ущерб, причинённый провинции войной, большое количество беженцев и перемещённых лиц, рост числа военных вдов, инвалидов и сирот также служили причиной социального недовольства широких слоёв населения, что выражалось прежде всего в антивоенных

¹²³ *Leipziger Volkszeitung*. 1916. 28. Dezember. Закон о «вспомогательной службе отечеству», принятый рейхстагом 5 декабря 1916 г., закрепил милитаризацию труда и вводил принудительную трудовую повинность для мужчин от 17 до 60 лет. Он отменял все ограничения капиталистической эксплуатации и разрешал принудительное перемещение рабочих.

настроениях рабочего класса и крестьянства. Социальная политика властей в годы войны, направленная на милитаризацию труда и ограничение политических прав и свобод, также внесла свой вклад в рост протестных настроений, которые находили своё выражение в требованиях демократизации избирательного права и парламентаризации монархического режима.

§ 2. Радикализация общественно-политической жизни

Политика «4 августа» и «гражданский мир». В мемуарной, исторической и публицистической литературе общественно-политическое развитие Германии обычно рассматривается через призму политики «4 августа» (утверждение рейхстагом и провинциальными ландтагами военных кредитов) и «гражданского мира» (отказ социал-демократической партии и профсоюзов от стачек и забастовок в военное время), раскола СДПГ и предыстории Ноябрьской революции 1918 г.¹²⁴. Однако если отсутствие единства и противоречия внутри германской элиты способствовали созданию революционной ситуации в стране¹²⁵, то кризис германской социал-демократии и её раскол, отражая радикализацию и «полевение» общественно-политической жизни Германии, явились серьёзными сдерживающими факторами дальнейшего углубления революции и одной из причин её свёртывания.

В Восточной Пруссии, как и во всей Германии, политика внутреннего сплочения и консолидации общества подразумевала собой своеобразный консенсус между социал-демократией и «свободными» профсоюзами, с одной стороны, и кайзеровским правительством и бюрократией, с другой. К 1914 г. идея этого консенсуса уже витала в воздухе, и для её организационного

¹²⁴ См., например: *Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны. М., 1957; *Bartel W.* Die Linken in der Deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin, 1958; *Müller R.* Vom Kaiserreich zur Republik. Wien, 1924.

¹²⁵ *Максимов И. П.* Элитистские причины Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 58–66.

оформления требовался лишь внешний импульс, который представился в виде масштабного военного конфликта.

Тем не менее путь к «гражданскому миру» был совсем не прост, поскольку в провинции в рабочей и социал-демократической среде пользовались популярностью идеи Юлиана Борхардта и Эрнста Майера, а определяющее влияние на неё имел Гуго Гаазе, адвокат из Кёнигсберга, ставший в 1911 г. одним из председателей СДПГ, а в 1914 г. возглавивший социал-демократическую фракцию в рейхстаге. Его яркий ораторский дар, который он использовал для защиты идей международной солидарности и мира между народами, с середины 1890-х гг. был хорошо знаком жителям Восточной Пруссии, сочувствовавшим левым идеям¹²⁶. Однако идеи международной солидарности и мира между народами плохо сочетались с доктриной пангерманизма и завоевания места «под солнцем», которые лежали в основе внешней политики германской империи, и в первые дни августа 1914 г. одному из лидеров восточнопрусской социал-демократии пришлось явить чудеса политической изворотливости и парламентского маневрирования, чтобы объяснить своему партийному электорату резкое изменение риторики и определённую ревизию концептуальных установок.

4 августа 1914 г. Гаазе от имени социал-демократии произнёс в рейхстаге слова, которые попали в передовицы всех ведущих газет Германии и были с одобрением восприняты консервативными и буржуазно-либеральными кругами: «В час опасности мы не оставим своё Отечество в беде. Мы чувствуем своё единство с Интернационалом, который признаёт право каждого народа на национальную независимость и самооборону, как и осуждаем вместе с ним любую захватническую войну. Мы требуем, чтобы войне, как только будет достигнута цель безопасности и враги будут принуждены к миру, был положен конец, который сделает возможной дружбу с соседними народами»¹²⁷.

¹²⁶ Макарычев А. С. Первوماй в Кёнигсберге и Восточной Пруссии // *Время Музея: сборник статей*. Калининград, 2020. С. 397–410.

¹²⁷ Auf Spurensuche. Teil 8. S. 20.

Это декларативное заявление Гаазе положило начало пресловутой политике «4 августа». Проголосовав за военные кредиты, Социал-демократическая партия Германии одновременно призывала рабочих воздержаться на время войны от всех экономических и политических выступлений, провозгласив политику так называемого «гражданского мира» (Burgfrieden). «Тезис об “оборонительной” войне Германии против “реакционного” царизма, который был весьма популярен в социал-демократической и рабочей среде, представлял собой спасительную лазейку, которая позволила СДПГ объяснить свой отход от прежних пацифистских позиций и на какое-то время дезориентировать широкие массы общества. Немногие наблюдатели обратили внимание тогда на эти определённые нотки диссонанса в заявлении Гаазе, все верили, что победоносная германская армия вернётся домой до “осеннего листопада”»¹²⁸.

В целом для политической элиты Восточной Пруссии, включая местные отделения СДПГ и её фракции в прусском ландтаге и городском парламенте, было характерно следование в фарватере внутривластного курса Берлина и безоговорочное принятие его принципиальных установок вплоть до конца декабря 1915 г. Возможное противодействие этому курсу со стороны оппозиционного и радикального молодёжного крыла профсоюзного движения было затруднено тем, что профсоюзы в Пруссии «подводились под действие закона о политических фереинах, дабы воспрепятствовать вступлению в профсоюзы молодых рабочих до 18-летнего возраста»¹²⁹.

Раскол СДПГ и внутривластная борьба в 1916–1917 гг. Предвестником грядущего раскола Социал-демократической партии Германии послужила статья «Заповедь часа» («Das Gebot der Stunde») трёх её центристских лидеров – Каутского, Гаазе и Бернштейна, которая была опубликована в виде воззвания и широко распространялась среди рабочих.

¹²⁸ Макарычев А. С. Социал-демократия Кёнигсберга и Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 3 (28). С. 24.

¹²⁹ Головачев Ф. Ф. Указ. соч. С. 50–51.

Подвергнув критике аннексионистские планы представителей правящего блока, озвученные в рейхстаге 29 мая 1915 г., авторы статьи полагали, что война потеряла свой оборонительный характер и выступили за «всеобщий мир между народами».

Политическая элита Германии сочла «Заповедь часа» нарушением «гражданского мира», а большинство правления СДПГ обвинило Гаазе – лидера партии и председателя социал-демократической фракции рейхстага – в подготовке «мятежа» против партии и фракции. 21 декабря 1915 г. эти разногласия привели к образованию так называемой декабрьской оппозиции в социал-демократической фракции рейхстага, когда её 20 депутатов голосовали против военных кредитов.

До Восточной Пруссии эти партийно-политические баталии докатились только весной 1916 г. Согласие в основных вопросах коммунальной политики позволяло некоторое время обходить стороной острые политические разногласия, тем более что социал-демократическое движение в провинции подверглось репрессиям властей: в Доме профсоюзов с началом войны был размещён лазарет, ряды профсоюзов значительно поредели ввиду призыва их наиболее активных членов в действующую армию, а выход «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» даже временно запрещался с 24 января по 2 февраля 1915 г. в связи с публикациями, которые, по мнению властей, подрывали единство немецкого народа и сеяли дух раздора в германской армии¹³⁰.

24 марта 1916 г. после очередного голосования против военных кредитов произошёл давно назревавший раскол социал-демократической фракции рейхстага. Отколовшееся меньшинство фракции в составе 18 депутатов образовало группу «Трудовое содружество» («Sozialdemokratische Arbeitsgemeinschaft») и избрало в свой президиум Гуго Гаазе, Георга Ледебура и Вильгельма Дитмана.

На состоявшихся в апреле-мае 1916 г. социал-демократических собраниях в Кёнигсберге и в провинции происходили острые споры и дискуссии, однако

¹³⁰ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Morgenausgabe. 1915. 24. Januar.

тенденция расслоения была однозначной: группа Гаазе получила поддержку социал-демократического ферейна Кёнигсберга и относящихся к нему сельских районов, а правые социал-демократы сохранили за собой большинство в провинциальных отделениях СДПГ и в «свободных профсоюзах»¹³¹. В этой связи требует определённой корректировки утверждение В. Клавса о наличии в Кёнигсберге и в других городах Восточной Пруссии сильной оппозиции против «политики 4 августа»¹³². Эта оппозиция, которая заставляла с собой считаться и к которой прислушивались, была представлена только Кёнигсбергом и, пожалуй, Тильзитом.

В медийном поле провинции ситуация складывалась не в пользу сторонников «Трудового содружества». Масс-медиа консерваторов и национал-либералов обвиняли их в подрыве «гражданского мира» и обороноспособности рейха, а рупор восточнопруссских социал-демократов – «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» – в подрыве единства партии. Наиболее ёмко и лаконично отношение к ним выразил бывший депутат городского собрания Кёнигсберга от СДПГ Франц Крюгер: «Образ действий Либкнехта и Гаазе подрывает фундамент германской социал-демократии. Самая суровая борьба против них является отныне священнейшим долгом каждого честного члена партии! Теперь сам Гаазе является одним из отколовшихся»¹³³.

Следует отметить, что лишь в 1919 г., т. е. уже в ходе революции, провинциальной организации Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) удалось учредить свой официальный печатный орган для городского и сельского населения Восточной Пруссии – газету «Freiheit». До этого времени её сторонники распространяли листовки и брошюры, а попытки создания собственных газет на местах – «Volksstimme» в Кёнигсберге и «Das freie Wort» в Данциге – быстро пресекались военной цензурой¹³⁴.

¹³¹ Auf Spurensuche. Teil 8. S. 3.

¹³² ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 45.

¹³³ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Abendausgabe. 1916. 5. Mai.

¹³⁴ *Matull W.* Op. cit. S. 70.

Непосредственным поводом к размежеванию де-юре внутри восточно-прусской социал-демократии послужила созванная в январе 1917 г. «Трудовым содружеством» и «Спартакком» объединённая конференция. Правление СДПГ посчитало это посягательством на единство партии и инициировало последовательное исключение из своего состава оппозиционных объединений. Оппозиционные элементы создавали на местах новые партийные организации.

Отправной точкой такого организационного размежевания в Восточной Пруссии стало чрезвычайное (внеочередное) общее собрание социал-демократического ферейна провинции, состоявшееся 18 февраля 1917 г. в Кёнигсберге в Артусхофе, на котором с докладами выступили представители старой и новой партийной линии – Отто Браун и Гуго Гаазе¹³⁵. Явный успех сторонников линии Гаазе (за него было подано 337 голосов из 453) заставил прежнее партийное руководство решать два насущных, не терпящих отлагательства вопроса, а именно вопросы правообладания газетой «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» и уплаты членских взносов. Необычность всей этой ситуации заключалась в том, что здесь прежнему партийному руководству, в отличие от других городских организаций СДПГ, приходилось действовать, находясь в явном меньшинстве.

Характерно, что избрание новых людей в органы управления партией «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» объявила первым шагом к оздоровлению партийного движения на месте. В результате нескольких раундов внутренних консультаций партийные должности были распределены следующим образом: Йозеф Любринг стал председателем правления, Эрнст Вильнер – казначеем, Вильгельм Шмидт – секретарём, Фриц Зеeman, Карл Марцинчик и А. Дишерайт вошли в комитет ферейна, а Евгений Вернер, Отто Коль, Фриц Кризе и Пауль Кёмлинг составили редакционную комиссию.

Однако последующие события показали, что «новые» партийные функционеры вовсе не желали прислушиваться к требованиям времени и полностью следовали в фарватере официальной партийной политики.

¹³⁵ *Königsberger Volkszeitung*. 1917. 19. Februar.

Возникшая поначалу путаница с уплатой членских взносов была устранена введением специальной зелёной карты, на которой помимо официальной печати СДПГ должны были стоять подписи трёх членов правления партии: Любринга, Шмидта и Вильнера. Взносы имели право взимать только члены партии, которые могли подтвердить свои полномочия вышеупомянутой зелёной картой. Одновременно на собраниях и в прессе делались объявления о необходимости безотлагательной сдачи партбилетов в Дом профсоюзов на Фордер Росгартен 61/62 для их надлежащего переоформления¹³⁶.

В начале марта 1917 г. во всех избирательных округах Восточной Пруссии прошли собрания социал-демократов, которые были посвящены не только определению текущих задач партии, но и выяснению отношений с отколовшимся «Трудовым содружеством» и выбору окружных функционеров. На них были официально исключены из партии все оппозиционные элементы, а районные социал-демократические организации Мемеля, Тильзита, Гумбиннена, Инстербурга, Растенбурга, Лика, Гольдапа, Шталлупёнена, Остероде и Найденбурга, как с удовлетворением отметила «Кёнигсбергер Фольксцайтунг», выразили согласие с официальной линией СДПГ¹³⁷.

Разумеется, многие ораторы на таких собраниях признавали наличие справедливого возмущения среди рабочего класса сложившимся в стране политическим и экономическим положением, однако неизменно подчёркивали необходимость единства рабочих и партийных рядов: «Социал-демократическая партия Германии стремится к сплочённости рабочего класса, а представители нашей партии и профсоюзов прилагают все свои усилия в парламенте для того, чтобы добиться улучшения его положения, *насколько это возможно во время войны* (курсив мой – А. М.)»¹³⁸. Очевидно, что на практике это означало выражение дальнейшей поддержки «политики 4 августа и гражданского мира».

¹³⁶ *Königsberger Volkszeitung*. 1917. 2. März.

¹³⁷ *Auf Spurensuche*. Teil 8. S. 32–34.

¹³⁸ *Königsberger Volkszeitung*. 1917. 24. März.

В этом же смысле высказывались лидеры влиятельного в Восточной Пруссии местного отделения Немецкого союза рабочих-металлистов на созванном 20 мая 1917 г. внеочередном общем собрании в Юбилейном зале Кёнигсберга. Формальным предлогом к нему явилась необходимость консолидации в связи с расколом СДПГ, однако постановления собрания затрагивали практически всю политико-экономическую повестку дня. Главный оратор Ф. Зеeman в очередной раз констатировал приверженность профсоюзного руководства принципу нейтралитета и баланса интересов предпринимателей и рабочих, сделав акцент на экономических целях, направленных на постепенное улучшение социального положения рабочих, и подверг резкой критике сторонников организации стачек рабочих военных заводов, которые рассматривались левыми радикалами в качестве быстрого средства закончить войну, а правящими кругами как государственная измена.

Оправдывая необходимость временного ограничения демократических прав и свобод, Зеeman заявил, что «германский рабочий понимает, что во время шторма капитан должен иначе вести корабль, чем при солнечном штиле. Различие между мировой войной и миром слишком велико, чтобы рабочие Восточной Пруссии, которые видели врага у порога своего дома и множество его жертв, всерьёз бы считали необходимую оборону своего Отечества изменой священным для них принципам»¹³⁹.

Развивая известную мысль, что единство немецкого народа помогло сдержать русский «паровой каток» в Восточной Пруссии в августе 1914 г., социал-демократы Восточной Пруссии придавали ей новое звучание в изменившейся международной обстановке. В конце февраля 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая не только заставила германскую социал-демократию существенно скорректировать свою внутреннюю и внешнеполитическую программу, но и объявить её (революцию) результатом военных усилий Германии! «Это бедствие (вторжение русских армий в Восточную Пруссию – А. М.) было бы в тысячу раз хуже, если бы весь

¹³⁹ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Morgenausgabe. 1917. 25. Mai.

немецкий народ с самого начала войны в едином порыве не оказал бы вооружённое сопротивление! Тогда русская реакция не была бы сегодня повержена, а торжествовала бы с англо-французско-итальянским капитализмом, желающим подчинить себе весь мир, над немецким трудом, который был бы растоптан на столетия вперёд»¹⁴⁰.

На словах приветствуя Февральскую революцию в России, один из лидеров социал-демократической фракции прусского ландтага Отто Браун считал неприменимым её опыт в Германии. «Положение дел в Германии иное, нежели в России. Здесь с революционными предложениями могут выступать только взбалмошные головы, которые желают следовать исключительно своим узкопартийным интересам (*die ihr Parteisüppchen kochen wollen*). Германская революция приведёт сейчас не к победе социализма, а к торжеству англо-французского империализма и подавлению германской социал-демократии!»¹⁴¹.

Предпоследний, 1917 год войны, правая и независимая социал-демократия Восточной Пруссии встречала в весьма тревожной внутренней и международной обстановке. Ей приходилось маневрировать в условиях нарастания массового антивоенного движения в провинции и в стране, партийного и фракционного раскола, радикализации её собственных рядов, а также роста влияния на внутреннюю и внешнюю политику Германии крайне правой Немецкой Отечественной партии, которая была основана в Восточной Пруссии в день годовщины Седана – 2 сентября 1917 г. Один из её руководителей, крупный прусский помещик и монархист Вольфганг Капп заявлял о необходимости для Германии добиваться немецкого победного мира.

Довольно затяжным оказался партийный конфликт в Кёнигсберге относительно принадлежности редакции газеты «Кёнигсбергер Фольксцайтунг». Несмотря на то, что сторонники оппозиции имели явное большинство в городской партийной организации, руководители СДПГ выражали твёрдую решимость сохранить за собой этот важный печатный орган

¹⁴⁰ *Königsberger Volkszeitung*. 1917. 24. März.

¹⁴¹ *Königsberger Hartungshe Zeitung*. Morgenausgabe. 1917. 3. Mai.

партии и отстаивать свою позицию в судебно-административных инстанциях провинции. Главным их аргументом было то, что газета финансировалась из средств центрального Правления партии, и что сторонники группы Гаазе формально нарушили ряд пунктов устава партии. До судебной тяжбы дело не дошло, однако прежняя редакция газеты в лице Карла Марчиони, Ганса Марквальда и Ганса Митвоха, выражая солидарность с новой оппозиционной линией, в полном составе подала в отставку. Новым главным редактором газеты стал выходец из Данцига Адольф Бартель. Характерно, что аналогичным образом события развивались в Берлине, Лейпциге и Штутгарте, где сторонники «Трудового содружества» имели сильные позиции¹⁴².

Спецификой партийного размежевания в Кёнигсберге (но не в провинции!) стало то, что большинство членов Старой социал-демократической партии вошло в состав городского отделения «Трудового содружества», наиболее видными деятелями которого стали Альфред Готшалк, Фердинанд Мертинс, Фриц Поленц, Франц Доналис, Шарлотта Мельцер, Адольф Гофер и Герман Линде.

Созванная в апреле 1917 г. в Готе конференция оппозиционных организаций стала де-факто учредительным съездом «Независимой социал-демократической партии Германии». Готский партийный съезд завершился принятием манифеста, в котором главная задача партии определялась как борьба за восстановление демократических свобод и амнистию политическим заключённым, причем главным средством достижения этой цели считалась не массовая борьба рабочих, а использование парламентской трибуны в качестве инструмента просвещения различных слоев населения. Образование НСДПГ означало не только раскол социал-демократического движения Германии, но и появление легальной оппозиционной партии в рейхстаге.

Следует отметить, что даже после партийного размежевания с независимыми социал-демократами и накануне Октябрьской революции в России, когда стрелка политического барометра показывала бурю, руководство

¹⁴² *Matull W.* Op. cit. S. 70.

СДПГ не внесло никаких корректив в свои программные установки. На съезде социал-демократической партии Германии в Вюрцбурге, который проходил с 14 по 20 октября и на котором Восточную Пруссию представляли делегаты Фридрих Кризе, Йозеф Любринг, Фридрих Шикорр и Фридрих Зеeman, была одобрена политика союза германской социал-демократии с отечественной буржуазией в империалистической войне и были определены задачи и направление практической деятельности партии на будущее. Даже в это тревожное время центральную задачу партии съезд видел в борьбе за мирную демократизацию и парламентаризацию Германии¹⁴³.

В начале апреля 1918 г. общее число членов социал-демократического фрейна НСДПГ в Кёнигсберге составляло 850 человек. Характерно, что более половины его членов составляли женщины (437). На одном из партийных собраний отмечалось, что главная причина этого заключалась в отправке на фронт наиболее активных членов НСДПГ – молодых рабочих, – органами судебной-административной юстиции в качестве наказания за антивоенную и революционную деятельность. Следует отметить, что руководители провинциального отделения НСДПГ накануне революции отождествляли репрессии властей против своей партии с развязанной против неё кампанией правых социал-демократов в прессе¹⁴⁴.

С апрельской забастовки 1917 г. в Восточной Пруссии активизировалась деятельность леворадикальных элементов германской социал-демократии, представленных прежде всего группой «Спартак». Её сторонники не только выражали недовольство «пасхальным манифестом» императора Вильгельма II, в котором содержалось обещание демократизации избирательной системы в рейхе и наделение парламента дополнительными полномочиями, но и распространяли листовки с антивоенными и революционными призывами.

Однако поскольку группа «Спартак» не имела единой партийно-организационной структуры и не была представлена в прусском ландтаге, её

¹⁴³ *Matull W.* Op. cit. S. 71.

¹⁴⁴ GStA PK. I. HA. Rep. 77. Innenministerium. CBS Nr. 719.

деятельность сводилась главным образом к распространению так называемых политических писем (Spartakusbriefe), листовок и других агитационных материалов на предприятиях, в казармах и фронтовых частях доверенными лицами и связными. Наиболее известными среди них были Евгений Шейер, Мартин Гофман, Эрнст Штельцер и Карл Поленц¹⁴⁵.

Точных данных о численном составе активного ядра группы «Спартак» в Кёнигсберге и провинции не сохранилось, однако можно предположить, что их «боевые группы» насчитывали несколько десятков человек. Следует отметить, что даже после образования в конце декабря 1918 г. Коммунистической партии Германии её местное отделение в Кёнигсберге насчитывало не более 200 членов.

«Самое крупное выступление трудящихся Кёнигсберга произошло в январе 1918 г., когда состоялась всеобщая политическая забастовка. Имперское правительство ввело в город войска, блокировавшие крупные промышленные предприятия. Обострилась ситуация на селе. Юнкерство страшились растущая озлобленность крестьян и их радикализм»¹⁴⁶.

Участники всеобщей политической забастовки в Кёнигсберге полностью поддерживали требования стачечников в Берлине, которые впервые носили ярко выраженный антивоенный и политический характер. Даже в передовице «Форвертс» от 29 марта 1918 г. требования уполномоченных бастовавших предприятий Берлина были приведены без купюр, хотя руководство СДПГ приложило максимум усилий, чтобы сорвать январскую стачку: заключение в кратчайший срок мира без аннексий и контрибуций на основе предложений СНК Советской России, сформулированных в Брест-Литовске; немедленная отмена осадного положения и восстановление свободы слова, печати, собраний, союзов; немедленное освобождение всех арестованных и заключённых по политическим делам; введение всеобщего, прямого, равного и тайного права

¹⁴⁵ Кретинин Г. В., Макарычев А. С. Германская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: свидетельство очевидца // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 199–209.

¹⁴⁶ Восточная Пруссия. С. 387.

выборов в прусский ландтаг для мужчин и женщин, достигших 20-летнего возраста.

Размах и продолжительность январской стачки в Берлине, а также требования стачечников оказали громадное революционизирующее влияние на всю страну. Неслучайно вопрос о январской стачке 1918 г., её причинах и значении, а также о роли в ней германской социал-демократии занимал центральное место во многих политических судебных процессах также после Ноябрьской революции.

Вместе с тем следует отметить, что январская стачка явилась своеобразным водоразделом в определении восточнопрусской социал-демократией своего отношения к большевикам и Советской России вообще. 15 февраля 1918 г. член правления СДПГ и будущий премьер-министр Пруссии Отто Браун опубликовал в «Форвертс» разгромную передовицу «Большевики и мы», которая, по сути, настраивала массы к принятию крестового похода германских войск против молодого Советского государства. Браун писал о безумии надежд большевиков на скорую революцию в Германии, а также предрекал скорое падение Советского строя. Он также отрицал социалистический характер политики Советского правительства и требовал «провести жирную разделительную черту между большевизмом и германской социал-демократией»¹⁴⁷.

Определённый диссонанс в среде правой социал-демократии Восточной Пруссии был вызван заключением Брестского мира между Советской Россией и Германией. В её среде имелись также сторонники так называемой «восточной ориентации», которые группировались вокруг теоретического ежемесячника «Sozialistische Monatshefte». Наиболее отчётливо позицию представителей этой группы выражали Макс Коген и Людвиг Квессель, развивавшие планы экономического сотрудничества Германии с Россией и выступавшие против аннексионистского мира¹⁴⁸.

¹⁴⁷ *Vorwärts*. 1918. 15. Februar.

¹⁴⁸ Головачев Ф. Ф. Указ. соч. С. 385.

В июле-августе 1918 г. в Кёнигсберге распространялась спартаковская листовка «Товарищи!», подписанная «Комитетом революционных солдат». «Спартаковцы разъясняли, что любая революция принесёт меньше жертв, чем последний месяц на фронте. Они были уверены, что революция в Германии повлечёт за собой революции в Англии, Франции и Италии. Среди рабочих спартаковцы пропагандировали программу, выдвинутую в марте 1918 г.»¹⁴⁹. Важно отметить, что эта программа предусматривала не только обеспечение части рабочих оружием и боеприпасами, но и создание Совета рабочих и солдатских депутатов с последующим созывом Учредительного собрания, избираемого на основе свободного избирательного права.

К осени 1918 г. социал-демократия Германии и Восточной Пруссии подошла в состоянии раскола и глубокого кризиса. Практически все значимые события последнего года Первой мировой войны, – январская стачка, Брестский мир с Советской Россией, оккупация немецкой армией Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины и Закавказья, обсуждение «Четырнадцати пунктов» президента США В. Вильсона и, наконец, вхождение правых социал-демократов в коалиционное правительство Макса Баденского – вызывали ожесточённые споры и диаметрально противоположные оценки в её рядах. Это обстоятельство являлось важным фактором углубления революционного кризиса, переросшего в начале ноября 1918 г. в революцию.

В годы Первой мировой войны стрелка барометра общественно-политической жизни Восточной Пруссии постепенно смещалась от взрыва патриотизма, национализма и внутреннего единения в сторону раскола, революционного брожения и радикализации. Первые два года войны для провинции прошли под знаком следования в фарватере политики Берлина, означавшей прежде всего утверждение «гражданского мира» и одобрение военных кредитов. Однако начиная с 1916 г. в Восточной Пруссии (как и в остальных землях Германской империи) начинает набирать силу массовое

¹⁴⁹ *Кривогуз И. М.* «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М., 1962. С. 105.

антивоенное движение, происходят первые голодные бунты и политические демонстрации.

Эти объективные изменения внутренней обстановки имели важные последствия для общественно-политической жизни провинции. Раскол социал-демократического движения и возникновение внутри него леворадикальных течений, образование крайне правой Немецкой Отечественной партии, лозунги и программные установки которой выражали взгляды реакционной прусской военщины и крупных помещиков, и консолидация общественного мнения на основе консенсуса о необходимости политических реформ означали радикализацию публичного поля, в рамках которого к осени 1918 г. назрел революционный кризис. Вместе с тем отсутствие единого фронта левых сил, направленного против монархии и старых элит Пруссии (офицерского корпуса, чиновничества и крупных помещиков) изначально определило умеренные рамки грядущей революции, которая подпитывалась только стихийным революционным брожением масс и не имела своего весомого институционального авангарда.

Глава 2. Развитие демократического потенциала революции в Восточной Пруссии

§ 1. Формирование и деятельность революционных органов власти

Начало революции. «Одной из важных особенностей развития революции в Германии [...] было то, что она началась на периферии и лишь через пять дней докатилась до столицы. Не имея централизованного руководства, развиваясь стихийно, революция не могла не дать значительного разнообразия форм, темпов и результатов»¹⁵⁰.

Не была здесь исключением и Восточная Пруссия, однако первые дни революции пришлось в ней на 9 и 10 ноября, позже всех остальных земель и провинций Германии (кроме Берлина), где были сформированы рабочие и солдатские Советы. Брожение и недовольство различных слоёв населения Восточной Пруссии войной и вызванным ею внутренним положением начались ещё в 1916 г., когда произошли первые антивоенные демонстрации и бунты. Однако они дали себе окончательный выход после получения известий о революции в Берлине и прибытия в провинцию революционных матросов Киля и Любека. Демобилизованные революционные матросы ряда приморских городов на севере Германии, выходцы из Восточной Пруссии, направлялись прежде всего в Кёнигсберг и Тильзит.

Первые дни революции всегда, как правило, играют особую роль в её дальнейшем развитии, поскольку задают вектор направления всех связанных с ней процессов и показывают, насколько революционные энергия и активность народных масс в состоянии сокрушить (или всего лишь ослабить) основы старого порядка, вызвав к жизни новые формы социально-экономического и общественно-политического устройства государства. Любопытно отметить, что паралич и дезорганизация старых органов власти (как военных, так и гражданских) в первые дни революции, когда, казалось, можно строить новые

¹⁵⁰ Дрaбкин Я. С. Указ. соч. С. 110–111.

государственные формы с чистого листа, вызывали у очевидцев и участников данных событий широкий диапазон реакций: от эмоционального восторженно-романтического отношения и надежды на новое политическое начало¹⁵¹ до холодно-рассудочного анализа подоплеку событий и складывавшегося соотношения сил противоборствующих сторон¹⁵².

События 9 и 10 ноября 1918 г. в Кёнигсберге и провинции достаточно подробно описаны не только в официальных отчётах соответствующих правительственных учреждений¹⁵³, но и в газетных статьях ведущих периодических изданий столичного города провинции¹⁵⁴, в свидетельствах их очевидцев и участников (Чепински, Э. Волленберг, В. Клавс и В. Шмидт). Несмотря на некоторые разночтения и противоречия, они в целом вполне логично выстраиваются в определённую канву событийного ряда и причинно-следственных связей, позволяющую констатировать их своеобразие по сравнению с ситуацией в рейхе и, в частности, в Берлине.

Уже 8 ноября в Кёнигсберге сложилась взрывоопасная ситуация. Во второй половине дня революционно настроенные рабочие многих предприятий города вместе с группами спартакистской молодёжи направлялись к казармам, призывая солдат к прекращению войны и к революции¹⁵⁵. Решающую роль в переходе солдат на сторону митингующих сыграла распространяемая в городе «Союзом Спартака» листовка «Красное знамя над Килем, Гамбургом, Бременом, Любеком». Следует отметить, что в условиях ограничения телефонной и телеграфной связи берлинскими властями, а также выжидательной позиции руководящих функционеров СДПГ и НСДПГ, агитация спартаковцев и демобилизованных революционных матросов стала,

¹⁵¹ *Trainwachtmeister Czepynski*. Die Revolutionsnacht in Königsberg. 1918. S. 3–5.

¹⁵² ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 43–63.

¹⁵³ GStA PK. XX. Historisches Staatsarchiv Königsberg. Rep. 2II Oberpräsident der Provinz Ostpreußen. Nr. 2978; 2979; 4163; 4164.

¹⁵⁴ Речь идёт прежде всего о «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» и «Кёнигсбергер Фольксцайтунг».

¹⁵⁵ ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 47.

по сути, единственным (и беспрепятственным!) каналом информационного воздействия на широкие слои населения.

В утренние часы 9 ноября большая колонна демонстрантов, возглавил которую один из лидеров революционной молодёжи Евгений Шейер, направилась к зданию городской комендатуры на Хинтер-Росгартен 43. Комендант фон Хинкельдей оказался не в состоянии противостоять революционному напору, был обезоружен и сложил с себя свои полномочия. Фриц Гаузе в «Истории города Кёнигсберга в Пруссии» утверждает, что командующий военным округом генерал ф. Дикхут-Гаррах вручил Е. Шейеру свою саблю, когда тот заявился в его квартиру, однако не приводит этому никаких доказательств. В. Клавс в своей мемуарной заметке говорит, что Е. Шейер выбросил из окна комендатуры шпагу ф. Хинкельдея. Обе версии, видимо, являются всего лишь красивыми легендами, поскольку не подтверждаются другими свидетельствами. Эта акция имела большое военное значение, поскольку тем самым командная власть над гарнизоном Кёнигсберга была упразднена, а последние очаги сопротивления в казармах были сломлены¹⁵⁶.

Воодушевлённые этим быстрым и бескровным успехом, демонстранты последовательно по пути своего движения овладели казармами на Книпродештрассе и бастионом Краузенек, который располагался у Штайндаммских ворот. Сценарий развития событий везде был примерно одинаков. Солдаты запирали или сажали под арест контрреволюционных офицеров и присоединялись к демонстрантам, число которых росло как снежный ком. В городе у офицеров отнимали шпаги, срывали кокарды и погоны. В полдень колонна демонстрантов, с подачи спартаковца Рудата, направилась к военной тюрьме на Обертайхе и освободила находившихся там заключённых-солдат.

После низложения коменданта города это был второй крупный успех демонстрирующего народа, который всё больше походил на восстание. Его

¹⁵⁶ ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 48.

значение заключалось прежде всего в том, что среди освобождённых из военной тюрьмы солдат было много рабочих-металлистов, принимавших участие в январской забастовке 1918 г. берлинских заводов по производству вооружения. В столице Германии бастовали рабочие предприятия Шварцкопфа, авиационных заводов в Иоганнстале, турбинного завода, предприятий Всеобщей электрической компании, заводов Даймлер-Бенц и др. В виде наказания они были отправлены военным командованием в распоряжение I-го и XX-го армейских корпусов, где подверглись очередному наказанию на нарушение дисциплины¹⁵⁷. Видимо, именно эти солдаты, имевшие немалый опыт участия в стачечной и забастовочной деятельности, призвали колонны демонстрантов направиться к командованию военного округа¹⁵⁸ и предъявить там свои требования.

Между тем в здании окружного военного командования как раз до подхода возбуждённой толпы завершилось рабочее совещание, посвящённое вопросам обеспечения продовольственного снабжения и общественной безопасности, в котором помимо командующего округом генерала Дикхут-Гарраха приняли участие обер-президент провинции А. Батоцки, а также представители СДПГ (А. Боровски) и НСДПГ (А. Готшалк)¹⁵⁹. Поскольку все упомянутые ответственные лица, облечённые властью, уже покинули здание, в переговоры с делегацией демонстрантов пришлось вступить начальнику штаба военного округа полковнику Хану. Их итогом явился определённый компромисс двух враждебных сил, – между набравшей силу уличной стихией и временно деморализованной старой властью – на обещание лидеров демонстрантов мирно разойтись по домам и воздержаться от дальнейших эксцессов Хан утвердил низложение фон Хинкельдея и согласился с проведением 10 ноября выборов в рабочие и солдатские Советы.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Здание окружного военного командования располагалось на Фордер-Росгартен 54 недалеко от городской комендатуры.

¹⁵⁹ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1918. 9. November.

Однако революционная энергия рабочих, солдат и матросов, направленная в эти дни против продолжения войны и ненавистных устоев старого порядка, не ограничивалась только улицей, а захватила широкие слои ремесленников, служащих и мелкой буржуазии. Кафе, рестораны, кондитерские и многочисленные питейные заведения превратились в бурные дискуссионные клубы, где обсуждались последние политические новости. Согласно отчёту одного анонимного агента полиции, революционные солдаты образовали нечто вроде комитета переворота (Umsturzkomitee), который направлял своих посланников в провинцию с целью информирования населения о свершившейся революции и средствах её углубления¹⁶⁰. Убедительным примером временного паралича власти стало занятие революционными солдатами важных административных зданий в городе: полицей-президиума, главного управления почты и телеграфа, вокзала.

10 ноября в Кёнигсберге состоялись выборы депутатов в рабочие и солдатские Советы. Однако если выборы в рабочие Советы в Кёнигсберге, в которых, как правило, участвовали доверенные лица социал-демократов и профсоюзов, проходили в целом без каких-либо эксцессов и нарушений общественного порядка на территории предприятий, то выборы в солдатские Советы испытали на себе определённое влияние улицы.

Первоначально назначенный для общего сбора и проведения выборов Кёнигсгартен в районе Парадной площади оказался слишком тесен для собравшейся толпы, куда в большом количестве пришли женщины и дети, поэтому организаторам пришлось в итоге направлять собравшихся на Вальтер-Симон-плац. Сам процесс выборов солдатских Советов носил достаточно условный и хаотичный характер, поскольку делегированные представители от солдатских частей либо назначались специальными уполномоченными военного командования округа, либо определялись явочным порядком. Количество делегированных представителей от солдатских частей, которые

¹⁶⁰ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 2. Bl. 152.

выбирались с участием революционно настроенных солдат и матросов или левых независимцев и спартакистов, было сравнительно невелико.

Определяющее значение в иерархии солдатских Советов, выбранных 10 ноября, получили, как и следовало ожидать, солдатский Совет гарнизона Кёнигсберга и солдатский Совет I-го армейского корпуса. Одновременно с ними для координации действий и исполнения принятых решений был образован Исполнительный Совет (Vollzugsrat), состоявший из семи членов во главе с бывшим пехотинцем Альфредом Шёппером. Важнейшие посты в нём получили новые лица, не имевшие опыта государственного управления: Каскель отвечал за взаимодействие с комендатурой и транспорт; Брандштедтер – за службу тыла и военное снабжение; Штайнметц – за почту; Хайдемманн – за взаимодействие с рабочим Советом; Лунд – за социалистическую пропаганду. Из перечисленных лиц только Хайдемманн принадлежал к левому крылу НСДПГ, взгляды остальных лишь условно могут быть охарактеризованы как левые.

В течение ноября 1918 г. рабочие и солдатские Советы различных уровней образовались во всех городах и сельских районах Восточной Пруссии. В эти дни как сторонникам, так и противникам революции казалось, что она победила и что в ближайшее время должно последовать если не радикальное переустройство старого порядка, то по крайней мере его существенное обновление.

Однако уже в первые дни революции вполне отчётливо обозначилась тенденция, которая стала одним из сдерживающих факторов в процессе перерастания революции в радикально левую фазу, – старый кайзеровский бюрократический аппарат, за немногими персональными исключениями, продолжал свою работу. По сути, со своих постов были смещены лишь обербургомистр Кёнигсберга Кёрте, председатель городского собрания депутатов Диришле, комендант города ф. Хинкельдей и командующий военным округом генерал ф. Дикхут-Гаррах. В провинции же события 9–10

ноября практически не повлекли за собой каких-либо кадровых перестановок в административном аппарате.

Важную роль в этом отношении сыграло распоряжение министра внутренних дел Пруссии от 9 ноября 1918 г. всем административным органам управления провинции, в котором говорилось, что «им следует в интересах отечества продолжать работу в целях поддержания общественной безопасности и порядка, особенно для обеспечения мер, необходимых для снабжения народа продовольствием»¹⁶¹. На основании этого письма обер-президент Восточной Пруссии фон Батоцки 10 ноября ориентировал в циркулярном письме всех ландратов провинции, что «в интересах отечества им следует оставаться на своих местах»¹⁶².

Необходимо отметить, что Советам в эти первые, решающие дни революции было навязано решение самых насущных коммунальных проблем, которые больше всего волновали население: обеспечение бесперебойного продовольственного снабжения, недопущение грабежей и других проявлений массовых беспорядков¹⁶³. В ряде районов отмечался рост антиеврейских настроений, которые иногда выливались в погромы. Положение осложнялось тем, что иногда такие настроения поддерживались представителями местных рабочих и солдатских Советов. Так, председатель синагогальной общины Хайдекруга обратился 24 ноября 1918 г. с жалобой, адресованной местному ландрату и регирунгс-президенту Гумбиннена, на действия местного Совета, который не только не реагировал на всплеск антисемитизма в районе, но на заседаниях которого (11 и 18 ноября) даже звучали призывы к еврейским погромам¹⁶⁴. Из материалов дела нельзя заключить, предприняли ли власти правительственного округа действенные меры для пресечения подобных эксцессов, однако жалоба еврейской общины Хайдекруга дошла до министра внутренних дел Пруссии.

¹⁶¹ Ibid. I. HA. Rep. 84a. Nr. 4346. Bl. 7.

¹⁶² Ibid. HA. Rep 2II. Nr. 2982. Bl. 1.

¹⁶³ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1918. 11. November.

¹⁶⁴ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 2. Bl. 114.

Газеты пестрели сообщениями о различных эксцессах, уличных нападениях, разграблениях армейских складов и т. п., которые нагнетали нервозность в обществе. Как правило, новообразованные рабочие и солдатские Советы в первую очередь занимались вопросами обеспечения законности и правопорядка как в городах, так и в сельской местности, что следует из донесений ландратов регирунгс-президентам округов¹⁶⁵. Конечно, поддержание общественного порядка и относительная стабилизация привычных форм социального бытия являлись важными задачами рабочих и солдатских Советов в первые дни и недели революции.

Однако за этим внешним процессом скрывалось главное, – Советы в Восточной Пруссии не стремились к захвату или хотя бы к разделению политической власти с сохранившимися правительственными учреждениями, ограничившись лишь выполнением контрольных функций за этими же учреждениями и общим надзором за переходом к новой форме государственного устройства. Такая позиция рабочих и солдатских Советов объясняется прежде всего преобладанием в них правых социал-демократов и независимцев, которые ещё до проведения общегерманского съезда Советов в Берлине 16–21 декабря 1918 г. взяли курс на созыв Учредительного национального собрания и переход к буржуазному парламентаризму. Такая удивительная «беззубость» восточнопруссских Советов вызвала даже предположение о наличии некоего «прагматического соглашения» между старыми монархическими административными учреждениями и новыми носителями власти¹⁶⁶.

Важно также отметить, что солдатские Советы (прежде всего гарнизонов и тыловых частей, а не действующей армии) вынуждены были также заниматься вопросами демобилизации и связанных с ней денежных выплат солдатам, а также такими второстепенными вопросами, как отмена или сохранение обязательного отдания воинской чести, ношения оружия

¹⁶⁵ Ibid. Nr. 18. Bl. 2.

¹⁶⁶ *Born A.* Op. cit. S. 39.

офицерами и т. п. Для Кёнигсберга ноября-декабря 1918 г. была типична картина многочисленных толп солдат в спортивных залах школ, где они получали расчёт и увольнительные документы. Как правило, солдаты не выдвигали социальных или политических требований, а стремились как можно быстрее демобилизоваться и вернуться домой. Сами же солдатские Советы в лучшем случае ограничивались лишь весьма умеренными требованиями демократизации армии.

Характерным в этом плане был отчёт ландрата регирунгс-президенту Гумбинненского правительственного округа от 12 ноября 1918 г. В нём сообщалось, что в воскресенье в городе (Гумбиннене – *А. М.*) был образован рабочий и солдатский Совет, хотя в городе и сельском уезде поддерживался должный порядок (!). Вместе с тем ландрат выражал сомнение, что так будет продолжаться и дальше, если из местного гарнизона *в срочном порядке* (курсив мой – *А. М.*) не будут демобилизованы домой прибывающие с Восточного фронта солдаты¹⁶⁷.

О непоследовательной и отчасти популистской политике солдатских Советов (и его отдельных представителей) в первые дни революции говорят следующие факты. Большой резонанс у населения и властей Шталлупёнена получили волнения на местном рынке, вызванные тем, что некоторые солдаты заставляли землевладельцев и торговцев продавать жителям привезённые ими товары по обычным ценам. Ландрат Шталлупёнена в «отчёте о настроениях» от 14 ноября правительственному президенту Гумбиннена отметил недопустимость подобных действий, а новообразованный солдатский Совет распорядился провести расследование и арестовать зачинщиков!¹⁶⁸.

Постоянным источником трений между отдельными солдатскими Советами и провинциальной администрацией служили неоднократные попытки первых распространить запрет на ношение оружия для военных (кроме находящихся на службе), а также сотрудников жандармерии и полиции. Такое

¹⁶⁷ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 12. Bl. 2.

¹⁶⁸ Ibid. Nr. 2. Bl. 37-38.

расширительное толкование отдельными солдатскими Советами соответствующего служебного указа имело бы смысл только в случае создания ими собственной Красной гвардии или аналогичных вооружённых формирований для проведения самостоятельной политики, однако они были далеки от этого. После громкого убийства мародёрствующими солдатами безоружного жандарма в Морицкемене (Тильзитский район), побудившее обер-президента Восточной Пруссии фон Батоцки 7 декабря обратиться с соответствующим представлением к председателю Кёнигсбергского солдатского Совета Шёпперу, в прессе была инициирована кампания в защиту вооружения сотрудников жандармерии и полиции, в результате которой вопрос был решён в пользу укрепления общественной безопасности¹⁶⁹. В некоторых сельских районах руководство жандармерии и солдатских Советов приходило к своеобразному компромиссу – сотрудники жандармерии сохраняли за собой право на ношение оружия, но должны были носить специальную нарукавную повязку красного цвета¹⁷⁰.

Итоги первых дней революции в Восточной Пруссии явили собой тенденцию, характерную для остальных земель рейха, – в большинстве городов рабочие и солдатские Советы формировались из функционеров социал-демократической партии и независимцев. Так, в Кёнигсбергский рабочий Совет на паритетных началах вошли представители СДПГ и НСДПГ: Зеeman, Любринг, Кризе, Андерш, Готшалк, Линде, Малон и Век. Иногда социал-демократы даже поощряли привлечение в Советы различных непролетарских элементов вроде торговцев, предпринимателей, буржуазных журналистов и профессоров. Как правило, декларативные заявления таких Советов о защите и углублении революции не подкреплялись практическими делами, а их вторжение в деятельность местной администрации и органов самоуправления было минимальным.

¹⁶⁹ Ibid. Bl. 66.

¹⁷⁰ Ibid. Bl. 99.

Рабочие и солдатские Советы в Восточной Пруссии. В ноябре 1918 г. Восточная Пруссия, как и остальные земли рейха, покрылась сетью рабочих и солдатских Советов. Компетенция, деятельность, характер и итоги работы этих новых революционных органов власти представляют собой одну из важнейших проблем в изучении Ноябрьской революции 1918 г. в Германии вообще. Были ли они простой калькой русских Советов образца 1917 г., данью революционной моде, практическим маяком которой являлась в то время Советская Россия, или они отражали специфический немецкий путь реализации демократического потенциала революции? Являлись ли они результатом «экспорта» русского Октября или всего лишь политической формой организации революционного брожения народных масс в период переходного периода к демократической республике и буржуазному парламентаризму?

Ответы на эти вопросы осложняются тем, что германская революция, как уже отмечалось, началась на периферии, не имела единого руководящего центра и развивалась большей частью стихийно. Каждая земля или провинция германского рейха подошли к ноябрю 1918 г. со своим собственным, во многом уникальным «багажом» социально-экономического положения и партийно-политической конфигурации публичного пространства, которые обуславливали собой определённое своеобразие «прохождения» ими революционного кризиса 1918–1919 гг. Такое изучение Ноябрьской революции в Германии от частного к общему, от периферии к центру позволяет не только определить уникальные факторы, действовавшие в той или иной немецкой провинции или земле во время революции, но и в известной степени понять и объяснить политику «центра» (Берлина) в отношении них.

Попытка дать какую-либо упорядоченную классификацию рабочих, солдатских, крестьянских и других Советов (помимо Советов как революционных органов власти существовали также Советы буржуазии, чиновников, учителей, духовных лиц и т. д.) в Восточной Пруссии представляется малоперспективной, поскольку за непродолжительный период их существования не был выработан чёткий регламент их работы и

комплектования, а так называемые споры о компетенциях затрудняют исчерпывающее определение их функций. Однако главная проблема заключается в том, что сами Советы воспринимали себя временными органами власти, призванными обеспечить по возможности мирное проведение выборов в Учредительное национальное собрание (а также выборов других уровней) и безболезненный переход к новому государственному устройству после принятия союзной конституции.

Такая постановка «проблемы» Советов даёт возможность определённой смены парадигмы в их изучении – вместо «идеального» марксистского целеполагания относительно углубления туманного и проблематичного социалистического содержания революции переключиться на конкретный анализ их реального вклада в развитие её демократического потенциала.

Первые директивы (*Richtlinien*) по организации деятельности Советов были опубликованы уже 17 ноября во всех экстренных выпусках восточнопрусских газет¹⁷¹. Однако эти директивы содержали лишь самые общие ориентиры и подлежали доработке и дополнениям на местах. Такой сырой и рыхлый документ вполне устраивал правительство (СНУ), поскольку давал возможность в первые дни революции переключить внимание Советов с главного вопроса завоевания политической власти на разграничение компетенций и решение насущных коммунальных проблем. Что же представлял собой этот плод коллективного творчества заинтересованных сторон после дополнений, внесённых Советами Восточной Пруссии?

Во всех городах провинции, где имелись гарнизоны, необходимо было избрать рабочие и солдатские Советы в качестве органов народного правительства для контроля и поддержки административных учреждений. Рабочие и солдатские Советы являлись самостоятельными в сфере своей деятельности, однако в то же время должны были подчиняться неким руководящим распоряжениям (их надлежало конкретизировать в будущем) Кёнигсбергского рабочего и солдатского Совета. Упомянутые директивы

¹⁷¹ *Extrablatt der «Ostpreußischen Zeitung»*. 1918. 17. November.

устанавливали, что солдатские Советы выбирались согласно предписаниям Кёнигсбергского солдатского Совета, а рабочие Советы по территориальному или профессиональному принципу. Каждый Совет формировал Исполнительный комитет из 6–12 членов.

Задачи Советов в провинции, согласно предложениям Кёнигсбергского рабочего и солдатского Совета, ограничивались защитой личной безопасности и собственности от нападений, обеспечением населения продовольствием, правовым регулированием переходного периода в экономике, социальным обеспечением малоимущих, решением жилищного вопроса и делами печати. Для занятия этими вопросами создавались особые комитеты.

Следует отметить, что солдатские Советы в провинции имели также специфическую функцию пропаганды достижений революции среди сельского населения северо-восточных районов, наиболее подверженных агитации левых радикалов. Солдатский Совет Инстербурга в письме обер-президенту Восточной Пруссии от 24 января 1919 г. сообщал, что агитационный комитет (Aufklärungsamt) не только принимал участие в выборах местных крестьянских Советов, но и играл важную роль в их дальнейшей плодотворной работе¹⁷².

Дополнения восточнопрусских Советов к этим директивам касались главным образом уточнения их территориальной юрисдикции, однако пункт о том, что гражданскими учреждениями провинции руководит обер-президент в согласии с Кёнигсбергским рабочим и солдатским Советом вызвал в дальнейшем определённые трения с некоторыми местными Советами, которые не желали признавать столичный Совет руководящей инстанцией.

Любопытно, что в некоторых восточных районах провинции создавались так называемые Комитеты общественного спасения (Wohlfahrtsausschüsse)¹⁷³ на манер французской революции 1789 г. Как правило, они возникали по инициативе местных властей (магистратов или ландратов), которые пытались

¹⁷² GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 2. Bl. 216.

¹⁷³ Ibid. Bericht über die Umwälzung der inneren Verhältnisse im Monat November. Magistrat an den Herrn Landrat in Gumbinnen. 1918. 18. Dezember. Bl. 151–152.

выдать их за рабочие Советы (!) и тем самым не допустить радикального варианта развития событий и упредить нарушения общественного порядка. Такие «самозванные» Советы были недолговечны и исчезали сами собой.

Какие же возможности оставались у местных Советов для проведения самостоятельной политики? Прежде всего Советы нередко использовали право смещать в исключительных случаях представителей сельской администрации и общинного самоуправления (т. е. ландратов и бургомистров). Это право Советов было серьёзно ограничено распоряжением министра внутренних дел Германии от 26 декабря 1918 г., которое запрещало местным рабочим и солдатским Советам непосредственное вмешательство в управление. Оно, правда, сохраняло за ними право временно отстранять от занимаемой должности виновное должностное лицо до проведения служебного расследования.

Большой резонанс получило решение рабочего и солдатского Совета Тильзита отстранить от должности ландрата района Хайдекруг за контрреволюционные взгляды и пропаганду, подрывавшие авторитет стоявшего у власти правительства и приведшие к волнениям среди местного населения. Более того, Тильзитский Совет инициировал расследование в отношении некоторых поставщиков и спекулянтов в районе, получавших большие прибыли во время войны. Противники Совета провели в ускоренном порядке его перевыборы, которые поспешил признать регирунгс-президент Гумбиннена, однако старый состав Совета посчитал это нарушением и не согласился с ними. В дело пришлось лично вмешаться председателю рабочего Совета Кёнигсберга Шёпперу, который настоял на дезавуировании Тильзитским Советом своего решения о смещении ландрата, а регирунгс-президент Гумбиннена оставил его в должности до проведения внутренней служебной проверки¹⁷⁴.

Другой получивший широкую огласку случай произошёл 12 февраля 1919 г., когда рабочий и солдатский Совет Эйдткунена 38 голосами против 29

¹⁷⁴ Ibid. Nr. 13. Bl. 9–11.

временно отстранил от должности ландрата Шталлупёнена Крамера. Правда, мы можем судить об этом деле только на основании докладной записки депутата Шталлупёненского районного собрания Центхёфера (он был к тому же членом юридической комиссии) на имя регирунгс-президента Гумбиннена, однако этого достаточно, чтобы понять реальные причины конфликта.¹⁷⁵ Основанием для смещения послужило длительное «пассивное сопротивление» ландрата различным распоряжениям рабочего и солдатского Совета Эйдткунена.

Каплей, переполнившей чашу терпения Совета, явилось заблаговременное сообщение Крамером нескольким заинтересованным лицам о предстоящем проведении у них обысков. Из записки неясно, кого именно предупредил Крамер и что должны были искать, однако для Центхёфера, который полностью занял сторону ландрата, важно не это, а то, что обыски были противозаконны и не согласованы с министерством внутренних дел в Берлине! Любопытно, что Центхёфер не удовлетворился изложением формально-юридической стороны вопроса, а привёл соображения практического порядка в пользу оставления прежнего ландрата в должности. Оказывается, новому ландрату пришлось бы какое-то время вникать в местные дела, из-за чего могла пострадать государственная программа восстановления района, серьёзно пострадавшего от русского вторжения в августе 1914 г.

Однако и этого автору записки показалось мало и он привёл самый весомый довод, а именно, что крайне нежелательно производить кадровые перестановки в ведомстве ландрата в то время, когда большевики находятся от восточнопрусской границы всего лишь в трёх дневных переходах! Но самая точная формулировка содержалась в статье местной газеты под названием «Спартакизм в Восточной Пруссии», объяснявшей истинную причину

¹⁷⁵ Ibid. Bl. 37–38.

конфликта вооружением горожан и сельских хозяев против нападений спартакистов и большевистской опасности¹⁷⁶.

Важным инструментом проведения левой политики независимых Советов было принудительное снижение отпускных цен на продукты питания и предметы первой необходимости для малообеспеченных слоёв населения и различного рода реквизиции. Выше уже говорилось о подобных мерах, предпринятых демобилизованными солдатами в Шталлупёнене. 16 ноября 1918 г. рабочий и солдатский Совет Маргграбова принял решение о снижении на 2 марки отпускных цен на 1 центнер угля (брикет в 50 кг) для малоимущих слоёв населения, под которыми подразумевались жители, годовой доход которых не превышал 2400 марок. Городские кассы компенсировали затем продавцам угля понесённые ими убытки¹⁷⁷.

Однако наибольшее негодование зажиточных горожан, скупавших продукты питания для перепродажи на черном рынке, и землевладельцев в сельской местности вызывали обыски и ревизии продовольственных запасов, прежде всего хлеба и картофеля, производимых соответствующими Советами. Так, начальник полиции Инстербурга в донесении регирунгс-президенту Гумбиннена от 28 декабря 1918 г. жаловался, что местный солдатский Совет за последние недели без уведомления производил обыски в домах граждан вверенного ему района в поисках продовольствия (точнее, его излишков! – *А. М.*)¹⁷⁸.

Иногда жалобы землевладельцев вызывали такой резонанс, что уже центральные власти призывали местную администрацию вмешаться и принять срочные меры для пресечения подобной практики. Так, прусский государственный комиссар по продовольственному обеспечению был вынужден 21 января 1919 г. обратиться с соответствующим письмом к регирунгс-президентам и обер-президенту Восточной Пруссии о

¹⁷⁶ Видимо, газетная вырезка этой статьи была прикреплена к докладной записке позднее кем-то из сотрудников архива, которые формировали это дело.

¹⁷⁷ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 19. Bl. 5.

¹⁷⁸ Ibid. Nr. 7. Bl. 28.

недопустимости проведения самостоятельных ревизий (проверок) в сельской местности рабочими и солдатскими Советами. Поводом для этого обращения послужили многочисленные жалобы землевладельцев провинции о ревизиях, проводимых Советами в имениях, которые часто перерастали в грабежи (скорее, в законные изъятия! – *А. М.*). Любопытно, что на входящем документе из Берлина уже на месте кем-то из провинциальных чиновников собственноручно была сделана запись о новых жалобах, поступивших из Рагнита, Шталлупёнена и Маргграбова¹⁷⁹. Из этого можно сделать вывод, что число таких мероприятий, проводимых рабочими и солдатскими Советами, было достаточно велико, однако оно, видимо, ограничивалось главным образом северо-восточными районами провинции.

Характерно, что после разгрома отрядов Народной морской дивизии в Кёнигсберге в начале марта 1919 г. в отчётах председателей низового звена районных администраций (*Kreisausschüsse*) отсутствуют жалобы на подобные мероприятия местных Советов¹⁸⁰.

Следует отметить, что рабочие и солдатские Советы Восточной Пруссии пытались также вмешиваться в пенитенциарную систему провинции, самовольно освобождая несовершеннолетних правонарушителей из закрытых исправительных учреждений (*Fürsorgeerziehung*). Подобные случаи были нередки и всегда вызывали негативную реакцию Берлина, который направлял подобные дела на дополнительное рассмотрение соответствующих судебных инстанций¹⁸¹.

Наиболее действенным инструментом рабочих и солдатских Советов для проведения самостоятельной коммунальной политики являлось их привилегированное положение в военных вопросах. Оно заключалось не только в том, что они (прежде всего солдатские Советы) имели возможность влиять (по крайней мере в ноябре и декабре 1918 г.) на решения, принимаемые

¹⁷⁹ Ibid. Bl. 65.

¹⁸⁰ Ibid. Nr. 7. Bl. 69.

¹⁸¹ Ibid. Bl. 49.

командирами соответствующих воинских частей. Согласно сложившейся в первые дни революции практике, Советы имели также собственные (выделенные) артиллерийские склады (Artillerie-Depots) при гарнизонах, куда по их запросам окружное командование должно было поставлять оружие и боеприпасы. Так, по запросу рабочего и солдатского Совета Гольдапа командование I-го армейского корпуса распорядилось доставить на артиллерийский склад в Инстербурге 600 винтовок и 30 000 патронов¹⁸².

Гораздо более важным было то, что местные власти (ландраты и бургомистры) не могли без их участия эффективно решать вопросы поддержания общественного порядка, защиты собственности, пресечения мародёрства, грабежей и т. п. Но главной причиной конфликтов и противостояния местных администраций и Советов (разумеется, только некоторых) было нежелание и противодействие последних вооружению различных полувоенизированных формирований: отрядов гражданского ополчения (Bürgerwehr), самообороны (Einwohnerwehr), сельских дружин и т. д.

Местные власти поощряли создание подобных гражданских военизированных формирований, видя в них опору в борьбе не только с криминальными и деклассированными элементами, но и с мобильными отрядами спартакистов, которые, как уверяла жителей приграничных районов немецкая пропаганда, действуют в тесном взаимодействии с большевистскими «бандами». В свою очередь, Советы опасались собственными руками вооружить потенциальные «контрреволюционные и реакционные» формирования.

Так, в докладной записке ландрата Гольдапа от 5 декабря 1918 г. о создании гражданского ополчения говорится о целесообразности создания подобных формирований в каждом административном районе, и что в его районе в него записалось около 1500 человек, вооружение которых, однако, затягивалось из-за нежелания рабочего и солдатского Совета Кёнигсберга

¹⁸² Ibid. Nr. 11. Bl. 2.

предоставить в его распоряжение соответствующее количество винтовок¹⁸³. Ландрат сельского района Инстербург сообщил 5 декабря 1918 г. регирунгс-президенту Гумбиннена о создании гражданского ополчения, вооружение которого затягивалось из-за нежелания солдатского Совета, опасавшегося контрреволюции, выдать стрелковое оружие (винтовки)¹⁸⁴.

Иногда Советы мотивировали свой отказ выдавать стрелковое оружие и боеприпасы к нему тем, что они окажутся в руках у гражданских лиц. Обычно в таких случаях местные власти действовали в обход локальных Советов и обращались напрямую к солдатскому Совету Кёнигсберга с соответствующей просьбой¹⁸⁵. Аналогичную жалобу на действия местного солдатского и рабочего Совета адресовал обер-президенту Восточной Пруссии ландрат Олецко¹⁸⁶ 30 декабря 1918 г.

Любопытно, что рабочий и солдатский Совет Шталлупёнена проявил твёрдость в этом вопросе и отказался выдавать оружие представителям гражданского (буржуазного) ополчения даже после получения сведений от председателя комитета района о взятии большевиками Вильны и угрозы их вторжения в провинцию¹⁸⁷. Видимо, члены местного Совета неплохо разбирались в реальной обстановке и умели отделять пропагандистские заявления о «большевистской опасности и угрозе вторжения красных» от действительных планов по вооружению реакционных элементов.

После поражения спартакистского восстания в январе 1919 г. в Берлине и разгрома отрядов Народной морской дивизии в Кёнигсберге в начале марта провинциальные власти в вопросах вооружения военизированных формирований начинают непосредственно контактировать с окружным военным командованием в обход Советов.

¹⁸³ Ibid. Nr. 1. Bl. 36.

¹⁸⁴ Ibid. Bl. 38.

¹⁸⁵ Ibid. Bl. 18.

¹⁸⁶ Ibid. Bl. 97.

¹⁸⁷ Ibid. Bl. 54.

Следует отметить, что летом 1919 г., когда сельские районы были охвачены волнениями крестьян и сельскохозяйственных рабочих вследствие продовольственного кризиса и низких закупочных цен, ландраты как выразители интересов крупных аграриев были настроены против вооружения отрядов гражданского ополчения, оружие которых могло быть использовано не против внешнего врага, а против своих соотечественников (т. е. против крупных землевладельцев – *А. М.*)¹⁸⁸. Это настроение ландратов не могла изменить даже напряжённая внешняя обстановка, вызванная активизацией деятельности польских повстанческих отрядов в связи с выраженными территориальными претензиями Польши к германскому рейху!

Характерно, что компетенции Советов и связанный с ними регламент их деятельности обсуждался почти в течение всего периода имевшихся у них хоть сколько-нибудь значимых властных функций. В этой связи несомненный интерес представляет проект регламента их работы (*Geschäftsordnung*), который обсуждался на съезде рабочих Советов Восточной и Западной Пруссии, который проходил в Алленштайне в середине апреля 1919 г.¹⁸⁹. Проект этого регламента, хотя он не был принят и не вступил в действие, во многом отражал сложившуюся к тому времени практику и, следовательно, важен для понимания места Советов в системе действовавших на тот момент учреждений власти. Важнейшие его положения состояли в следующем.

Отдавая дань революционной риторике, Советы признавались вспомогательными организациями революции, которые должны были занять место прежних законодательных и административных учреждений. Однако только до того момента, пока не произошла политическая трансформация, в результате которой после выборов в Учредительное собрание и ландтаги земель возникли новые обновлённые органы власти. Мандат Советов в этой сфере должен был отныне считаться выполненным. Дальнейшая деятельность Советов должна была состоять исключительно в контроле за органами

¹⁸⁸ Ibid. Nr. 11. Bl. 8.

¹⁸⁹ Ibid. Nr. 18. Bl. 79–80.

управления. Однако и эту функцию контроля Советы, как предполагалось, должны были осуществлять только до тех пор, пока не завершится приспособление (Anpassung) органов управления к новому политическому и социальному порядку. Следовательно, теперь срок работы Советов Восточной Пруссии находился полностью в руках имперского комиссара, который в любой момент мог заявить, что это приспособление завершилось!

Рабочие Советы могли теперь образовываться во всех общинах, где была потребность в этом (!), причём возникающие спорные вопросы решались имперским комиссаром совместно с Провинциальным рабочим и солдатским Советом. В небольших общинах существующие на данный момент Советы упразднялись. В этом плане проект регламента лишь отразил уже начавшийся к этому времени процесс вытеснения Советов из провинции.

Следует отметить, что имущественный ценз для лиц, которые могли быть избраны в Советы, значительно повышался. Теперь годовой доход такого лица не должен был превышать 10 000 марок, тогда как прежнее ограничение составляло 2500 марок. Понятно, что такое нововведение узаконивало проникновение в Советы мелкобуржуазных элементов, торговцев, предпринимателей, средних чиновников и интеллигенции, что вело в конечном счёте к выхолащиванию в них революционного духа.

Каким же образом Советы могли реализовать своё пресловутое право контроля? Буржуазные юристы, правительственные чиновники и партийные функционеры СДПГ немало постарались, чтобы свести это право по сути всего лишь к «наблюдению». Советы имели право ознакомления (Einsichtnahme) с ведомственной документацией и принятия жалоб. И всё! Однако даже в такой выхолащенный вариант представители провинциального правительства внесли дополнительные оговорки: контроль не должен приводить к замедлению работы органов управления; предоставление входящих документов оформлялось на основе специального запроса рабочего Совета; жалобы на действия низовых воинских частей направлялись соответствующему окружному командованию; верховной инстанцией в отношении решения по

другим жалобам оставался имперский комиссар. Очевидно, что такая интерпретация права контроля превращала Советы, по сути, в бесполезные декоративные придатки органов исполнительной власти.

Наконец, серьёзно ограничивалась финансовая самостоятельность Советов. Расходы на их деятельность теперь покрывались за счёт «контролируемого» ими органа, а возмещение расходов членам Совета и выдача суточных денег требовали утверждения Провинциальным Советом.

Об атмосфере, которая господствовала на съезде, можно было судить по выступлениям его делегатов. Главный докладчик Винниг заявил, что республика придаёт большое значение совместной работе с Советами, однако форма, в которой они могли бы действовать, ещё не определена. Приоткрывая своё истинное отношение даже к такому усечённому проекту регламента, он утверждал, что для Советов вообще не может быть какого-либо писаного права в длительной перспективе¹⁹⁰. Депутат из Пилькаллена Петрошке (Petroschke) вообще посчитал, что Советы выполнили свою работу и что не может существовать двух правительств¹⁹¹.

Единственный голос против подал независимец Фосс (Voß) из Данцига, заявивший, что отделение его партии неприятно удивлено проектом регламента, и что в таком виде он никак не может стать законом. Правда, Фосс признал, что в настоящее время этот вопрос не может быть решён окончательно¹⁹². Предложение независимцев о наделении рабочих Советов правом законодательной инициативы вообще звучало диссонансом в общем хоре и было, разумеется, отклонено. Зато съезд утвердил поправку о наделении пассивным избирательным правом лиц, годовой доход которых был не менее 10 тысяч марок и включил в эту же категорию мелких предпринимателей (Gewerbetreibende), которые использовали не более трёх наёмных работников. Чтобы подсластить пилюлю сторонникам Советов, съезд принял также

¹⁹⁰ Ibid. Nr. 7. Bl. 83–85.

¹⁹¹ Ibidem. В оригинале стоит глагол `erledigen`, который также может означать, что с Советами `покончено`.

¹⁹² Ibidem.

декларативное постановление, что все объявления и распоряжения магистрата, полиции, ландратов и регирунгс-президентов должны скрепляться второй подписью председателей рабочих Советов и только в таком виде подлежат исполнению всеми жителями¹⁹³.

Солдатские Советы действующей Восточной германской армии. Деятельность солдатских Советов Восточной Пруссии и солдатских Советов действующей Восточной германской армии были тесно связаны, поскольку последние в условиях демобилизации и возвращения армии на родину оказывали влияние на гарнизонные части. Несмотря на недостаточную изученность этого вопроса, можно в целом согласиться с выводом о том, солдатские Советы Восточной Пруссии не стали фактором разложения старого порядка и армии и углубления революции¹⁹⁴.

Более того, солдатские Советы рассматривались офицерским корпусом как потенциальный канал углубления революции, источник нарушения дисциплины в войсках. Данная оценка солдатских Советов офицерами, основанная в большей степени на гипотетических опасностях, чем на реальном опыте, предопределила выработку военным руководством совместной стратегии с гражданскими властями, направленную на скорейшую ликвидацию системы Советов в армии¹⁹⁵.

В Восточной армии к осени 1918 г. уже имелось сравнительно большое число сторонников большевиков и ещё до революции образовался «Военно-революционный Совет немецкой Восточной армии», который 10 октября 1918 г. выступил с призывом учреждать солдатские Советы и сражаться за Германскую Советскую республику¹⁹⁶.

18 ноября солдатский Совет в г. Ковно был официально признан военным министерством рейха в качестве «Центрального Совета Восточного фронта вне

¹⁹³ Ibidem.

¹⁹⁴ Klatt R. Op. cit. S. 24.

¹⁹⁵ Соколов А. П. Германский офицерский корпус и солдатские Советы: борьба за политическое выживание в период революции 1918–1919 гг. // Исторический журнал. 2015. № 3.

¹⁹⁶ Tormin W. Op. cit. S. 28.

пределов отечества». Вместе с тем фронтовое командование должно было учитывать в своей деятельности два противоречивых момента: с одной стороны, оно должно было считаться с усталостью солдат и приступить к плановой демобилизации армии, с другой стороны, необходимо было поддерживать дисциплину в действующих частях и обеспечивать сохранность армейских складов. В этой ситуации важнейшее значение имел характер взаимодействия военных инстанций с солдатскими Советами, поскольку опыт внедрения в воинских частях Восточного фронта так называемых доверительных Советов (*Vertrauensräte*) в целом был неудачным¹⁹⁷.

Для Восточной Пруссии и её властей разложение Восточной армии имело особое значение. Провинция являлась важным перевалочным пунктом следования домой демобилизованных солдат, и власти были заинтересованы в их скорейшем проезде во избежание контактов с частями гарнизонов и местным населением из-за боязни их «большевизации». Однако некоторые демобилизованные солдаты всё же оседали в провинции и вливались в местные рабочие и солдатские Советы, которые нередко под их влиянием выдвигали политические требования. Они привозили с собой и распространяли номера фронтовой газеты «Красноармеец» (*Der rote Soldat*), в которых содержались призывы к немедленному вооружению революционных рабочих и солдат, созданию рабочей милиции и отрядов Красной гвардии, разоружению всех непролетарских элементов¹⁹⁸.

Тесно связанным с военно-оборонными задачами был Восточнопруссский Провинциальный Совет, образованный 8 января 1919 г. на совещании рабочих и солдатских Советов провинции в Инстербурге. Он состоял из 12 членов, которые выбирались из каждого правительственного округа, а именно по 2 представителя от рабочих и солдатских Советов. Деятельность Восточнопруссского Провинциального Совета практически не рассматривалась

¹⁹⁷ *Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen der deutschen Truppen und Freikorps. Im Auftrage des Reichskriegsministeriums bearbeitet und hrsg. von der Forschungsanstalt für Kriegs- und Heeresgeschichte. Bd. I. 1936/38. S. 34.*

¹⁹⁸ *Der rote Soldat. 1918. 5. Dezember.*

в региональной историографии, между тем она представляет определённый интерес. Главной его задачей, как следовало из резолюции совещания в Инстербурге, была эффективная защита восточнопрусской границы¹⁹⁹.

Одним из первых его мероприятий было установление взаимодействия с Советским правительством путём обмена радиограммами по поводу установления нейтральной зоны вдоль восточнопрусской границы, чтобы избежать соприкосновения между советскими и немецкими фронтовыми частями. Детали этих переговоров не вполне ясны и они были вскоре прекращены по инициативе Берлина. Был ли это продуманный зондаж с подачи Берлина или Восточнопрусский Провинциальный Совет действовал по собственной инициативе? Возможно, попытки установления контакта и переговоры Провинциального Совета с Советским правительством следует воспринимать через призму планов восточнопрусской политической элиты по отделению провинции от рейха и образования так называемого Восточного государства (Oststaat) для противостояния территориальным притязаниям Польши на южные районы Восточной Пруссии.

Вместе с тем необходимо отметить, что создание Провинциального Совета Восточной Пруссии как высшей инстанции системы Советов в провинции находилось в определённом противоречии с развитием ситуации в рейхе, когда было окончательно принято решение в пользу выборов в Национальное собрание. Интересное объяснение феномену Провинциального Совета дал Клатт, видевший его основную задачу в давлении нового контрольного советского органа на старую прусскую административную систему с целью её более глубокого приспособления к новым демократическим формам²⁰⁰.

Крестьянские Советы. Образование, деятельность и значение крестьянских Советов (Bauernräte) в революции 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии как научная проблема до настоящего времени не освещалась ни

¹⁹⁹ GStA PK. Text im Protokoll des Prov.-Rats. Rep. 2. Nr. 2983.

²⁰⁰ Klatt R. Op. cit. S. 43.

немецкими, ни российскими историками, хотя подобные исследования имеются применительно к другим землям Германии²⁰¹. Между тем этот вопрос весьма важен для понимания хода и итогов революции в восточной аграрной провинции Германии, в которой, по образному выражению В. Клавса, «города с промышленным пролетариатом образовывали островки в море сельскохозяйственных районов»²⁰².

К сожалению, сохранившиеся архивные документы носят неполный и разрозненный характер, однако при сопоставлении с другими источниками (в частности, со служебными вестниками сельских районов) они всё же позволяют сделать определённые выводы.

В первых директивах от 17 ноября 1918 г. по организации деятельности крестьянских Советов говорилось, что они должны были избираться в городах, не имевших гарнизонов, и в церковных приходах и действовать в интересах сельскохозяйственного населения, а также в согласии с рабочими и солдатскими Советами для защиты личной безопасности, собственности и обеспечения продовольственного снабжения. В дополнениях от 20 ноября, сделанных на местном уровне, специальный пункт предусматривал, что в крестьянских Советах по меньшей мере половина голосов должна была принадлежать представителям сельскохозяйственных рабочих.

На заседании экономического комитета рабочего и солдатского Совета Тильзита было высказано предложение о выдвижении доверенных лиц (*Vertrauensleute*) от общин и церковных приходов, которые должны были формировать (!) локальный крестьянский Совет, который, в свою очередь, должен был назначать из своего состава Исполнительный комитет, состоявший из 6 уполномоченных. Следует отметить, что на этом же заседании было озвучено предложение, ставшее затем повсеместной практикой, что крестьянские Советы сельских районов, города которых не имели гарнизонов (например Рагнит и Хайдекруг), присоединялись бы к рабочему и солдатскому

²⁰¹ См., например: *Mattes W.* Die bayerischen Bauernräte. Stuttgart/Berlin. 1921.

²⁰² ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 43.

Совету ближайшего гарнизонного города (в данном случае Тильзита) и работали с ним в сотрудничестве с целью обеспечения защиты жителей, собственности и обеспечения продовольственного снабжения населения (Sicherung der Volksernährung)²⁰³.

Более подробно функции и задачи крестьянских Советов были освещены в специальном выпуске официального районного вестника Ангербурга от 28 ноября 1918 г. В нём сообщалось, что руководящие положения для работы Советов крестьян и сельскохозяйственных рабочих (!) разработаны не только правительством, но и различными заинтересованными организациями, что создавало видимость консенсуса. В разработке руководящих положений принимали участие Имперский комитет немецкого сельского хозяйства (Reichsausschuss der Landwirtschaft), Союз сельских хозяев (Bund der Landwirte), Объединение немецких крестьянских союзов (Vereinigung der deutschen Bauernvereine), Немецкий союз сельскохозяйственных рабочих (Deutscher Landarbeiterverband) и Союз прусских сельских районов (Verband der preußischen Landkreise).

Важнейшей задачей крестьянских Советов объявлялось содействие местным органам власти. Это содействие крестьянские Советы должны были осуществлять посредством реализации следующих функций: учёт и охрана продовольственных складов, борьба с нелегальной торговлей (Schleichhandel); поддержка сельскохозяйственных предприятий, предоставление семенного материала, содействие расширению площади возделываемых земель, восстановление животноводства (особенно в пострадавших от боевых действий районах) и поощрение кооперации (Genossenschaftswesen); приём демобилизованных солдат и военнопленных (!), обеспечение их работой и жильём на основе директив компетентных органов по демобилизации; взаимная помощь при защите частных лиц и собственности²⁰⁴.

²⁰³ GStA PK. Protokoll der Sitzung des Wirtschaftsausschusses A.- S. Rat Tilsit. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 1. Bl. 46–47.

²⁰⁴ Ibid. Nr. 3. Bl. 26.

Этот интереснейший документ важен с нескольких точек зрения. Во-первых, участие сельскохозяйственных рабочих в таких крестьянских Советах было чисто номинальным. Выборы (назначение) их представителей осуществлялись по особым административным указаниям, а их влияние на решение тех или иных вопросов было сведено к минимуму.

Во-вторых, в крестьянских Советах не были представлены малоземельные крестьяне и батраки и совершенно не ставился вопрос о наделении их землёй (тем более о разделе юнкерских поместий). В-третьих, с помощью крестьянских Советов провинциальные власти пытались смягчить острейший вопрос демобилизации солдат Восточного фронта, который представлял собой важную социально-политическую проблему первых месяцев после окончания Первой мировой войны. Как правило, демобилизованные солдаты не имели постоянного дохода, были плохо приспособлены к новой гражданской жизни и легко восприимчивы к агитации различных леворадикальных групп. Кроме того, нахождение их в городах пополняло и без того большую армию безработных и было нежелательно для городских властей, которые не всегда были в состоянии занять их на общественных работах.

В-четвёртых, обеспечение продовольственного снабжения населения крестьянскими Советами нельзя оценивать односторонне, только в плане их «увязания» в решении текущих вопросов продовольственного снабжения или помощи крупным хозяйствам, как это было принято в советской историографии. Следует иметь в виду, что в 1918–1919 гг. голод являлся одной из важнейших причин социального напряжения в обществе, а голодные бунты зачастую трудно было отличить от проявлений гражданской войны, поэтому работа крестьянских Советов по обеспечению продовольственного снабжения имела важное значение для стабилизации внутреннего положения и смягчения остроты этого вопроса.

30 ноября 1918 г. ландрат Инстербурга сообщал об образовании районного крестьянского Совета (Kreisbauernrat) и об отправке двух его

представителей в местный рабочий и крестьянский Совет²⁰⁵. Как правило, ландраты в своих отчётах регирунгс-президентам сообщали не только об образовании районных крестьянских Советов, но и приводили исчерпывающий перечень низовых (общин или церковных приходов). Так, согласно донесению королевского ландрата регирунгс-президенту Гумбиннена от 11 декабря 1918 г., в Рагнитском районе образовались низовые крестьянские Советы Краупишкена, Ленгветена, Раутенберга, Будвечена, Юргайчена, Шиллена, Вишвилла, Шугкена, Гросс Ленкенингкена, Ведерейтишкена, Траппёнена и Шмалленнингкена²⁰⁶.

Иногда Исполнительные комитеты районных крестьянских Советов вместо доверенных лиц назначали так называемых старост (Obmänner), которые ставили вторую подпись на документах ландрата и участвовали в заседаниях районной администрации, как это было, например, в районе Нидерунг²⁰⁷. Более чётко структура крестьянских Советов была определена только к середине декабря 1918 г. Так, согласно сообщению официального вестника района Нидерунг Исполнительный комитет крестьянского Совета состоял из 11 членов (5 работодателей и 6 представителей работников), текущими делами которого заведовали двое старост. Любопытно, что в некоторых случаях старосты, помимо осуществления вышеозначенных функций крестьянских Советов, принимали также непосредственное участие в работе низовых административных органов (Amtsvorsteher)²⁰⁸.

Тем не менее итоги работы крестьянских Советов не всегда были успешными в деле стабилизации положения в деревне. Согласно отчёту ландрата Инстербурга от 17 марта 1919 г. район был охвачен «дикими» забастовками (wilde Streiks) сельскохозяйственных рабочих, которые не переросли во всеобщую только из-за их слабой организации. Недовольство сельскохозяйственных рабочих ландрат объяснял отсутствием фуража для

²⁰⁵ Ibid. Bl. 39.

²⁰⁶ Ibid. Bl. 14–15.

²⁰⁷ Ibid. Bl. 38.

²⁰⁸ *Niederunger Kreisblatt*. 1918. 10. Dezember.

откорма свиней и дороговизной предметов одежды. Ситуация была настолько серьёзной, что потребовалось даже вмешательство районного комитета по демобилизации, который запретил (!) забастовки и увольнения, призвав создавать на местах третейские согласительные комиссии из мировых судей церковного прихода, работодателей и сельскохозяйственных рабочих²⁰⁹.

В целом можно согласиться с выводом немецкого историка Г. Винклера, что «сельскохозяйственные рабочие и малоземельные крестьяне не выступали с требованиями экспроприации юнкерских хозяйств [...]», а «создание общих Советов крупных землевладельцев, средних и мелких крестьян и наемных сельскохозяйственных рабочих [...] было гарантией существующих отношений собственности на селе и вело к долгосрочной политической нейтрализации еще слабого движения сельскохозяйственных рабочих»²¹⁰.

Финансирование рабочих и солдатских Советов Восточной Пруссии самым непосредственным образом было связано с эффективностью их работы, между тем этот вопрос не получил должного освещения в историографии. Пожалуй, только Клатт уделил ему определённое внимание²¹¹. Однако этот вопрос заслуживает более детального рассмотрения, поскольку возникавшие в связи с финансовым обеспечением Советов коллизии были не только самым тесным образом связаны с пресловутым спором о компетенциях, но и явились одной из важных предпосылок сворачивания их деятельности.

Правовой основой финансовой регламентации деятельности рабочих и солдатских Советов являлось распоряжение прусского правительства от 16 ноября 1918 г. Однако ещё ранее правительственная касса в Кёнигсберге вынуждена была авансом оплачивать различные требования Советов о возмещении расходов, вследствие чего, во избежание произвола и налаживания контроля, возникла необходимость в дополнительном соглашении между провинциальной администрацией в лице обер-президента Батоцки и

²⁰⁹ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 1. Bl. 232–233.

²¹⁰ Винклер Г. Указ. соч. С. 55.

²¹¹ Klatt R. Op. cit. S. 52–58.

Кёнигсбергским рабочим и солдатским Советом (подписано 23 ноября 1918 г.).

Согласно этому соглашению местные Советы должны были направлять свои финансовые требования в Кёнигсбергский Совет, который после их рассмотрения и утверждения адресовал обер-президенту, принимавшему решение, из какой кассы, центральной или районной, производить оплату. Клатт никак не комментирует этот порядок, между тем очевидно, что такой двойной контроль ставил местные Советы в полную финансовую зависимость от Кёнигсбергского Совета и правительства. Как правило, Кёнигсбергский Совет, под предлогом нецелевого расходования средств, не соглашался оплачивать финансовые требования левых Советов, связанных с предвыборной агитацией, пропагандой, арендой помещений для собраний, объявлениями в газетах и т. п. Постоянные споры вызывало также быстро растущее число членов местных Советов.

В принципе, правильнее было бы говорить не о финансировании Советов, а о возмещении (*Vergütung*) его членам понесённых ими расходов. Кстати, именно таким образом трактовал военный министр генерал Шейх соответствующее постановление правительства, издав распоряжение о выплате членам солдатских Советов дополнительных 5 марок в день (к денежному содержанию) и компенсации реальных расходов (не более 5 марок в день при предъявлении квитанции)²¹².

Сохранившиеся документы дают представление о том, с какими трудностями приходилось сталкиваться местным Советам в этом отношении. Ландрат сельского района Гумбиннен в письме к регирунгс-президенту от 15 февраля 1919 г. сообщал, что район и город, помимо прочего, несут дополнительные расходы по предоставлению Совету служебных помещений и телефонной связи, что делает их финансовое положение крайне сложным, а общая сумма расходов на рабочий Совет за январь 1919 г. составила 3500 марок²¹³.

²¹² GStA PK. Das Armeeverordnungsblatt Nr. 62. Rep. 2. Nr. 2981.

²¹³ Ibid. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 12. Bl. 37.

10 марта 1919 г. министерство финансов рейха направило правительствам земель письмо с извещением об отмене суточных денег для представителей Советов, и что им будет оплачиваться только произведённая работа. Денежное же содержание исчислялось из расчёта 8-часового рабочего дня без какой-либо оплаты сверхурочной или ночной работы, а также работы в выходные или праздничные дни²¹⁴. Расходы по обеспечению деятельности рабочего и солдатского Совета Тильзита, в том числе оплата счетов за почтовые расходы, телефонную связь и железнодорожные билеты составили 5 тысяч марок в месяц (месяц не указан)²¹⁵.

Следует отметить, что финансовое обеспечение работы Советов на местах постепенно сокращалось не только вследствие стабилизации внутреннего положения в провинции, но и своеобразного самоограничения Советами своих функций. Этот процесс в провинции завершился в целом в декабре 1919 г., хотя тенденция стала определённой уже в начале лета того же года. Любопытные детали в этом отношении содержатся в письме ландрата Инстербурга к обер-президенту Восточной Пруссии А. Виннигу от 14 октября 1919 г.²¹⁶. В нём ландрат сообщал, что районное собрание депутатов (Kreistag) ещё 2 июня объявило излишним (überflüssig) контроль рабочего и солдатского Совета в отношении районной администрации, и что с этого времени Совет осуществлял контроль только за ведомством ландрата.

13 сентября крайстаг принял аналогичное решение уже в отношении контроля Советом самого ландрата. В связи с этим ландрат обращался к обер-президенту с просьбой о прекращении выплаты денежного содержания членам рабочего и солдатского Совета. Более того, в письме сообщалось также, что с некоторого времени Совет перестал отправлять своих представителей на заседания в ведомство ландрата (весь контроль Советом ландрата свёлся к тому, что к нему ежедневно приходил его представитель и в течение получаса

²¹⁴ Ibid. Nr. 6. Bl. 56.

²¹⁵ Ibid. Nr. 9. Bl. 7.

²¹⁶ Ibid. Nr. 14. Bl. 27.

(!) просматривал входящую и исходящую корреспонденцию), ограничив свою деятельность только контролем местного отделения Немецкого союза сельскохозяйственных рабочих.

Такая незавидная судьба системы Советов (за исключением так называемых производственных Советов) Восточной Пруссии и Германии в целом была predetermined общим выбором в пользу Учредительного национального собрания и буржуазно-демократического парламентаризма, который сделал их существование ненужным, а функции выполненными после принятия Веймарской конституции. Необходимо также отметить, что рабочие и солдатские Советы с самого начала революции не признавались в Восточной Пруссии в качестве прусских государственных учреждений. Они считались лишь временными придатками власти, которые должны были контролировать государственные учреждения и оказывать им содействие, но не имели права осуществлять властные полномочия или представлять государство.

Возникшие в начале революции рабочие и солдатские Советы, как правило, комплектовались на паритетной основе между представителями СДПГ и НСДПГ. Представители Союза «Спартак», а в дальнейшем и КПГ, предпочитали бойкотировать выборы в местные Советы, вследствие чего их участие в них было минимальным. Более того, перевыборы и довыборы в Советы различных уровней, особенно в сельской местности, давали преимущество представителям СДПГ за счёт разветвлённой партийной организации и организованной пропаганды на местах. Там же, где в Советы проходили отдельные представители Союза «Спартак»/КПГ, они не создавали свои фракции и не блокировались с независимыми социал-демократами, что исключало возможность их влияния на деятельность новообразованных органов власти.

С самого начала революции Советы в Восточной Пруссии не стремились к завоеванию политической власти и сосредоточились исключительно на решении местных неотложных вопросов. Восточнопруссские Советы рабочих и солдатских депутатов даже образца 1918 г. в большинстве своем хотели лишь

получить контроль над старыми органами власти на переходное время, до выборов легитимных демократических народных представительств. Однако даже эта призрачная функция контроля сводилась на практике в большинстве случаев к простому наблюдению за деятельностью старых органов власти. Там же, где Советы пытались проводить самостоятельную левую политику или смещать неугодных им ландратов и бургомистров, это приводило к их силовому роспуску или досрочным перевыборам. Финансовое обеспечение деятельности Советов также ставило их в зависимость от гражданской администрации провинции. После упразднения отрядов Народной морской обороны в начале марта 1919 г. революция лишилась военного инструмента, который при определённых обстоятельствах мог обеспечить её перерастание в леворадикальную фазу.

§ 2. Перестройка политических партий и формирование Веймарской коалиционной системы

Характерной особенностью политического процесса и партийной борьбы в Восточной Пруссии (и Германии в целом) в ноябре 1918–январе 1919 г. было параллельное развитие двух отчасти противоположных тенденций: становления Советов как новых революционных органов власти (при всей противоречивости и незавершённости этого процесса) и формирования буржуазно-парламентской демократии и многопартийной системы. Это, конечно, не было периодом двоевластия, которое существовало в России между февралём и октябрём 1917 г., поскольку Советы в Германии (за редкими исключениями), несмотря на множество принятых радикальных революционных деклараций, вовсе не претендовали на политическую власть и не стремились к её захвату. Не случайно, что Всегерманский съезд Советов, который проходил в Берлине с 16 по 21 декабря 1918 г., был метко назван Р. Люксембург «клубом политических

самоубийц»²¹⁷ за принятую им резолюцию, согласно которой вся полнота законодательной и исполнительной власти до окончательного решения Национального собрания передавалась Совету Народных Уполномоченных (СНУ), т. е. временному правительству во главе с Ф. Эбертом.

Царившую на съезде политическую атмосферу лучше всего характеризовало то, что его делегаты большинством голосов отклонили предложение о приглашении на съезд в качестве гостей К. Либкнехта и Р. Люксембург. Вторым важным решением съезда, которое задавало вектор развития политического процесса и определило его динамику в последующие месяцы, стало назначение им выборов в Учредительное национальное собрание, которые должны были пройти 19 января 1919 г.

В декабре 1918 г., после принятия положения о выборах 30 ноября, в партийно-политическом развитии Германии произошло, по определению немецких историков, так называемое переименование буржуазных партий²¹⁸. Однако более точным всё же представляется общепринятая в советской историографии характеристика этого переименования как «избирательного маскарада»²¹⁹. Дело в том, что прежние названия консервативных и буржуазных партий больше не соответствовали, по мнению их руководителей, новым политическим веяниям и новому политическому курсу «социалистического» правительства. Значительное расширение круга избирателей (в 1912 г. количество избирателей составляло 14,4 млн. человек; в 1919 г. оно выросло до 35 млн. человек) заставило руководство этих партий произвести определённую перестройку и «перекраску» в угоду новым слоям германского электората, хотя это вовсе не означало принципиального изменения их программных установок или существенных сдвигов электоральной базы.

²¹⁷ Из 485 делегатов 288 принадлежали к социал-демократам большинства, 87 к независимцам (в том числе 10 спартакистов), 27 составили солдатскую фракцию, 25 делегатов относились к буржуазным партиям, партийная принадлежность остальных не установлена.

²¹⁸ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 24.

²¹⁹ *Драбкин Я. С.* Указ. соч. С. 239.

Консерваторы стали отныне называться Немецкой национальной народной (!) партией (Deutschnationale Volkspartei/DNVP). В Восточной Пруссии они сохранили свой главный печатный орган – «Востоchnopрусскую газету» (Ostpreußische Zeitung). Как и прежде, она выражала интересы прусских юнкеров, крупных землевладельцев, кадрового офицерского корпуса и бюрократии. В политическом плане восточнопруссские консерваторы стояли за безусловное сохранение гегемонии юнкерской Пруссии в Германии, хотя и вынуждены были приспособляться к новым парламентско-демократическим реалиям. Смена названия консервативной партии была настолько вызывающей, что часто служила поводом для едких острот представителей левого лагеря. Отто Браун, тогдашний прусский министр сельского хозяйства, государственных имений и лесов, заслужил их «вечное» возмущение из-за нашумевшей в своё время словесной перепалки в прусском ландтаге: «Господа из консервативной партии (возгласы протеста немецких националистов) вытащили столь много новых фирменных вывесок, что в них не так-то просто сориентироваться, как будто вы попадаете в торговую лавку, где всё ещё сбывается старый хлам»²²⁰.

Национально-либеральная партия стала теперь называться Немецкой народной (!) партией (Deutsche Volkspartei/DVP). Это была партия крупных промышленников, а её лидер, Густав Штреземан, резко выступал против так называемой «социализации». В Восточной Пруссии интересы этой партии выражала «Всеобщая газета» (Allgemeine Zeitung).

Бывшие прогрессисты и часть левого крыла национал-либералов консолидировались в Немецкую демократическую партию (Deutsche Demokratische Partei/DDP), которая сохранила за собой популярную в провинции «Кёнигсбергскую Гартунгскую газету» (Königsberger Hartungsche Zeitung). Несмотря на то что газета старалась выражать широкий спектр взглядов либерального и демократического лагеря, в ней явственно ощущалось влияние финансового капитала и биржи, которые были заинтересованы в

²²⁰ Цит. по: *Matull W.* Op. cit. S. 84.

стабилизации внутреннего положения и с подозрением относились к «социалистическим» реформам правительства Эберта–Шейдемана.

Католический центр трансформировался в Христианскую народную (!) партию (Christliche Volkspartei), которая, как и прежде, обходилась в провинции без собственной газеты. В Восточной Пруссии эта партия имела, по понятным причинам, незначительное число сторонников и не пользовалась каким-либо существенным влиянием. Её основная электоральная база находилась в Рейнско-Вестфальском и Силезском промышленных районах, а также в Баварии. Во внутренней политике она выступала за сотрудничество школы и государства, а также за федералистическую структуру государства.

Социал-демократические партии всех трёх течений были единственными партиями кайзеровской Германии, которые сохранили свои названия; лишь Союз «Спартак» после Учредительного съезда Коммунистической партии Германии 30 декабря 1918 г. получил приставку КПГ. Социал-демократическая партия Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands/SPD) сохранила, как уже отмечалось, свой главный печатный орган, – газету «Кёнигсбергер Фольксцайтунг», и пользовалась значительным влиянием в провинции. Однако её социальная база претерпела существенные изменения. В результате многолетнего сотрудничества с правящей элитой кайзеровской Германии она постепенно превратилась в партию, которая, по сути, в равной мере выражала интересы рабочего класса и буржуазии. Её наиболее характерной чертой в плане идеологической и агитационной работы в период революции было то, что она приписывала себе все её завоевания.

Отколовшаяся от неё в 1917 г. группа преобразовалась в Независимую социал-демократическую партию Германии (Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands/USPD), однако своим постоянным печатным органом, – газетой «Фрайхайт» (Freiheit), она обзавелась только в начале 1919 г. Её основные программные установки мало чем отличались от СДПГ, однако в тактике их реализации её лидеры (прежде всего Г. Гаазе) были склонны к популизму и демагогии, проявляя непрерывные колебания и метания между

правлящей элитой и массами. Её так называемое центристское крыло в решающие моменты революции, как правило, всегда заключало соглашения и образовывало блоки с правыми социал-демократами. Важно отметить, что представители СДПГ и НСДПГ на паритетной основе (хотя и на короткий период) вошли в состав Совета Народных Уполномоченных (СНУ) – первого переходного «социалистического» правительства.

На общегерманском Учредительном съезде Коммунистической партии Германии в конце декабря 1918 г. в Берлине от местной группы Союза «Спартак» из Восточной Пруссии присутствовал один представитель (видимо, это был Евгений Шейер (Eugen Scheyer). – *А. М.*). Поначалу группа КПГ в Кёнигсберге насчитывала от 150 до 200 членов. Аналогичные группы были образованы также в Тильзите, Инстербурге, Гумбиннене, Рагните и Эльбинге. Чтобы подчеркнуть преемственность, в течение нескольких месяцев партийными билетами восточнопруссских коммунистов служили старые учётные карточки Союза «Спартак». Первым секретарём «Спартак» и местной группы КПГ был назначен Курт Мюнстерберг, которого в феврале 1919 г. заменил направленный из Берлина Вернер Раков. После ареста полицией в начале марта его руководителей в провинцию был направлен Густав Трибель, который отличился как талантливый организатор социалистических групп молодёжи в Рурской области. Следует отметить, что Трибель занимал пост руководителя местной группы КПГ/Союз «Спартак» вплоть до объединения КПГ и НСДПГ в 1921 г.²²¹.

Как сообщает В. Клавс, в январе–марте 1919 г. новообразованная группа восточнопруссских коммунистов находилась в состоянии перманентного кадрового обновления, что не мешало ей проводить активную пропагандистскую и разъяснительную работу на крупных предприятиях Кёнигсберга и в школе по повышению квалификации работающей молодёжи (В этом качестве активно работал Вальтер Дуддинс. – *А. М.*). Рабочая молодёжь Кёнигсберга принимала активное участие в забастовках и даже образовала свои

²²¹ ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282. Л. 60.

собственные Советы (Schülerräte)²²². Всё же следует признать, что влияние восточнопрусской группы КПП/Союз «Спартак» на политическую жизнь провинции было незначительным, и в период январских боёв 1919 г. в Берлине её представители вынуждены были лишь ожидать дальнейшего развития событий, не имея возможности оказать рабочим столицы сколь-либо существенной поддержки. После поражения январского восстания в Берлине восточнопрусские коммунисты с большим трудом снова установили связь с центром.

Бесспорно, важнейшими политическими событиями в Восточной Пруссии в январе–марте 1919 г. были выборы в законодательные органы власти разных уровней: в Учредительное национальное собрание (19 января), в прусский ландтаг (27 января) и в Кёнигсбергский городской парламент (2 марта). Эти три избирательных тура, хотя они проходили в тревожной внутривнутриполитической обстановке, временами напоминавшей гражданскую войну, по сути завершили политический переход от монархии к парламентской демократии²²³.

Выборы в Учредительное национальное собрание в общенациональном масштабе проходили в 36 избирательных округах, на каждый из которых приходилось от 6 до 17 мандатов. Большие надежды и ожидания, связанные с Учредительным национальным собранием, привели к высокой явке избирателей (83% от общего числа имевших право голоса. – *A. M.*). Однако результаты этих первых выборов, которые проходили в условиях сильного революционного брожения в стране, дали достаточно неожиданные результаты.

Абсолютное большинство в Национальном собрании получили юнкерские и буржуазные партии (за них было подано 16,4 млн. голосов, что дало им 236 мест). Партии социал-демократического блока (СДПГ и НСДПГ) получили 13,8 млн. голосов и 187 мест, причем КПП бойкотировала выборы.

²²² Там же. Л. 61.

²²³ *Born A. Op. cit. S. 49–50.*

Следует отметить, что 2/3 избирателей участвовали в выборах впервые (54% голосов принадлежало женщинам). Важным результатом этих выборов было то, что впервые за правых социал-демократов голосовала часть сельского населения, в том числе в аграрных провинциях вроде Восточной Пруссии, а независимые социал-демократы, напротив, получили прирост голосов в промышленных центрах²²⁴.

О степени напряжённости избирательной кампании свидетельствовал тот факт, что за неделю до выборов, 12 января, правые социал-демократы провели 6 больших открытых собраний и последовавших за ними массовых демонстраций в разных районах Кёнигсберга: в бирже (Форштадт), в конькобежном Дворце (Штайндамм), в отеле Метрополь (Хуфен), в привокзальном ресторане Леонгардт (Юдиттен), в ресторане Зюдпарк (Понарт) и в концертном зале Вилла Розенау (Розенау). В числе ораторов на них выступали немецкий посланник в Прибалтике А. Винниг, редактор А. Бартель и городской советник А. Боровски²²⁵.

Любопытно, что в целях противодействия агитации представителей солдатских Советов социал-демократы проводили специальные собрания для солдат, которые, как правило, были посвящены задачам социал-демократии в Национальном собрании. Так, 10 января для солдат были проведены предвыборные собрания в актовом зале реального училища Гинденбурга на Врангельштрассе и в актовом зале школы королевы Луизы на Ландхофмайстерштрассе, ораторами на которых выступали Й. Любриг и Ф. Зеeman.

Однако следует отметить, что результаты этих выборов в Восточной Пруссии имели существенные нюансы по сравнению с общегерманскими показателями. В самой восточной провинции Германии в выборах приняло участие 93,4% от общего числа имевших право голоса, что являлось весьма высоким показателем. Примерно 74% голосов было подано за партии так

²²⁴ Дрaбкин Я. С. Указ. соч. С. 251.

²²⁵ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1919. 10. Januar.

называемой Веймарской коалиции (СДПГ, Немецкая демократическая партия, Немецкая народная партия).

Таким образом, в Восточной Пруссии социал-демократическая составляющая ранней Веймарской коалиции являлась более выраженной по сравнению с общегерманскими показателями. В этом контексте можно согласиться с утверждением, что выборы в Национальное собрание в Восточной Пруссии и в Кёнигсберге явились не только победой социал-демократов и либералов, но и переходом на рельсы парламентской демократии. Количественные данные результатов выборов в целом по провинции и Кёнигсбергу имеют коррелирующие значения (табл. 1). В целом Восточную Пруссию в Учредительном национальном собрании представляли 14 депутатов, из которых пять были кёнигсбержцами (Брэннер и Бартшат от Демократической партии, Любринг и Штайнкопф от социал-демократов и Александр граф цу Дона от Немецкой народной партии)²²⁶.

Таблица 1

Выборы в Национальное собрание 19 января 1919 г. (по Кёнигсбергу)

Партии	Количество голосов (тыс.)	Процентное соотношение
СДПГ (Социал-демократическая партия Германии)	52 803	34,2 %
ДДП (Немецкая демократическая партия)	29 579	21,8 %
Солдаты	27 308	18,03 %
ДФП (Немецкая народная партия)	26 503	18 %

²²⁶ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1919. 20. Januar; *Borm A.* Op. cit. S. 50; *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 24, 25.

ДНФП (Немецкая национальная народная партия)	7 379	5,07 %
КФП (Христианская народная партия)	4 179	2,9 %

Выборы в прусский ландтаг, состоявшиеся неделей позднее, обнаружили при несколько более низкой явке избирателей примерно ту же картину. Единственным исключением было довольно существенное снижение числа поданных голосов за солдатский список. В количественном отношении поданные голоса распределились следующим образом: СДПГ получила 45 959 голосов, Немецкая демократическая партия – 26 090, представители солдат – 19 411, Немецкая народная партия – 23 307, Немецкая национальная партия (консерваторы) – 8 041, Христианская народная партия (католический Центр) – 4 211. НСДПГ и КППГ в выборах в прусский ландтаг не участвовали²²⁷.

Выборы в Кёнигсбергское городское собрание (Stadtverordnetenversammlung), хотя и прошли всего лишь при 50% явке избирателей, также были весьма важны, поскольку определили политический климат в столице Восточной Пруссии вплоть до принятия Веймарской конституции. Характерной чертой этих выборов было всеобщее разочарование, которое царило среди избирателей. В целом из 185 тысяч избирателей проголосовали примерно 95 тысяч. Как и выборы в Национальное собрание в общегерманском масштабе, они дали неожиданные результаты. НСДПГ стала сильнейшей партией в городском парламенте (29 мест), за ней следовали СДПГ (21), Немецкая народная партия (20), Немецкая демократическая партия (17), Немецкая национальная партия (8) и Христианская народная партия (3). Четыре места отошло беспартийному списку служащих²²⁸. (табл. 2).

²²⁷ Ibidem.

²²⁸ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1919. 3. März; 6. März.

Выборы в Кёнигсбергское городское собрание 2 марта 1919 г.

Партии	Количество голосов (тыс.)	Процентное соотношение
НСДПГ (Независимая социал-демократическая партия Германии)	27 983	28,75 %
СДПГ (Социал-демократическая партия Германии)	19 596	20 %
ДФП (Немецкая народная партия)	18 252	18,75 %
ДДП (Немецкая демократическая партия)	16 214	16,66 %
ДНФП (Немецкая национальная народная партия)	7 550	7,75 %
КФП (Христианская народная партия)	3 255	3,34 %

На городских выборах наиболее злободневной была социальная повестка, однако только НСДПГ и СДПГ рассматривали её в комплексном плане, предлагая широкую программу мер социальной поддержки населения. Наиболее остро стояла жилищная проблема, и предлагаемый ими вариант её смягчения, который заключался в передаче городу части казарм с последующим оборудованием в них общежитий для одиноких, обеспечил им существенный приток голосов избирателей²²⁹.

Анализ результатов выборов в городской парламент показывает, что так называемые буржуазные партии в нём находились в меньшинстве (в отличие от

²²⁹ Ibid. 1919. 12. Februar.

Национального собрания), однако возможность блока с ними правых социал-демократов, в принципе, выступала своего рода гарантией стабильного развития города без революционных потрясений. Вместе с тем последующий период (январь–август 1919 г.) отличался большой политической турбулентностью, поскольку независимые социал-демократы, используя радикальную популистскую риторику, зачастую прибегали к внепарламентской деятельности в блоке с коммунистами.

Наиболее острым проявлением социального недовольства широких слоёв населения и соперничества внутри социал-демократического лагеря стала всеобщая забастовка 19 мая 1919 г. крупнейших предприятий Кёнигсберга: газового завода, электро- и водонапорной станций, Унион-Гиссерай, вагонзавода Штайнфурт и железнодорожных мастерских. Поводом к забастовке послужил арест лидера независимцев Восточной Пруссии Макса Хайдемманна, который на несанкционированном митинге в Маргграбове призывал к свержению правительства Эберта–Шейдемана. Впервые в своей истории Кёнигсберг на какое-то время остался без электричества, воды и газа²³⁰. Особое раздражение независимцев и поддерживавших их рабочих столичного города провинции вызывало то, что арест был произведён не по распоряжению полицейских властей города, а специально прибывшим из Гольдапа отрядом пограничной охраны из 40 солдат, который подчинялся армейскому командованию.

Однако недовольство произволом военных властей было только верхушкой айсберга. Его причины лежали глубже и были связаны с резким ухудшением социально-экономического положения в провинции на фоне продовольственного кризиса, чем умело пользовались в своей агитации независимцы. Шел шестой месяц революции, а положение простого народа менялось только в худшую сторону. Более того, широко разрекламированная правительством Эберта продовольственная помощь из США ещё больше усилила социальное напряжение в обществе, поскольку отпускные цены на

²³⁰ Ibid. Morgenausgabe. 1919. 20. Mai.

иностранные продукты питания были выше внутренних²³¹. Лидеры НСДПГ требовали также от магистрата увеличения недельной продовольственной нормы (картофеля на 2,5 кг; муки и жира на 250 грамм; сала и сушеных фруктов на 125 грамм; мяса на 20 грамм) и утверждали, что это вполне осуществимо за счёт реквизиции больших армейских продовольственных складов²³². В этих условиях известие об аресте Хайдеманна было подобно искре в пороховом погребе.

Разногласия в социал-демократическом лагере усугублялись ещё и тем, что независимцы увязывали призыв ко всеобщей забастовке с пресловутой «социализацией» предприятий. Эти два популярных в первые недели революции лозунга (в период выборов в Учредительное собрание лидеры СДПГ даже заявляли, что «социализация» уже идёт!) были теперь окончательно отброшены правыми социал-демократами. Главный их аргумент сводился к тому, что социализировать можно только здоровые предприятия при стабильном финансовом положении государства, призывы же независимцев к всеобщей забастовке могли привести лишь к ухудшению положения рабочих и банкротству предприятий²³³.

Свидетельством серьёзного раскола социал-демократического лагеря было и то, что правые социал-демократы впервые поддержали так называемую контрзабастовку буржуазии и служащих провинциальных учреждений: 20 мая прекратили работу административные учреждения, больницы, аптеки, банки, почта и телеграф, детские сады и т. д.²³⁴. Эта контрзабастовка, несмотря на то что власти провинции поспешили дистанцироваться от её так называемого «комитета действия», свидетельствовала о том, что расколотому левому фронту теперь противостоял консолидированный фронт либерально-буржуазных и правых сил провинции.

²³¹ Ibid. Abendausgabe. 1919. 12. Juli.

²³² *Freiheit*. 1919. 25. Mai.

²³³ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Abendausgabe. 1919. 23. Mai.

²³⁴ Ibid. Morgenausgabe. 1919. 22. Mai.

Раскол социал-демократического лагеря отчётливо обозначился и в провинции, о чём свидетельствует ставший известным инцидент, произошедший в Рагните 3 мая 1919 г. В тот день во Французском зале (Französisches Lokal) должно было состояться народное собрание, на котором планировалось провести довыборы (Nachwahlen) в рабочий Совет. Однако явившиеся в большом числе сторонники НСДПГ в результате несанкционированных действий сделали невозможным их проведение, в результате чего социал-демократы большинства вынуждены были закрыть собрание. Однако независимцы решили заседать дальше и в одностороннем порядке не только распустили прежний рабочий Совет, но и сместили с должностей ландрата и бургомистра²³⁵.

Заново избранный рабочий Совет Рагнита состоял исключительно из представителей НСДПГ, социальная принадлежность которых была весьма разнородной. В него вошли: владелец ресторана Корзетц (он же был избран ландратом), фабрикант Шаак-Шустерн, подмастерье каменщика Хунгерэкер, рабочий Якубайт, каменщик Тойтеберг и подсобный рабочий маслобазы Ноберайт. Однако деятельность нового Совета была кратковременной, поскольку прибывший в тот же день вооружённый отряд обороны уезда (Kreiswehr) разогнал путчистов (т. е. представителей НСДПГ, образовавших рабочий Совет – *A. M.*) и в городе снова установились спокойствие и порядок²³⁶.

В результате Ноябрьской революции 1918 г. и падения монархии Гогенцоллернов в Восточной Пруссии, как и в остальных землях Германии, произошла трансформация партийно-политической системы. Важнейшим событием второго периода революции (январь–март 1919 г.) явились выборы в демократические представительные учреждения различных уровней, подготовка к которым была сопряжена с так называемым процессом переименования буржуазно-либеральных и консервативных партий. Важной

²³⁵ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 16. Bl. 33.

²³⁶ Ibid. Bl. 34.

особенностью трёх избирательных кампаний в Пруссии было то, что они впервые проходили после отмены трёхклассного избирательного права, что привело к значительному увеличению численного состава избирателей. Однако прошло более полугода после революции, прежде чем старые органы управления, сформированные на основе трехклассного избирательного права (прежде всего ландраты и бургомистры), были заменены новыми.

В то же время в партийном поле ведущей политической силой Восточной Пруссии стали социал-демократы большинства и независимые социал-демократы. Однако в условиях прагматического соглашения между социал-демократами и «старыми элитами» первым приходилось работать в период революции не только с чиновничеством и офицерским корпусом, но с предпринимателями. Это сотрудничество социал-демократов большинства со старыми органами власти и буржуазно-либеральными партиями было обусловлено не только результатами выборов, в ходе которых значительное большинство электората высказалось в пользу парламентской демократии, но и острыми расхождениями между СДПГ и НСДПГ по ряду принципиальных вопросов. Эти расхождения способствовали постепенному вытеснению НСДПГ из легального политического процесса, её маргинализации и блоку с внесистемной оппозицией (Союзом «Спартак»/КПП). Все эти факторы определяли не только противоречивый процесс образования ранней Веймарской коалиционной системы в Восточной Пруссии, но и консервативно-умеренный характер революции в провинции, несмотря на доминирование социал-демократических партий в результате выборов.

Глава 3. Управляемая реакция в условиях революционного и постимперского конфликта

Классические буржуазные революции Нового времени, – прежде всего в Англии в XVII в. и во Франции в XVIII в. в своём развитии проходили не только период контрреволюции, который в современном массовом сознании обычно ассоциируется с «реакцией», но и период реставрации старых порядков, когда движение истории, казалось, обращалось вспять, а королевский трон снова занимали представители династий Стюартов или Бурбонов. Тем не менее эти революции, даже с «вернувшимися» на трон монархами, являлись своеобразными вехами в европейской и мировой истории и «локомотивами» движения на пути прогресса, хотя зачастую неоднозначного, при переходе от феодализма к капитализму.

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии хотя и не стала, подобно русскому Октябрю 1917 г., поворотным пунктом, изменившим условия исторического развития страны, всё же является важнейшим рубежом, водоразделом между Новой и Новейшей историей страны, своеобразным прологом к истории ФРГ, одним из краеугольных камней которой является опыт первой «импровизированной» Веймарской демократии.

Однако сама германская революция 1918–1919 гг. является неким общим, собирательным понятием нескольких революций, вспыхивавших в Германии в этот период. Это не удивительно, поскольку революция не имела единого центра и развивалась большей частью стихийно, а роль Берлина в целом выражалась в том, чтобы не дать революции зайти слишком далеко и «гасить» инспирированные леворадикальными силами революционные волнения и беспорядки. В этом смысле показательно, что Учредительное национальное собрание, которое призвано было дать Германии конституцию и формально завершить революцию, проводило свои заседания в Веймаре в Тюрингии, а не в Берлине. История распорядилась так, что именно этот крупнейший центр немецкого Просвещения, а также срединная земля Германии (с точки зрения

географии), объединил противоречивые устремления различных общественно-политических сил и закрепил их в Веймарской конституции 1919 г.

Ноябрьская революция в Германии остановилась на демократическом рубеже. Ставки в этой геополитической игре европейских держав, Соединённых Штатов Америки и Советской России были весьма высоки: станет ли Германия очередным «слабым звеном» мировой системы капитализма и мощным трамплином потенциальной победы мирового большевизма, или же она превратится в оплот антибольшевизма, в страну, которая своим экономическим и военным потенциалом будет эффективно противостоять территориальным амбициям и идеологической экспансии молодого Советского государства.

Для самой Германии этот конфликт внешнеполитических интересов других государств осложнялся тем, что на её северо-восточных и южных границах появились новые национальные государства, – Польша и Литва, которые, пользуясь поддержкой стран Антанты (прежде всего Франции), поспешили выдвинуть к Германии территориальные претензии. Простой взгляд на карту позволяет понять, что Восточная Пруссия не только находилась в перекрестье внешнеполитических амбиций этих новых государств (по немецкой терминологии *Randstaaten*), но и являлась форпостом Германии перед большевистской Россией и своеобразным транзитным коридором на пути проникновения в неё не только коммунистических идей, но и эмиссаров Советского правительства, перед которыми стояла задача «революционизировать» население страны²³⁷.

§ 1. Деятельность имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии Августа Виннига

²³⁷ Перед Ноябрьской революцией 1918 г. на тайном счету советского полпреда в Берлине А. Иоффе находилось 22 миллиона марок. Часть этой суммы была предназначена для поддержки различных леворадикальных групп, в том числе левых независимцев и спартаковцев. Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 1003. Л. 15.

Внутреннее и внешнее положение провинции. «С 25 января 1919 и до середины марта 1920 г. [...] значительное влияние на внутривластные события в Восточной Пруссии, а также на складывавшуюся вокруг нее внешнеполитическую обстановку оказывал имперский комиссар и обер-президент провинции Август Винниг»²³⁸. О политических настроениях Виннига того времени можно судить по его поздним, более обстоятельным мемуарам о пребывании в Восточной Пруссии, которые, правда, увидели свет только в середине 1930-х гг. «Я понимал, что мы (т. е. Германия – А. М.) должны были стать республикой, но я вовсе не был республиканцем. Парламентская республика должна была быть нашим следующим словом, но она не могла быть нашим окончательным ответом»²³⁹. Конечно, такое отношение имперского комиссара к государственной трансформации не могло не сказаться на дальнейшем развитии политического процесса в провинции.

В первый раз Винниг посетил столицу Восточной Пруссии 8 января 1919 г. во время вынужденной остановки, следуя проездом из Митавы в Берлин. Она произошла как нельзя кстати, поскольку дала ему возможность не только познакомиться с Кёнигсбергом, но и устранить те препятствия для своей главной задачи в Прибалтике (переброска регулярных войск из рейха для сдерживания частей Красной армии), которые обозначились здесь, на месте, поскольку солдатские Советы в Восточной Пруссии задерживали военные транспорты и отправляли их обратно. Винниг посетил партийное руководство СДПГ, обер-президиум во главе с Адольфом Батоцки, окружное командование и собрание солдатского Совета гарнизона.

Эта основная, внешняя для провинции задача Виннига была самым тесным образом связана с внутренней, главной болевой точкой этой проблемы: «Кёнигсберг находился во власти толпы матросов, терроризировавших город. Они организовались в военном плане и назвали себя Народной морской

²³⁸ Кретинин Г. В., Макарычев А. С. «400 дней Восточной Пруссии» Августа Виннига: опыт конъюнктурной мемуаристики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 61.

²³⁹ Winnig A. Heimkehr. Hamburg, 1935. S. 142.

дивизией. Она насчитывала около тысячи человек. Реальная власть находилась в её руках. У неё одной имелось оружие, она выставляла караулы, контролировала железную дорогу, почту, телеграф, органы юстиции, государственного и муниципального управления, военные инстанции, склады оружия и интенданство. Политическая полиция также находилась в её руках. Её влияние не ограничивалось столицей провинции. Рабочие и солдатские Советы подчинялись ей и следовали её указаниям»²⁴⁰.

Военно-политическое положение Восточной Пруссии и меры по преодолению возникших трудностей стали предметом совещания в обер-президиуме, в котором приняли участие влиятельные представители центральных и провинциальных органов власти. Сохранилась в сокращённом виде стенограмма этого заседания. Этот интереснейший документ²⁴¹ позволяет получить представление не только о настроениях внутри восточнопрусской политической элиты, но и о предлагавшихся ею путях выхода из острейшего политического кризиса в условиях революционного брожения и нарастания внешней опасности. Точная дата этого совещания не указана, однако по косвенным признакам можно предположить, что оно состоялось между 12 и 24 января.

Начальник штаба так называемой Северной армии генерал фон Зект заявил, что следует считаться с угрозой взятия Либгау, однако давление большевиков в районах южнее с военной точки зрения не такое сильное. Упомянув прибытие последних военных транспортов из Украины в провинцию, фон Зект затронул тему формирования добровольческих батальонов, подчеркнув, что в настоящее время они слишком слабы, чтобы держать границу закрытой, и что необходимо стимулировать этот процесс финансовой поддержкой, поскольку одного желания защищать отечество в нынешних условиях недостаточно²⁴².

²⁴⁰ Winnig A. 400 Tage Ostpreussen. S. 11.

²⁴¹ GStA PK. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 1. Bl. 77–82.

²⁴² Ibid. Bl. 77.

Обер-президент провинции А. Батоцки отметил, что в пограничных районах и уездах местное население весьма встревожено угрозой вторжения врага, и что гражданские власти всерьёз рассматривают возможность вооружения граждан. Однако, продолжал далее Батоцки, в тех же районах всё чаще можно слышать ту точку зрения, что большевики не так уж страшны, как их изображают, и что в настоящее время должны начаться переговоры с секретарём Карла Радека и некоторыми командирами русских военных частей²⁴³.

Председатель Провинциального Совета рабочих и солдатских депутатов Шёппер коснулся в своём выступлении вооружения создаваемых в пограничных районах отрядов народного ополчения (Volkswehr) и контактов с представителями русского правительства. Отметив, что в 8 пограничных уездов уже поставлено 600 винтовок и 8 000 патронов, он в то же время сообщил, что в финансовом плане запись в фольксвер поддерживают только «капиталисты и богачи». Контроль оружия, продолжал Шёппер, должен оставаться у солдатских Советов, а ландраты должны быть исключены из этого, поскольку они действуют на население как красная тряпка. Шёппер подтвердил обмен радиogramмами с русским правительством и сказал, что в Берлин отправилась делегация Провинциального Совета для проведения консультаций, однако последовавший вскоре приказ из Берлина прервать переговоры привёл к тому, что мы уже две недели не имеем связи с Россией²⁴⁴.

Министр-президент Пруссии Хирш также коснулся вопроса отношений с большевиками, подчеркнув при этом, что они (большевики – *А. М.*) не соблюдают договорённостей (!), и что переговоры с ними вызвали бы угрозу новой агитации. Однако Хирш раскрыл и главную причину сворачивания переговоров с Советской Россией, заявив, что к этому бы дурно отнеслись державы Антанты, и что внешнеполитические последствия этих шагов были бы

²⁴³ Ibid. Bl. 78. Восточнопруссские власти нередко по собственному почину вступали в контакты с некоторыми советскими командирами и правительственными эмиссарами на месте, однако в скором времени такие контакты по приказу Берлина были свёрнуты.

²⁴⁴ Ibid. Bl. 78.

непредсказуемы. Явно преувеличивая большевистскую угрозу, Хирш приписывал большевикам планы ведения новой войны против Антанты на германской территории. Во внутренней политике Хирш, опять-таки ссылаясь на опыт большевиков, настаивал на восстановлении в армии единоначалия и указывал на недопустимость смещения ландратов солдатскими Советами²⁴⁵.

В определённом диссонансе с выступлением Хирша прозвучала речь регирунгс-президента Гумбиннена графа Ламбсдорфа, который остановился на причинах плохой записи добровольцев в фольксвер. Отметив всеобщую усталость от войны, тревожное положение на селе и связанное с этим нежелание жителей отрываться от родного очага, Ламбсдорф заявил, что широко распространённый взгляд о существовании большевистской опасности является всего лишь фантазией реакционных голов²⁴⁶.

Народный уполномоченный Эрнст предсказуемо обрушился с критикой на солдатские Советы за то, что они вышли за пределы своей исключительно военной компетенции. Большевизм же, как считал Эрнст, означает гибель народа и любой, кто заигрывает с большевиками (*liebäugeln*), является его врагом²⁴⁷.

Винниг на этом совещании выступил последним и был немногословен. Возможно, он ещё не знал, что в ближайшие дни в его политической биографии откроется новая глава, но в любом случае эта встреча была весьма полезной для него, поскольку дала возможность из первых рук получить сведения о внутривосточной обстановке в восточной провинции Германии. Произнеся несколько дежурных фраз об экспансии большевизма, он обозначил главную проблему прибалтийского узла: солдатские Советы в Восточной Пруссии задерживают военные транспорты²⁴⁸.

Это совещание, хотя и не выработало каких-либо конкретных решений и рекомендаций, всё же ясно показало, в каком направлении власти Восточной

²⁴⁵ Ibid. Bl. 79.

²⁴⁶ Ibid. Bl. 80.

²⁴⁷ Ibid. Bl. 81.

²⁴⁸ Ibid. Bl. 82.

Пруссии пытались найти выход из кризиса, а именно в ограничении компетенции Советов и усилении полицейского контроля над границей с Советской Россией. О том, что такая административная практика вовсе не была пустым звуком, свидетельствуют секретные документы, предназначенные в своё время для весьма ограниченного круга лиц.

Так, в секретном письме регирунгс-президента Алленштайна командующему I-м армейским корпусом в Кёнигсберге от 1 февраля 1919 г. отмечалось, что большевики поддерживают связи со сторонниками Союза «Спартак» с целью производства беспорядков внутри Германии и содействия продвижению большевистских войск. В связи с этим предлагались конкретные меры по усилению пограничного контроля и надзора за вокзалами. Иностранцы, которые подозревались в разжигании большевистских или великопольских интриг, подлежали немедленному задержанию и высылке, если в отношении них компетентные военные или полицейские инстанции не возбуждали уголовного производства²⁴⁹.

Управление пограничной полиции при армейском командовании Север в донесении регирунгс-президенту Гумбиннена от 1 марта 1919 г. сообщало о задержании бывшего унтер-офицера царской армии некоего Грегоровича. Поводом для задержания послужили якобы неправильно оформленные проездные документы, однако истинной причиной задержания был банальный сбор информации о внутреннем положении в России и целях большевиков. Вообще пограничные полицейские органы провинции, следуя ведомственной инструкции, не гнушались никакими источниками информации, аккуратно фиксируя показания подозрительных и не заслуживающих доверия лиц, которые затем ложились на стол вышестоящего начальства. Часто из этих показаний делались затем совершенно ошибочные выводы. Так, тот же Грегорович показал, что в настоящее время большевики намерены проводить свои планы с помощью пропаганды, а не насилия, и что улучшение продовольственного снабжения населения приведёт к быстрому краху

²⁴⁹ Ibid. Nr. 24. Bl. 4.

большевизма (хотя по логике вещей должно было быть наоборот – *А. М.*), который в настоящее время поддерживают главным образом евреи²⁵⁰.

Телеграмма пограничного полицейского участка в Шмалленингкене близ Эйткунена информировала широкий круг гражданских и военных инстанций провинции о поездке еврея Гальперина из Вильны в Берлин и далее в южную Германию с целью пропаганды большевистских и коммунистических идей. Негласное наблюдение за ним позволило установить, что он в течение трёх недель останавливался у некоего Эпштейна в Тильзите, проживавшего по адресу Пакхофштрассе 9, а также давалось также подробное описание его внешности. Такой плотный надзор за Гальпериным объяснялся тем, что он, согласно данным полицейской агентуры, являлся руководителем пропагандистского бюро в России, которое вело активную работу в Германии²⁵¹.

Большой интерес представляет письмо министра внутренних дел Пруссии обер-президенту Кёнигсберга от 17 июля 1919 г., в котором сообщается о маршруте проникновения большевистских агитаторов (эмиссаров) в Германию: «Установлено, что исходным пунктом является Динабург. Далее перемещение происходит на повозке в Шаулен, где при ресторане Фельдмана находится перевалочная квартира. Далее переправа лиц в Германию идёт через Таурооген. Затем связной оказывает содействие в транспортировке в Тильзит, где путешественники останавливаются в номере отеля Кальтенбах на Хёэштрассе. Оттуда некий Штернфельд заботится о приобретении билетов во внутренние районы Германии»²⁵².

Винниг сразу принял меры к тому, чтобы установить контакт с руководителями матросов, которые, к его удивлению, поначалу не предпринимали против него каких-либо враждебных действий. «Когда я по вечерам составлял короткие заметки о событиях прошедшего дня, я иногда

²⁵⁰ Ibid. Bl. 5.

²⁵¹ Ibid. Bl. 29.

²⁵² Ibid. Bl. 35.

добавлял: “Ещё не арестован”»²⁵³. «Большинство матросов были сторонниками спартаковцев и получали подкрепления из Большого Берлина и Саксонии, однако среди них были и те, кто задумывался о чистке и легализации этого формирования, а также о подчинении его имперскому комиссару. Как опытный политик, Винниг ухватился за эти устремления и нашел в них почву для переговоров, которые представляли для него ценность только потому, что таким образом выигрывалось время для сосредоточения сил и устранения влияния второй стороны»²⁵⁴.

Между тем действия Виннига определялись конкретными практическими соображениями: «Могли ли медленно наступающие части Советской республики выйти на восточнопрусскую границу, прежде чем падет господство матросов? В этом случае, естественно, больше нельзя было бы воспрепятствовать большевизации провинции»²⁵⁵. Руководство операциями против советских войск осуществлял генерал фон Сект, который вместе со своим штабом находился в Бартенштайне. Для Виннига крайне нежелательной была переброска войск из Прибалтики для разоружения матросов, поскольку там каждый солдат для Германии был на вес золота. Тем временем передовой отряд русских достиг местечка Тельше в Литве, которое находилось всего лишь в 30 км от границы с Восточной Пруссией, на расстоянии дневного перехода.

Для властей провинции тревожность положения усугублялась также тем, что ещё в декабре 1918 г. на улицах Вильнюса были отмечены первые случаи братания революционных германских войск с местными большевиками и продажи последним немецкого армейского снаряжения²⁵⁶.

Вообще, в эти дни на Виннига оказывался сильный психологический нажим не только со стороны руководства СДПГ, но и консервативных кругов, которые требовали от него активных действий, а не переговоров: «Вы должны действовать! Никаких переговоров! Два миллиона восточных пруссаков

²⁵³ Winnig A. Op. cit. S. 13.

²⁵⁴ Кретинин Г. В., Макарычев А. С. Указ. соч. С. 65.

²⁵⁵ Winnig A. Op. cit. S. 16.

²⁵⁶ Balkelis T. Op. cit. p. 50.

каждый вечер обращают к Вам свои мольбы: “Винниг, помоги нам!” А вы четвертую неделю ведете переговоры с этим сбродом!»²⁵⁷. К этому же времени относится личное знакомство Виннига с Вольфгангом Каппом, который предложил ему помощь в вербовке добровольцев для действий против матросов, от которой Винниг, по его словам, отказался, мотивируя это тем, что он собирается опереться на верных правительству рабочих-социалистов.

Между тем разоружение буржуазных по своему составу отрядов безопасности (Sicherheitswehr) матросами перед зданием полицейпрезидиума и попытка ареста самого Виннига их патрулем во главе с М. Хайдеманном серьёзно обострили обстановку в Кёнигсберге. Однако Винниг сделал ещё одну попытку прийти к соглашению с матросами на следующих условиях: переход отрядов Народной морской дивизии под юрисдикцию имперского комиссара; чистка их рядов и удаление одиозных фигур; немедленный отказ от противоправной деятельности; освобождение ряда школ, здания которых были реквизированы матросами; потенциальное вхождение в регулярные армейские части²⁵⁸.

Однако новый раунд переговоров, на котором Комитет Семи (руководящий орган Народной морской дивизии) представлял один из лидеров местного отделения НСДПГ, кёнигсбергский врач Готшалк, также окончился безрезультатно. Теперь у имперского комиссара были развязаны руки.

Реакционный переворот 3 марта 1919 г. Операция по подавлению отрядов народной обороны (Винниг называет её акцией по разоружению), согласованная с генералом фон Сектом, была назначена на 3 марта. На время проведения операции из города были удалены лица, которым могла грозить опасность: руководители правых социал-демократов, редакторы кёнигсбергских газет и другие влиятельные персоны (они были отправлены в Бартенштайн). Сам Винниг выехал накануне из города вместе с обер-президентом А. фон Батоцки, проведя тревожную ночь в кабриолете на

²⁵⁷ Ibid. S. 20.

²⁵⁸ Ibid. S. 23–24.

проселочной дороге под Кёнигсбергом в ожидании новостей²⁵⁹. Однако Виннигом был нанесён удар и с другой стороны. В тот же день 3 марта в городе сотрудниками криминальной полиции было арестовано около 600 спартакистов²⁶⁰ (однако после завершения операции правительственных войск они были освобождены). Это позволило не только заблаговременно упредить призывы к вооружённому восстанию и стачкам на крупных предприятиях, но и в значительной мере подорвать единство и организованность действий отрядов народной морской обороны, сопротивление которых было достаточно быстро локализовано.

Ранним утром 3 марта в город концентрически с юга, северо-запада, севера и северо-востока начали входить части правительственных войск и добровольческие отряды. Они были вооружены легкой и тяжелой артиллерией, пулемётами и боевыми машинами и занимали правительственные учреждения, важные предприятия, вокзалы и перекрывали важнейшие транспортные артерии города, превратив его, по сути, в несколько обособленных секторов.

Главные уличные бои развернулись в Кёнигсберге 3 и 4 марта 1919 г. в тех местах, где находились на казарменном положении или где проживали солдаты и матросы Народной морской дивизии, а также в рабочих или «красных» кварталах города, где имелось много сочувствующих левым независимцам и спартаковцам. Даже простое перечисление «горячих точек» в городе, где завязались перестрелки и ожесточённые бои, позволяет сделать вывод, что речь шла о нечто большем, нежели военном подавлении криминальных и террористических элементов. Судя по газетным сообщениям, бои шли не только в целых городских кварталах, Понарте, Закхайме и Хаберберге, – в последнем миномётному обстрелу подвергся важный опорный пункт матросов в школе Роона на Бранденбургерторштрассе – но и в центре города в районе Кёнигсбергского замка, Альтштадтской кирхи, Французской

²⁵⁹ Ibid. S. 25.

²⁶⁰ Gause F. Op. cit. Bd. III. S. 29.

улицы, а также в правительственном квартале в Трагхайме²⁶¹. Любопытно, что в отеле «Берлинер Хоф», который находился недалеко от Замка на Штайндамме, был даже оборудован стационарный пункт «Красного Креста», куда доставлялись не только раненные солдаты, но и пострадавшие от шальных пуль случайные прохожие²⁶².

Единственным активным действием матросов стало нападение их отряда на форт Нойдамм, где находился командующий военным округом генерал-лейтенант фон Эсторф. Подъехавшие рано утром 3 марта к форту на грузовике 50 матросов проникли во внутренние помещения, однако были обезоружены и арестованы частями пограничной охраны²⁶³. Последний очаг сопротивления матросов в Королевском замке был подавлен к вечеру 4 марта, хотя осадное положение продолжало сохраняться, поскольку отдельные стычки и перестрелки между военными патрулями и спартакистами продолжались вплоть до середины марта.

В целом эта «акция по разоружению» отрядов Народной морской дивизии стоила правительственным войскам 2 убитых и 14 раненых, матросы же потеряли 20 человек убитыми и 39 ранеными. Число погибших в уличных боях гражданских лиц составило 26 человек²⁶⁴.

После завершения активной фазы операции, дабы упредить возможные беспорядки в центре города, военные оцепили по периметру район Закхайм, а оперативные группы криминальной полиции прочесывали дом за домом в поисках оружия и боеприпасов²⁶⁵. Любопытно, что газеты наперебой сообщали о якобы обнаруженных ящиках с оружием в оригинальной русской упаковке, однако доказательств этому полицейские и военные власти так и не представили.

²⁶¹ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Abendausgabe. 1919. 3. März.

²⁶² *Ibidem*.

²⁶³ *Ibidem*.

²⁶⁴ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 29.

²⁶⁵ *Ibidem*.

Разоружению и сдаче оружия в масштабах города немало способствовало также достаточно высокое вознаграждение, установленное властями: 300 марок за пулемёт и 50 марок за личное огнестрельное оружие. О масштабе вооружения боевых групп повстанцев можно судить хотя бы по тому, что даже через неделю за один день было сдано 60 винтовок и карабинов и такое же количество пистолетов²⁶⁶.

Необходимо отметить, что в исторической литературе события 3–4 марта 1919 г. не получили должной оценки. Немецкие историки рассматривали (и продолжают рассматривать) эти события как своеобразную зачистку города от криминальных и террористических элементов, под которыми подразумевались служащие Народной морской дивизии. Напротив, калининградские историки считают мартовские уличные бои неудачной попыткой восстания спартаковцев²⁶⁷.

Однако более близкое рассмотрение этих событий даёт основание поставить под сомнение обе точки зрения. Уличные бои 3–4 марта представляли собой успешную попытку консервативного (реакционного) переворота в условиях общего спада революции в провинции. Своеобразие этого переворота состояло в том, что в Кёнигсберге руководящий орган Народной морской дивизии (Комитет Семи) не имел поддержки среди рабочих и солдатских Советов, а мог опереться только на маргинальные (в смысле политического влияния) группы радикалов (спартаковцев).

Более того, эфемерная связь Комитета Семи с эмиссарами Москвы, всячески раздуваемая правительственными кругами и правой прессой (и без весомых доказательств – *А. М.*), выставляла его в неблагоприятном свете также в глазах широких слоёв населения Восточной Пруссии, которое, благодаря целенаправленной пропаганде, не забывало об «ужасах» русской оккупации 1914 г.

²⁶⁶ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Morgenausgabe. 1919. 11. März.

²⁶⁷ См., например: *Borm A.* Op. cit. S. 51 – 52; *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 28–30; *Klatt R.* Op. cit. S. 65–81; *Дементьев И. О., Шепель Я. Г.* Русские революционеры в Восточной Пруссии: Забытые «места памяти» // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 61.

В исторической литературе до сих пор не получил должного освещения вопрос о планах и действиях спартакистов вне Кёнигсберга, в провинции. Между тем, согласно архивным документам, такие планы имелись и подразумевали организацию восстаний (по терминологии властей – путчей) в ряде населённых пунктов на северо-востоке провинции. Так, в секретном письме обер-президента провинции А. Батоцки регирунгс-президенту правительственного округа Гумбиннен от 5 марта 1919 г. сообщалось об агентурных донесениях о тайных собраниях спартаковцев между Гумбинненом и Тильзитом. В этом же письме содержалась рекомендация органам полиции и жандармерии продолжать вести негласное и скрытое наблюдение за спартакистами, не ставя об этом в известность председателей местных Советов и бургомистров²⁶⁸.

Подобные меры предосторожности, видимо, были связаны с тем, что политическая лояльность некоторых Советов этих районов вызывала вопросы, вследствие чего могла произойти нежелательная утечка информации. Чем завершилось это негласное наружное наблюдение полиции, к сожалению, неизвестно, однако, судя по дальнейшему развитию событий, можно предположить, что превентивные меры оказались успешными и «путчистам» не удалось осуществить свои планы.

Формирование новой охранно-полицейской структуры. Практически сразу после упразднения Народной морской дивизии и её подразделений на местах началось формирование новых охранных и полицейских частей, однако на совершенно иных принципах. Собственно, последние были обозначены ещё в соглашении от 24 февраля между имперским комиссаром и Комитетом Семи и получили письменную формулировку в документе под названием «Новая организация городской охраны»²⁶⁹.

Новая военно-полицейская структура получила довольно-таки претенциозное название «Полк народного ополчения Кёнигсберг» (Volkswehr-

²⁶⁸ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 2. Bl. 233.

²⁶⁹ Ibid. Anlage zu dem Bericht des Generalkommandos von 20. März 1919. Rep. 2. Nr. 4164.

Regiment Königsberg). Входящие в него части должны были оказывать содействие в реализации постановлений правительства, обеспечивать поддержание общественного порядка и противостоять всем насильственным попыткам изменения конституционного строя. Однако самое главное состояло в том, что впредь до принятия имперского закона о рейхсвере «Полк народного ополчения Кёнигсберг» подчинялся военному окружному командованию, которое свои приказы должно было предварительно согласовывать с имперским комиссаром и представителями рабочих и солдатских Советов. Надо ли говорить, что теперь упоминание Советов в этом контексте являлось пустой оговоркой и ничего не значившей фразой!

Данные о численном составе отрядов фольксвера в провинции различались в зависимости от величины соответствующего гарнизона и других факторов (табл. 3)²⁷⁰.

Таблица 3

Запись в фольксвер (по состоянию на 1 апреля 1919 г.)

Район	Офицеры	Унтер-офицеры	Рядовые
Ангербург	21	31	424
Даркемен	–	–	522
Гольдап	–	–	712
Гумбиннен	15	70	426
Нидерунг	9	49	290
Хайдекруг	8	56	359
Инстербург, гор.	47	–	1383
Инстербург, сел.	36	–	858
Олецко	–	–	185
Пилькален	–	–	457
Рагнит	7	42	381
Тильзит, гор.	23	53	470
Тильзит, сел.	–	–	542
Шталлупёнен	–	–	503
Всего	166	301	7512

²⁷⁰ Ibid. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 5. Bl. 148.

Именно с этого момента, с разоружения и роспуска отрядов Народной морской дивизии начинается процесс охлаждения отношений между социал-демократом и имперским комиссаром А. Виннигом и руководством провинциального отделения СДПГ Восточной Пруссии, который привёл к их окончательному разрыву в марте 1920 г. Эта удивительная метаморфоза казалось бы ещё недавно прочных отношений и взаимной поддержки (А. Винниг был даже выбран депутатом в Учредительное собрание от партийного списка СДПГ земли Мекленбург Передняя Померания!) привела не только к генезису легенды о Винниге как «прибалтийском» Носке²⁷¹, но и привела к определённому размежеванию внутри самих правых социал-демократов. Всё-таки одно дело быть представителем самой сильной оппозиционной партии в рейхстаге (до октября 1918 г.), и совсем другое, оставаясь номинально социал-демократом, заниматься вопросами реальной политики в условиях революционного кризиса и постимперского конфликта, пытаясь сохранить остатки политического и экономического влияния рейха в Прибалтике, а затем успокаивать революционное брожение в Восточной Пруссии!

Свёртывание леворадикальной альтернативы. С одной стороны, социал-демократы признавали (хотя это редко высказывалось ими публично), что военное вмешательство было необходимо и привело к стабилизации государственного управления, с другой стороны, они опасались (и этот страх перевешивал все остальные соображения, став прямо-таки слоганом публичного дискурса), что оно (военное вмешательство – *А. М.*) знаменовало собой начало постепенного демонтажа демократических учреждений. Следует отметить, что подобные настроения тревоги и неуверенности в прочности новых демократических институтов были характерным элементом социальной психологии широких слоёв населения Восточной Пруссии в период Веймарской республики и имели свои корни в политической практике имперского комиссара А. Виннига.

²⁷¹ Klatt R. Op. cit. S. 72.

Внешние формы этот раскол получил в обращении Виннига «К рабочему классу и жителям Кёнигсберга»²⁷², которое было принято в качестве ответа на петицию из трёх требований многотысячного собрания социал-демократов 9 марта 1919 г. Собравшиеся требовали отмены осадного положения, освобождения политических заключённых и отвода войск из Кёнигсберга. На ответ имперскому комиссару давался один день, в противном случае социал-демократы грозили призвать рабочих промышленных предприятий к всеобщей забастовке. Необходимо отметить, что именно с этого момента вопрос о всеобщей забастовке в значительной степени определял общественно-политическую жизнь Кёнигсберга и Восточной Пруссии в следующие полгода.

Ответ Виннига зафиксировал изменившееся соотношение сил и по сути обозначил позицию провинциальной администрации по целому ряду актуальных вопросов. Отменить осадное положение, по Виннигу, не представлялось возможным, поскольку ежедневно в городе и пригородах происходили перестрелки и нападения на военные патрули. Более того, окружное военное командование было против этого вплоть до истечения установленного срока сдачи оружия населением (его продлили до середины апреля).

Что касается второго требования, то Винниг признал, что некоторые аресты, произведённые военными инстанциями, были незаконны, и обещал строгое расследование подобных случаев и привлечение к ответственности виновных. В то же время имперский комиссар отклонил требование освободить незаконно арестованных по политическим мотивам под предлогом нежелания вмешиваться в ход судебного расследования!

Наконец, в отношении третьего требования, – вывода войск из города – Винниг принял поистине Соломоново решение: войска покидают улицы, но остаются в городе вплоть до завершения формирования нового подразделения городской охраны! Стоить ли говорить, что теперь всеобщая забастовка как средство политической борьбы была неприемлема для социал-демократа

²⁷² GStA PK. Aufruf v. 10 März. Rep. 2. Nr. 4164.

Виннига. В этом вопросе он занимал отныне твёрдую проправительственную позицию, аргументируя её неприятием тем, что она только усугубила бы рестрикции осадного положения и ухудшила бы экономическое положение.

Характерно, что после мартовских событий 1919 г. Винниг видел свою главную задачу выполненной и собирался покинуть Восточную Пруссию, однако имперское правительство сочло его пребывание там необходимым и поручило ему решение ряда других вопросов. Последующая деятельность Виннига также укладывается в рамки консервативной внутренней политики и сворачивания леворадикальных элементов революционного процесса. Одну из важных задач он видел в противодействии спартакистской пропаганде в деревне, особенно среди наёмных рабочих. Здесь сказался его прежний профсоюзный опыт работы: Винниг предложил регулировать экономические отношения сельских хозяев и сельскохозяйственных рабочих посредством заключения тарифных соглашений, контроль за соблюдением которых должна была осуществлять специально созданная организация работодателей²⁷³.

Однако с течением времени для Виннига на первый план всё больше стали выходить внешнеполитические вопросы – сохранение германского влияния в странах Балтии и противодействие в этом регионе росту влияния большевистской России. Но прежде всего было необходимо так или иначе решить проблему территориальных притязаний Польши на Позен, Западную Пруссию и Мазуры. Здесь Польшу поддерживали европейские державы, прежде всего Франция. Эти обстоятельства создавали питательную почву для восточнопрусского сепаратизма, который, по Виннигу, не имел ничего общего с государственной изменой, а был только своеобразной формой национального возмущения²⁷⁴.

Винниг даже задумывался об инвентаризации и соответствующем размещении имевшегося на складах вооружения до приезда в провинцию контрольных комиссий Антанты. Этот вопрос был также косвенным образом

²⁷³ Winnig A. Op. cit. S. 28.

²⁷⁴ Ibid. S. 36.

связан с его желанием сохранить присутствие немецкого армейского корпуса в Прибалтике, который в случае необходимости можно было задействовать в борьбе с польским повстанческим движением. Однако руководство СДПГ и западные державы настаивали на его расформировании, поскольку угроза русского вторжения миновала, и в его сохранении больше не было необходимости. В мемуарах Винниг даже мрачно иронизировал, что социал-демократическая пресса охотно приводила свидетельства демобилизованных солдат о якобы имевшихся случаях злоупотреблений и насилий со стороны немецких военных, однако замалчивала тот факт, что таковые были уволены со службы именно по этим причинам²⁷⁵.

В конце июня 1919 г., после ухода в отставку оберпрезидента провинции А. фон Батоцки, Винниг по настоянию министра-президента Пруссии П. Хирша и министра внутренних дел Германии В. Гейне согласился занять вакантную должность, сохранив за собой все полномочия имперского комиссара. Как метко заметил немецкий историк Р. Шумахер, «Виннига скорее следует считать представителем интересов провинции в рейхе, нежели представителем интересов рейха в Западной и Восточной Пруссии»²⁷⁶. Такое расширение полномочий Виннига дало ему не только дополнительные возможности защищать интересы Восточной Пруссии в свете предстоявших плебисцитов на спорных территориях, но и повлекло за собой окончательное сворачивание деятельности рабочих и солдатских Советов провинции.

Деятельность имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии А. Виннига, безусловно, следует оценивать с учётом внутреннего и внешнего положения, сложившегося в провинции в начале 1919 г. Как социал-демократ правого толка он принял Ноябрьскую революцию 1918 г. как объективную горькую реальность, с которой необходимо было считаться, и в этом смысле он мало чем отличался от своих товарищей по партии и

²⁷⁵ Ibid. S. 42.

²⁷⁶ Schumacher R. Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Köln, 1985. S. 53.

профсоюзному движению, от того же Ф. Эберта, который считал революцию «грехом».

Однако военно-политический опыт, который А. Винниг приобрёл в конце Первой мировой войны в Прибалтике, и погружённость в «реальную» политику заставили его отбросить внешние нормы партийной лояльности при своём назначении на новый пост в самой восточной провинции рейха. Перед А. Виннигом в Восточной Пруссии стоял ряд задач, успешное выполнение которых едва ли можно было совместить с соблюдением принципов и программных установок СДПГ: удержание прибалтийских стран в сфере военно-политического влияния Германии, противодействие наступлению частей Красной армии и угрозе «большевизации» провинции, ликвидация отрядов Народной морской дивизии и ограничение власти Советов, обеспечение интересов рейха при подготовке плебисцитов 1920 г. на спорных территориях. Успешное решение этих задач было невозможно без поддержки военных, чиновничества и различных консервативных группировок Восточной Пруссии, сотрудничество с которыми создавало иллюзию перехода Виннига на сторону «реакции». Другими словами, с помощью «реакционных» методов и средств Винниг способствовал ликвидации леворадикальной альтернативы развития политического процесса и вхождению революции в рамки умеренных экономических требований и социального реформизма.

Однако следует также отметить, что в целом как политическая практика и идеология консервативных сил, к которым всё больше тяготел А. Винниг, так и левых радикалов являлись одной из главных причин незавершённости процесса демократизации Восточной Пруссии, начатого Ноябрьской революцией 1918 г.²⁷⁷.

²⁷⁷ Кретинин С. В. Сопротивление политике демократизации Веймарской республики в Пруссии в 1918–1921 гг. // Исторический журнал. 2015. № 3.

§ 2. Роль организации «Восточнопрусская Отечественная служба» и народных Советов в стабилизации внутреннего положения провинции

Любопытно, что связь внутривнутриполитических факторов кризиса с внешнеполитическими сопутствующими обстоятельствами до сих пор не получила необходимого освещения и анализа в отечественной историографии. Между тем глубокая неуверенность в будущем самых широких слоёв населения, будучи производным психологическим фактором Ноябрьской революции, в сочетании с объективными внешними факторами, такими как оккупация немецкими войсками обширных районов бывшей Российской империи, гражданская война в Советской России, возможность переплётывания большевистской революции в Восточную Пруссию вместе с солдатскими Советами и эмиссарами Москвы, вкупе с территориальными претензиями Польши представляли собой вызов, который требовал нестандартного ответа для его преодоления.

Вместе с тем рост внутривнутриполитической нестабильности и осознаваемая опасность большевистской пропаганды должны были уживаться с необходимостью не только мириться с Советской Россией, но и конструктивно с ней сотрудничать против антантофильских кругов в Белом движении²⁷⁸.

В принципе, необходимость защиты от внутренних и внешних угроз разделялась всеми слоями населения, однако весь вопрос заключался в том, что должна представлять собой эта защитная организация и от кого, собственно, она должна была защищать это самое население. Учитывая радикализацию общественно-политической жизни и наличие широкого спектра различных мнений по этому вопросу, выработка консенсуса в этом отношении была достаточно сложной и противоречивой.

Необходимо отметить, что поначалу даже рабочие и солдатские Советы одобрительно относились к формированию военных соединений для защиты от

²⁷⁸ Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012.

внешнего врага, прежде всего от разрозненных банд грабителей и мародёров, которые, как считалось, состоят из русских, литовцев и поляков. Германская пропаганда, как правило, прикрепляла ярлык «большевизма» к подобным бандам, что не соответствовало действительности. Распространение бандитизма и рост разбойных нападений на границе Восточной Пруссии был связан с большим числом русских беженцев из германских лагерей для военнопленных и трудовых лагерей, которые скрывались от облав на заброшенных хуторах и в глухих местечках²⁷⁹.

Вместе с тем донесения местных властей о подобных инцидентах, сделанные по «горячим следам», часто содержали преувеличенные или явно ошибочные сведения. Так, в отчёте вахмистра жандармерии из Бильдервайчена от 16 января 1919 г. ландрату Шталлупёнена утверждалось, что некий землевладелец близ деревни Ошнагерн подвергся нападению и был ограблен «большевистской бандой» из 15–20 человек. Однако инициированное ландратом расследование, которое основывалось на показаниях сына землевладельца Кура из Штаннайчена, показало, что «банда» состояла всего лишь из двух человек, которые после разбоя ушли за границу²⁸⁰.

Представитель леворадикального крыла НСДПГ Альфред Готшалк на заседании объединённого рабочего и солдатского Совета Восточной Пруссии в Инстербурге 8 января 1919 г. требовал привлекать в такие соединения боеспособных добровольцев из местных жителей. Однако Готшалк не разделял мнения обер-президента, что русское правительство и русское военное командование имеют намерение вторгнуться на территорию Восточной Пруссии²⁸¹. Точку зрения рабочего и солдатского Совета Готшалк выражал следующим образом: «Мы не защищаем террористические методы, которые приняты в России всеми партиями, даже буржуазными, мы не защищаем также систему Спартака в Берлине, мы в Восточной Пруссии отвергаем террор везде,

²⁷⁹ *Balkelis T.* Op. cit. p. 46.

²⁸⁰ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 1. Bl. 67.

²⁸¹ *Ibid.* Bericht über die Verhandlungen des Prov. Rat. Rep. 2. Nr. 2983.

где мы можем демократическими средствами добиться осуществления наших взглядов»²⁸².

Другими словами, Готшалк считал возможным создание таких добровольческих отрядов, которые были бы надёжным оплотом не только против внешней угрозы, но и против внутренней реакции. Однако это были иллюзии, и развитие событий пошло совсем по другому сценарию, отличному от того, который замыслили политические идеалисты левой части Советов.

18 февраля 1919 г. по инициативе барона фон Гайля и д-ра фон Шойбнер-Рихтера и при одобрении центральных и провинциальных властей была создана организация с несколько неуклюжим названием, которая сыграла важную роль не только в постепенном сворачивании деятельности местных Советов, но и в эффективной мобилизации населения против внешней угрозы, – «Центральный комитет восточнопрусской Отечественной службы» (Zentralausschuß für den ostpreußischen Heimatdienst)²⁸³.

Необходимо отметить, что эта организация была достаточно гибкой в плане управления и вхождения в неё различных структур, однако с самого начала её активное ядро было представлено следующими службами (отделами): собственно Восточнопрусской Отечественной службой, Союзом по борьбе с большевизмом, Лигой защиты немецкой культуры и Экономико-политической агитационной службой для Востока. Обширная служебная переписка между Центральным комитетом Восточнопрусской Отечественной службы и правительственными учреждениями сделала даже необходимым основание специального бюро при оберпрезидиуме Кёнигсберга и имперском комиссаре под названием «Защита отечества» (Heimatschutz).

Дальнейшая конкретизация целей и принципов работы Восточнопрусской Отечественной службы содержалась в руководящих директивах оберпрезидента провинции Восточная Пруссия, которые были направлены всем

²⁸² Ibidem.

²⁸³ В марте 1919 г. головная организация получила окончательное название «Центральный комитет Восточнонемецкой Отечественной службы» с филиалами в Восточной и Западной Пруссии.

заинтересованным сторонам 18 марта 1919 г.²⁸⁴. Обращает на себя внимание, что в этом документе деятельность Отечественной службы рассматривалась в тесной взаимосвязи с гражданскими отрядами обороны и командованием I-го военного корпуса, что лишний раз подчёркивало военизированный характер этой организации. Её цель состояла в борьбе с внешним и внутренним большевизмом, причем под последним понимались главным образом сторонники КППГ. Такое отождествление большевиков и спартаковцев (немецких коммунистов) являлось весьма удачным изобретением германской пропагандистской машины в смысле подавления внутреннего противника, хотя между ними, разумеется, существовали достаточно серьёзные разногласия.

Борьба с внутренним большевизмом должна была вестись прежде всего «духовным» оружием, т. е. с помощью агитационно-разъяснительной работы. Помимо обычного распространения «просветительской» литературы и листовок на предприятиях, в клубах и небольших хозяйствах, рекомендовалось наладить работу одиночных агитаторов, которые должны были выступать с докладами на небольших собраниях²⁸⁵.

Эти доклады агитаторов ни в коем случае не должны были сводиться к пустому теоретизированию, а обязательно проводиться в форме живой беседы с жителями уезда, церковного прихода или общины. Как правило, политико-агитационный отдел Отечественной службы заранее направлял запрос соответствующему ландрату, который в свою очередь сообщал перечень наиболее актуальных проблем, которые волновали жителей самых низовых административных единиц. Такая гибкая система обратной связи делала работу агитаторов на местах достаточно эффективной.

Отряды гражданской обороны (охранные отряды) на местах, ассоциированные с Отечественной службой, возглавляли особые старосты (Obleute), которые вели учет жителей крайса и находились в тесном

²⁸⁴ GStA PK. Richtlinien für die Organisation des Ostpreußischen Heimatdienstes und der Heimatwehren der Kreise im Bereich des I. A. K. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 1. Bl. 136–137.

²⁸⁵ Ibidem.

взаимодействии с ландратами и районными комиссарами. Последние на основе списков, подаваемых старостами, направляли запросы в окружное военное командование на выдачу стрелкового оружия и боеприпасов²⁸⁶. Участники таких охранных отрядов часто формировались из демобилизованных солдат, что свидетельствовало об активном процессе ремобилизации, сыгравшей важную роль в интеграции элементов бывшей кайзеровской армии в социальную структуру Веймарской Германии.

Следует отметить, что в разъяснениях для печати и на различных публичных мероприятиях руководители Отечественной службы подчёркивали частный характер её образования. Это делалось не только для более эффективного освоения финансовых средств, которые шли из различных государственных фондов, но и для успокоения держав-победительниц, которые с подозрением относились ко всем неконтролируемым инициативам германского правительства по созданию добровольческих военизированных формирований²⁸⁷.

В последующие месяцы вся территория провинции была покрыта сетью местных организационных ячеек Отечественной службы. Эти ячейки Отечественной службы были тесно связаны с гражданскими и военными учреждениями. Ландраты получили директивы по организации отделений Отечественной службы и местных охранных отрядов (Heimatwehr/Schutztruppe). Главной задачей охранных отрядов была борьба с большевизмом и спартакизмом, однако так как на тогдашнем пропагандистском жаргоне германских политиков эти понятия являлись синонимами, то деятельность охранных отрядов была направлена прежде всего против внутреннего врага, под которым понимался широкий круг лиц и организаций леворадикального толка.

Для организации взаимодействия местных отделений Отечественной службы и командиров охранных отрядов с военными инстанциями окружного

²⁸⁶ Ibidem.

²⁸⁷ Thierfelder S. Op. cit. S. 89.

командования в последних вводились должности так называемых крайскомиссаров.

Необходимо отметить, что гражданские отряды обороны (Bürgerwehr/Heimatwehr) стали создаваться при содействии ландратов и бургомистров уже в первые дни и недели революции, однако этот процесс во многом носил стихийный и неорганизованный характер. Лишь подключение к нему отделений Отечественной службы поставило его на твёрдую финансовую основу и обеспечило соответствующими целями.

Создание первых гражданских отрядов обороны обсуждалось на собрании ландратов уже 8 ноября 1918 г. По замыслу их создателей они должны были являться своего рода вспомогательными органами местной полиции, а члены таких отрядов должны были носить особую нарукавную повязку с печатью ландрата и надписью «Heimatwehr» (оборона отечества).²⁸⁸ Как правило, рабочие и солдатские Советы одобряли создание таких отрядов и санкционировали выделение им оружия и боеприпасов.

Нередко ландраты после согласования поимённых списков отрядов гражданской обороны с полицейскими властями направляли их на утверждение соответствующему регирунгс-президенту. Так, бюргервер Ангербурга в конце ноября 1918 г. насчитывал 74 местных жителя. О его социальном составе можно судить по тому, что в него входило среднее звено важнейших предприятий города, а именно газового завода, водопроводной станции, мельницы и скотобойни. В числе его членов часто встречались учителя, землевладельцы, мелкие чиновники, купцы и даже служащие ветеринарно-санитарного управления²⁸⁹.

Как уже отмечалось, иногда ландраты действовали в обход местных рабочих и солдатских Советов в деле вооружения отрядов гражданской обороны, особенно если в их сельских районах были расквартированы

²⁸⁸ GStA PK. XX. Rep. 12. Tit. 11a. Nr. 1. Bl. 14.

²⁸⁹ Ibid. Bl. 8–10, Bl. 24.

подлежащие демобилизации воинские части. Так, под Хайдекругом в отряд гражданской пограничной охраны перешли 400 солдат расквартированного поблизости 41-го пехотного полка²⁹⁰. Ландраты могли также по своему усмотрению усиливать локальные опорные пункты жандармерии там, где это было необходимо. Подобные мобильные отряды были, как правило, конными и вооружены карабинами²⁹¹.

Вместе с тем обер-президент провинции А. Батоцки, стремясь придать вооружению отрядов гражданской обороны упорядоченный характер, и в то же время уступая давлению Кёнигсбергского рабочего и солдатского Совета, направил ландратам пограничных районов 14 февраля 1919 г. циркулярное письмо, в котором говорилось, что выдача стрелкового оружия обязательно должна была сопровождаться оформлением соответствующего документа (*Waffenschein*), в который заносились личные данные стрелка: имя, профессия, место жительства, а также модель и номер оружия²⁹². Кроме того, вскоре были ужесточены меры контроля за оборотом оружия, поскольку участились случаи его продажи на черном рынке и власти опасались, что оно могло попасть к лицам, которые сочувственно относились к большевикам или спартакистам²⁹³.

Необходимо отметить, что борьба Восточнопрусской Отечественной службы против внутреннего и внешнего большевизма, выражавшаяся в агитационно-разъяснительной работе и в содействии созданию различных военизированных формирований, несколько ослабла к середине лета 1919 г., поскольку на повестку дня выдвинулись внутренние вопросы и необходимость противодействия польским агитаторам не только в правительственном округе Алленштайн, но и в Кёнигсберге и Гумбиннене. В этом смысле представляется логичным разделение деятельности Отечественной службы на три неравнозначных периода, в каждом из которых преобладали специфические задачи: 1) борьба с КПГ и большевизмом (с середины февраля до 7 мая 1919 г.);

²⁹⁰ Ibid. Bl. 37.

²⁹¹ Ibid. Nr. 5. Bl. 177.

²⁹² Ibid. Bl. 117.

²⁹³ Ibid. Bl. 126.

пропаганда против подписания Версальского мирного договора (с 7 мая до 28 июня 1919 г.); 3) мероприятия по укреплению германского присутствия в районах плебисцита и антипольская пропаганда (с 28 июня 1919 г. до начала июля 1920 г.)²⁹⁴.

Одной из главных забот провинциальных властей в конце лета 1919 г. была угроза всеобщей забастовки сельскохозяйственных рабочих. Однако правительство не пошло на радикальное предложение Отечественной службы о введении осадного положения на время работ по уборке урожая, ограничившись усилением разъяснительной работы в районах, где имели успех агитаторы КПГ. И хотя противоречия между работодателями и наёмными работниками не были устранены, число стачек пошло на убыль²⁹⁵.

Специфической сферой деятельности сотрудников Отечественной службы была работа в лагере вернувшихся из России немецких солдат-репатриантов в Хайльсберге и в лагере для беженцев в Эйдткунене, которая велась в тесном взаимодействии с военными властями. Как правило, многие солдаты и беженцы в таких лагерях сочувственно относились к идеям большевиков и, по мысли немецких властей, могли быть инициаторами беспорядков внутри Германии. С ними проводилась индивидуальная работа, они ставились на особый учет, а наиболее идейных и непокорных из них отправляли на различные трудовые работы²⁹⁶.

Одним из важных мероприятий Восточнопрусской Отечественной службы стало участие в создании так называемых народных Советов (Volksräte). В принципе, народные Советы как их особая разновидность были уже известным и апробированным способом организации власти по советскому образцу. В некоторых землях Германии народные Советы представляли собой организации по консолидации правых сил и носили ярко выраженный буржуазный характер, иногда (как, например, в Силезии) народные Советы

²⁹⁴ *Thierfelder S. Op. cit. S. 91.*

²⁹⁵ *Klatt R. Op. cit. S. 153.*

²⁹⁶ *Ibidem.*

являлись своего рода зонтичными организациями рабочих и солдатских Советов и высшей инстанцией по разрешению различных споров и взаимодействию с буржуазными органами власти.

В Восточной Пруссии народные Советы стали создаваться на относительно позднем этапе революции (в мае 1919 г.) и самого начала получили особый характер и решали специфические задачи. Их создание следует рассматривать в конкретной исторической обстановке, когда в Восточной Пруссии, после получения правительством в Берлине проекта мирного договора от стран Антанты (7 мая), начинается управляемое массовое движение по бойкоту и смягчению его отдельных положений. Координирующую роль в создании народных Советов играла Восточнопрусская Отечественная служба.

Следует отметить, что с середины мая 1919 г. в Восточной Пруссии начался рост протестных настроений в связи с тяжёлыми условиями проекта будущего Версальского мирного договора. Эти протестные настроения и народное возмущение подогревались и эксплуатировались политическими партиями самой разной ориентации. На многочисленных собраниях и митингах как крайне правых, так и леворадикальных сил, звучали голоса возмущения против насильственного мира (*Gewaltfrieden*), который отнимал у Германии исконно немецкие территории и обрекал немецкий народ на призрачное экономическое существование. Для населения Восточной Пруссии этот проект ассоциировался с унижительным миром Клемансо, а квинтэссенцией резолюций массовых собраний, которые захлестнули провинцию, была апелляция к вильсоновскому миру, в котором видели приемлемый выход и спасение Германии²⁹⁷.

На возмущение унижительными условиями мира накладывалась острая борьба в провинции, развернувшаяся между СДПГ и НСДПГ по поводу так называемой «социализации» предприятий. Некоторые лидеры независимцев (например, Ф. Поленц) призывали к немедленному союзу с Россией, видя в нём

²⁹⁷ *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Abendausgabe. 1919. 19. Mai.

выход из создавшегося положения, и критиковали правых социал-демократов за их непоследовательное отношение к Брест-Литовскому миру (который они поддерживали) и проекту мирного договора Антанты (который они отвергали)²⁹⁸.

В этих условиях для властей провинции жизненно важным было направить народное возмущение в мирное и легальное русло национального объединения восточных пруссаков против территориальных притязаний Польши, и одновременно «растворить» недовольство населения социально-экономическим положением пропагандой социального мира и другими паллиативными мерами. Именно эти задачи должны были решать создаваемые под эгидой Восточнопрусской Отечественной службы народные Советы.

Однако средства, которые предусматривались для решения этих задач, были настолько расплывчаты, что позволяли местным администрациям использовать народные Советы как весьма удобный инструмент гибкой социальной политики. Главные направления деятельности народных Советов, предложенные гражданской администрацией провинции, состояли в следующем: - пробуждение и усиление чувства сплочённости всех немцев безотносительно к партийной принадлежности и сословному состоянию; - надзор за мероприятиями властей по развитию самобытной немецкой общности (Deutschtum); - поддержка и помощь немецкому землевладению и немецкому хозяйству; - создание рупора (Sprachrohr) доведения до высших инстанций потребностей простых людей из отдалённых районов; - политическое просвещение посредством профессиональных лекториев при исключении партийных разногласий; - вовлечение женщин в совместную работу в немецком духе; - педагогические доклады о воспитании юношества; - демографическая политика на основе народных (этнических) принципов; - применение законов о поселениях для потребностей жителей уездов; - объединение немцев перед районными выборами в качестве противовеса полякам²⁹⁹.

²⁹⁸ *Freiheit*. 1919. 21. Mai.

²⁹⁹ GStA PK. Richtlinien für die Gründung und Tätigkeit der Volksräte. Rep. 2. Nr. 4168.

Примером агитационно-разъяснительной работы в публичном поле может служить листовка народного Совета в Маргграбова от 19 июня 1919 г., текст которой был также отправлен телеграммой имперскому правительству, Национальному собранию и немецкой делегации на мирных переговорах: «Немецкий народный Совет Маргграбова, основанный недавно при единодушном согласии населения города, с возмущением и решимостью протестует против слабых контрпредложений германского правительства на мирные условия противника. Принятие бремени военных расходов в размере 100 миллиардов приведёт к разрушению германского денежного хозяйства. Сокращение численности нашей армии до 100 тысяч человек не обеспечивает необходимой обороны Германии. Уступка немецкой земли противнику обрекает миллионы немцев на чужеземное рабство. Мы требуем, чтобы имперское правительство никогда не соглашалось на уступку Мазур Польше, чтобы оно воспрепятствовало совершенно излишнему голосованию в этой исключительно немецкой по духу земле и чтобы оно призвало всё боеспособное население немецкого Востока к оружию. Если рейх будет отдан неизвестной судьбе, мы поднимемся как один человек и изгоним врагов рейха с его земли»³⁰⁰.

При народных Советах образовывались молодёжные группы, перед которыми ставилась задача вовлечения юношества в массовую работу в духе укрепления немецкой общности с помощью лекториев, театральных постановок и создания читательских кружков и пропаганды здорового образа жизни посредством занятий спортом, гимнастикой, плаванием и туризмом³⁰¹.

Деятельность Восточнопрусской Отечественной службы и народных Советов в немалой степени послужила сглаживанию противоречий между буржуазией как правящим классом и различными категориями наёмных работников в городе и деревне. Их деятельность осуществлялась в широком публичном пространстве, – они взаимодействовали с профсоюзами,

³⁰⁰ Ibid. Rep. 2. Nr. 4168.

³⁰¹ Klatt R. Op. cit. S. 148.

предприятиями и военными инстанциями на основе актуальной социально-политической повестки. В 1919 г. эти квазигосударственные структуры способствовали сохранению политического мира (т. е. сворачиванию радикального трека революции – *А. М.*) и немецкой национально-культурной идентичности в Восточной Пруссии³⁰², хотя результаты этой деятельности способствовали вызреванию в 1920-е годы националистических элементов, явившихся благоприятной питательной почвой для быстрого распространения крайне правой экстремистской идеологии после прихода нацистов к власти в 1933 г.

Следует отметить, что компетенции и функции Восточнопрусской Отечественной службы и народных Советов в известной степени дублировали компетенции и функции рабочих, солдатских и крестьянских Советов провинции. К середине августа 1919 г. эти аморфные квазигосударственные образования практически полностью подменили собой Советы в Восточной Пруссии и вытеснили их из актуального политического процесса, что даёт возможность рассматривать их в качестве фактора нивелирования леворадикальной альтернативы и стабилизации внутреннего положения.

³⁰² GStA PK. Zweiter Tätigkeitsbericht. Rep. 2. Nr. 4301.

Заключение

В ноябре 1918 г. Восточная Пруссия, как и остальные земли германского рейха, пережила революцию, которая привела к упразднению монархии Гогенцоллернов и основанию Веймарской республики. Этот процесс социально-политической трансформации занял приблизительно девять месяцев и завершился принятием Веймарской конституции 11 августа 1919 г. Вместе с тем в самой восточной провинции Германии трансформация носила консервативный характер и быстро сменилась политической реакцией. Этот консерватизм революции 1918 г. в Восточной Пруссии, обусловленный сочетанием внутренних и внешних факторов, имел своеобразное «побочное» последствие – революция долгое время оставалась на обочине внимания советской (а позднее российской) и германской историографии.

В Восточной Пруссии во время Первой мировой войны массовое антивоенное движение и революционное брожение не привели к образованию единого фронта левых сил накануне революции. Этому в значительной степени способствовали три фактора: приверженность Социал-демократической партии Германии (правых социал-демократов) и «свободных» профсоюзов политике «гражданского мира»; раскол социал-демократического движения и образование Независимой социал-демократической партии Германии, лидеры которой, несмотря на радикальную риторику, вовсе не намерены были использовать «русский опыт» политической борьбы; слабость революционно-демократического крыла социал-демократического движения, представленного Союзом «Спартак», и отсутствие у него опоры и сторонников среди сельского населения провинции. С расколом социал-демократического лагеря коррелировало и своеобразное географическое разделение провинции накануне революции: интересы столицы (Кёнигсберга) и провинции (сельской местности) не были сопряжены, что создало характерное для Восточной Пруссии в 1918–1919 гг. поле напряжения, способствовавшее дестабилизации внутреннего положения и наступлению реакции.

Возникшие в начале революции рабочие и солдатские Советы Восточной Пруссии комплектовались на паритетной основе представительства СДПГ и НСДПГ при минимальном участии в них представителей Союза «Спартак». Новые революционные органы власти не ставили перед собой задачу завоевания политической власти и активно сотрудничали со старыми административными институциями (оберпрезидиумом, правительственными президентами, ландратами и бургомистрами), ограничившись только функциями контроля их деятельности и поддержанием общественного порядка. Попытки некоторых Советов проводить самостоятельную левую политику на местном уровне либо пресекались Кёнигсбергским Советом (как высшей инстанцией), либо приводили к переизбранию их состава. Это «прагматическое», по терминологии немецкого историка А. Борма, соглашение между революционными и монархическими органами власти, поставившее революцию на буржуазно-демократические рельсы, имело определяющее значение для её дальнейшего развития. Замедление развития демократического потенциала революции стало очевидно после выборов в Учредительное собрание в январе 1919 г., когда Советы, по сути, стали лишним придатком государственного устройства и сохранялись только вследствие мощного подъёма революционного движения весной 1919 г. Общий спад революционного движения и принятие Веймарской конституции в августе 1919 г. означали их упразднение в качестве фактора политической власти.

Формирование ранней коалиционной Веймарской системы в Восточной Пруссии имело свою специфику по сравнению с ситуацией в рейхе. Тройные выборы (в Учредительное собрание, в прусский ландтаг и городской парламент Кёнигсберга в начале 1919 г.) дали очевидный перевес левым партиям и депутатам солдатских списков. Однако острое противоборство между СДПГ и НСДПГ (в том числе по вопросу «социализации» предприятий) привело к блоку правых социал-демократов с партиями буржуазно-либерального лагеря и вхождению революции в рамки легальных экономических требований. Внесистемная (внепарламентская) деятельность левого крыла НСДПГ,

выражавшаяся в призывах к всеобщей забастовке, «социализации» предприятий и союзу с Советской Россией, приводили к хаотизации политической жизни.

Выбор активного электората Восточной Пруссии в пользу буржуазно-демократического пути развития позволил самой влиятельной политической партии провинции – Социал-демократической партии Германии – окончательно отказаться от двух мощных инструментов углубления революционно-демократического потенциала революции: всеобщей забастовки как формы политического действия и «социализации» предприятий как первого шага экономической реформы.

Внутренняя политика имперского комиссара (с 25 января 1919 г.) и оберпрезидента Восточной Пруссии (с 24 июня 1919 г.) А. Виннига представляла собой консервативный ответ на революционное брожение в обществе. Этот ответ достиг своей кульминации в уличных боях 3–4 марта в Кёнигсберге, которые привели к разоружению и ликвидации (упразднению) отрядов Народной морской дивизии. Революция лишилась главного инструмента, который при определённых обстоятельствах мог обеспечить её развитие по леворадикальному пути. Внутренняя политика А. Виннига, которая заставляла его идти на сотрудничество с правыми силами провинции – чиновной бюрократией и военными – создала необходимые предпосылки для сворачивания леворадикального пути развития революции. Вместе с тем военно-политический опыт, приобретённый А. Виннигом в Прибалтике, облегчил ему принятие решения использовать регулярные правительственные части и добровольческие батальоны для решения внутренних проблем в Восточной Пруссии.

Необходимо отметить, что обусловленное внешним фактором образование Восточнопрусской Отечественной службы и народных Советов следует рассматривать не только в контексте борьбы с большевизмом и польской угрозой. Эти организации часто принимали на себя функции революционных Советов в деле обеспечения общественного порядка и

установления социального мира посредством активной агитационно-разъяснительной работы и содействием назревшим коммунальным реформам. Деятельность этих организаций привела к окончательному свёртыванию Советов как институтов революционной власти и выдвижению на первый план факторов защиты национально-культурной идентичности восточных территорий Германии (Западной и Восточной Пруссии).

Германская революция 1918 г., как и русская революция 1917 г., представляла собой своеобразный вариант выхода из военно-политического и социально-экономического кризиса, порождённого Первой мировой войной. Однако если развитие демократического потенциала германской революции обуславливалось внутренними объективными причинами, которые хорошо известны, то необходимость дать адекватный в тех условиях ответ внешнему давлению довольно быстро привела к нарастанию «реакционных» элементов во внутренней политике провинциальной администрации (разумеется, при поддержке центрального правительства). Такое понимание понятия «реакция» имеет, конечно, сугубо прикладное и конъюнктурное значение (применительно к условиям Восточной Пруссии 1918–1919 гг.), однако вполне согласуется с возможной интерпретацией германской революции как упущенного шанса демократического развития (в масштабе Веймарской республики) и успешного примера отражения угрозы «большевизации» провинции. Другими словами, управляемая реакция не столько преодолела, сколько «растворила» собой импровизированную революцию и во многом определила развитие провинции в 1920-е гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 13. Д. 1003.
2. Государственный архив Калининградской области. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282.
3. Краткий обзор донесений императорских российских консульских представителей за границей за 1914 год. Пг., 1915.
4. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin-Dahlem. (Historisches Staatsarchiv zu Königsberg). Rep. 2. Akten des Oberpräsidiums Königsberg 1918–1923; Rep. 10. Akten der Regierung Königsberg 1918–1920; Rep. 12. Akten der Regierung Gumbinnen.
5. Aus der Rede des Ministers des Innern von Loebell im Abgeordnetenhaus am 23. Februar 1915 // Ostpreußische Kriegshefte. Berlin, 1916. H. 4.
6. Aus der Rede des Berichterstatters des Haushaltsausschusses im Preußischen Abgeordnetenhaus, Freiherrn von Zedlitz und Neukirch, den 24. Juni 1915 // Ostpreußische Kriegshefte. Berlin, 1916. H. 4.
7. Batocki A. Gegenwartsarbeit und Zukunftshoffnungen für Ostpreußen // Ostpreußische Kriegshefte. Berlin, 1916. H. 4.
8. Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps im Auftrage des Oberkommandos des Heeres, bearbeitet und Herausgegeben von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt. Berlin, 1936–1940. Bd. I–VIII.

Периодика

9. Der rote Soldat. 1918. 5. Dezember.
10. Freiheit: 1919. 21. Mai; 25. Mai.
11. Königsberger Hartungsche Zeitung: 1915. 24. Januar; 9. Dezember; 1916. 5. Mai; 1917. 28. April; 30. April; 3. Mai; 25. Mai; 11. November; 1919. 3. März; 11. März; 19. Mai; 20. Mai; 22. Mai; 23. Mai; 12. Juli.

12. Königsberger Volkszeitung: 1917. 19. Februar; 1917. 2. März; 1917. 24. März.
13. Leipziger Volkszeitung. 1916. 28. Dezember.
14. Neues Deutschland. URL: <https://www.nd-archiv.de/ausgabe.1975-09-27>.
15. Niederunger Kreisblatt. 1918. 10. Dezember.
16. Ostpreußische Zeitung. 1918. 17. November.
17. Vorwärts. 1918. 15. Februar.

Источники личного происхождения

18. Гуль Р. Б. Киевская эпопея // Архив русской революции. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 1–2.
19. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1915 гг. М., 2014.
20. Мюллер В. Я нашёл подлинную родину. Записки немецкого генерала. М.: Прогресс, 1964. 470 с.
21. Прибалтийский излом (1918–1919). Август Винниг у колыбели латышской и эстонской государственности /пер., предисл. и комм. Л. В. Ланника [и др.]. М., 2019.
22. Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009.
23. Bartel W. Die Linken in der Deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin, 1958.
24. Czepynski. Die Revolutionsnacht in Königsberg. 1918.
25. Gayl W. Ostpreußen unter fremden Flaggen. Königsberg, 1940.
26. Helferich C. Der Weltkrieg. Berlin, 1919. Bd. 3.
27. Hirsch P. Der Weg der Sozialdemokratie zur Macht in Preußen. Berlin, 1929.
28. Lüttwitz W. Im Kampf gegen die Revolution. Berlin, 1934.
29. Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart, 1927.
30. Müller R. Vom Kaiserreich zur Republik. Wien, 1924.
31. Noske G. Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1920. 210 S.
32. Winnig A. 400 Tage Ostpreußen. Dresden, 1928.

33. Winnig A. Heimkehr. Hamburg, 1935.

Литература

34. Бирковский В. Г., Исупов В. С., Фарутин И. А. История нашего края: Пособие для учащихся. Калининград: Кн. изд-во, 1990. 96 с.
35. Ватлин А. Ю. Советская республика в Баварии: история политических мифов // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 32–49.
36. Ватлин А. Ю. Советская Россия и германская революция 1918 года // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 65–79.
37. Винклер Г. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 878 с.
38. Виноградов М. В. Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918–1939): дис. ... канд. истор. наук. СПб, 2003.
39. Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Исторические очерки, документы, материалы. Калининград, 1996.
40. Гальцов В. И., Сергеев В. В. От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917–1918 гг. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени СПГУ. 2018. № 18-1. С. 134–147.
41. Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы Первой мировой войны. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 568 с.
42. Губин А. Б., Строкин В. Н. Очерки истории Кёнигсберга. Калининград: Книжное издательство, 1991. 190 с.
43. Дамье В. В. Немецкие анархо-синдикалисты и рабочие Рура (1919–1920 годы): от Ноябрьской революции до Капповского путча // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 76–97.
44. Дементьев И. О. Смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Калининградские архивы. 2014. Вып. 11. С. 75–88.

45. Дементьев И. О., Шепель Я. Г. Русские революционеры в Восточной Пруссии: Забытые «места памяти» // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 40–73.
46. Драбкин Я. С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 443 с.
47. Драбкин Я. С. Германская революция 1918 г. М., 1967.
48. Драбкин Я. С. Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918–1919 гг. М.: Наука, 1990. 276 с.
49. Дунаевский Д. В. Гарнизон Кёнигсберга в Пруссии. 1255–1945. Калининград, 2017. 384 с.
50. Егоров В. Г., Жданов В. П., Плюхин М. Ю. Калининградская область Российской Федерации: геополитический этюд. М.: Издательский дом «Дело», 2021. 294 с.
51. Застенкер Н. Баварская Советская республика. М.: Парт. Изд-во, 1934. 158 с.
52. Звегинцов В. Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914–1920 гг. Таллин, 1936.
53. Йениг Б. Прусские фонды в Государственном архиве Калининградской области // Калининградские архивы. 2001. Вып. 3. С. 47–56.
54. Колганова Э. М., Строкин В. Н. Страницы памяти. Калининград: Кн. изд-во, 1985. 160 с.
55. Костяшов Ю. В. Экономические связи Восточной Пруссии с Российской империей и СССР до и после Первой мировой войны / Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сборник статей. Калининград, 2013.
56. Кретинин Г. В., Макарычев А. С. Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: свидетельство очевидца // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 199–209.

57. Кретинин Г. В., Макарычев А. С. «400 дней Восточной Пруссии» Августа Виннига: опыт конъюнктурной мемуаристики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2021. № 1. С. 61–70.
58. Кретинин С. В. Сопротивление политике демократизации Веймарской республики в Пруссии в 1918–1921 гг. // Исторический журнал. 2015. № 3. С. 341–347.
59. Кривогуз И. М. «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М.: Госполитиздат, 1962. 239 с.
60. Кучинский Ю. История условий труда в Германии. М., 1949.
61. Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в её развитии. Саратов: Саратовский гос. технический ун-т, 2012. 536 с.
62. Ланник Л. В. Семья, долг, честь в Великой войне: проблемы повседневности германской военной элиты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 94–101.
63. Майор Диккерт, генерал Гроссман. Бои в Восточной Пруссии: обширный документальный репортаж о военных событиях, происходивших в Восточной Пруссии. Калининград, 1993.
64. Макарычев А. С. Первомай в Кёнигсберге и Восточной Пруссии. // Время Музея: сборник статей. Калининград, 2020. Вып. 3. С. 397–410.
65. Макарычев А. С. Социал-демократия Кёнигсберга и Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 3 (28). С. 24–24.
66. Максимов И. П. Элитистские причины Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 58–66.
67. Нелипович С. Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 60–69.

68. Новиков А. С. Гумбинненский правительственный округ провинции Восточная Пруссия в 1914–1915 годах // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сборник статей. Калининград, 2013. С. 131–138.
69. Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. – Калининград, 2002. 536 с.
70. Павловский О. П. Земля моя, калининградская. Калининград: Янтарный сказ, 1996. 117 с.
71. Пахалюк К. А. Бои в Восточной Пруссии в Первую мировую войну. М.: Алмаз-Принт, 2007. 272 с.
72. Пахалюк К. А. Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914–15 гг. // Военно-исторический архив. 2012. Вып. 9 (153). С. 107–130.
73. Сергеев В. В. Современное состояние региональной историографии истории Восточной Пруссии // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 46–56.
74. Соколов А. П. Германский офицерский корпус и солдатские Советы: борьба за политическое выживание в период революции 1918–1919 гг. // Исторический журнал. 2015. № 3. С. 314–323.
75. Строганова Н. А. Проблема польского национального меньшинства в Восточной Пруссии в германо-польских отношениях межвоенного периода // Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время: Материалы междунар. науч. конф. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. 282 с.
76. Цимбаев К. Н. Историография Ноябрьской революции 1918 года в Германии // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 124–145.
77. Шелавин К. Авангардные бои западноевропейского пролетариата. Очерки германской революции 1918–1919 гг.. Л., 1930. Ч. I и II
78. Шепель Я. Г. Внешнеполитические темы на страницах «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» в первой половине 1919 года // Ретроспектива:

- всемирная история глазами молодых исследователей. 2020. № 11. С. 31–43.
79. Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны. М., 1957.
80. Эйнике Л. Деятельность института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ // Вопросы истории. 1960. № 10. С. 205–210.
81. Allemann F. R. Bonn ist nicht Weimar. Köln, 1965.
82. Balkelis T. Demobilization and remobilization of German and Lithuanian paramilitaries after the First World War // Journal of Contemporary History. 2015. Vol. 50 (I). P. 38–57.
83. Bitter G. Die Preußische Regierung zu Königsberg 1918–1945. Leer: Verlag Gerhard Rautenberg, 1988. 156 S.
84. Borm A. Die Entwicklung Königsbergs in Preußen zu einer modernen Großstadt in der Weimarer Republik. Greifswald, 2016. 417 S.
85. Dix A. Wirtschaftskrieg und Kriegswirtschaft. Berlin, 1920.
86. Forstreuter K. Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände. Veröffentlichung der niedersächsischen Archivverwaltung, 3. Göttingen, 1955.
87. Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Bd. III. Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 1996. 352 S.
88. Grosse W. Die Schlacht bei Gumbinnen. Tilsit, 1939.
89. Haffner S. Die deutsche Revolution. 1918/19. München, 1979.
90. Hauf R. Die Preußische Verwaltung des Reg. Bez. Königsbergs 1871–1920. Bonn, 1980.
91. Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution. Berlin: Internationaler Arbeiter-Verlag, 1929. 534 S.
92. Kallweit E. Die wirtschaftsgeographische Entwicklung Ostpreußens. Königsberg, 1933.

93. Klatt R. Ostpreussen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1958. 272 S.
94. Kruchen. Die russischen Kriegsgefangenen beim Wiederaufbau der Provinz // Ostpreußische Kriegshefte. Berlin, 1916. H. 4.
95. Lindeblatt B. Preußenland. Die Geschichte Ost- und Westpreußens 1701–1945. Kiel, 2001.
96. Luban O. Russische Bolschewiki und deutsche Linkssozialisten am Vorabend der deutschen Novemberrevolution. Beziehungen und Einflussnahme // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin, 2009. S. 283–298.
97. Manthey J. Geschichte einer Weltbürgerrepublik. München: Carl Hanser Verlag, 2005. S. 542–567.
98. Matull W. Ostpreußens Arbeiterbewegung. Würzburg: Holzner Verlag, 1970. 149 S.
99. Nipperdey Th. Nachdenken über die deutsche Geschichte. Essays. München, 1986.
100. November 1918. Revolution an der Ostsee und im Reich. (Hg.) Thomas Stamm-Kuhlmann. Köln: Böhlau Verlag, 2020.
101. Plener U. Die Novemberrevolution 1918/1919 in Deutschland. Für bürgerlichen und sozialen Demokratie. Allgemeine, regionale und biographische Aspekte. Beiträge zum 90. Jahrestag der Revolution. Berlin, 2009.
102. Preuss H. Deutschlands Staatsumwälzung. Berlin, 1920
103. Römer W. Die Entwicklung des Rätegedanken in Deutschland. Berlin, 1921
104. Schlachten des Weltkrieges. Bd. 19: Tannenberg /Bearb. von T. von Schaefer. Oldenburg–Berlin, 1926.
105. Schumacher B. Geschichte Ost- und Westpreußens. Würzburg, 1937.
106. Schumacher R. Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Köln, 1985.
107. Shindo R. Ostpreußen, Litauen und die Sowjetunion in der Zeit der Weimarer Republik. Berlin: Duncker & Humblot, 2013. 888 S.

108. Spethmann H. Zwölf Jahre Ruhrbergbau. Aus einer Geschichte von Kriegsbeginn bis zum Franzosenabmarsch. 1914–1925. Bd. I–V. Berlin, 1928.
109. Thierfelder S. Der Ostdeutsche Heimatdienst und die Volksabstimmungszeit in Ostpreussen. Der Anfang vom Ende der friedlichen Koexistenz? // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. Vol. XXX. 2015. S. 84–100.
110. Tormin W. Zwischen Räterediktatur und sozialer Demokratie. Die Geschichte der Rätebewegung in der deutschen Revolution 1918/19. Düsseldorf, 1954.
111. Ullrich S. Der Weimar-Komplex. Das Scheitern der ersten deutschen Demokratie und die politische Kultur der frühen Bundesrepublik 1945–1959. Göttingen, 2009.
112. Volkman E. Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkrieg. Berlin, 1925.
113. Wulf D. Wagner, Lange H. Das Königsberger Schloss. Eine Bau- und Kulturgeschichte. Bd. 2. Von Friedrich dem Großen bis zur Sprengung (1740–1967/68). Regensburg: Schnell und Steiner, 2011. 608 S.